АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 12 (27)
декабрь, 2018

Содержание журнала для лиц старше 16 лет
16+
Содержание журнала для лиц старше 16 лет

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Вот и подходит к концу 2018 год! Год, когда литературно-исторический журнал «Александръ» окончательно сформировался и приобрёл свои узнаваемые черты не только в России, но и в зарубежных странах.

Издание стало более тематическим, и каждый новый номер редакция старалась посвятить определённому событию или дате. А завершающий, декабрьский, номер журнала включает в себя по большей части произведения отечественных учёных, что совершенно не случайно, так как «пытливый ум» всегда настроен на романтику и, начиная с Ломоносова, творил не только научные изобретения, но и литературные шедевры.

2018 год – это год 60-летия Союза писателей России, и в организации торжественных мероприятий, посвящённых этой значимой дате, мы приняли самое активное участие, что позволило расширить географию авторов, публикующих свои произведения в «Александре», от Камчатки до Калининграда.

Мы любим быть в диалоге с читателями и авторами и всегда прислушиваемся к вашему мнению. Надеемся услышать в наступающем году ещё больше отзывов, идей, предложений! Впереди у нас следующие шаги и много интересного: новые авторы, произведения, новые перспективы – так давайте же открывать их вместе.

Желаю всем в новом году здоровья, счастья, душевного спокойствия, тепла домашнего очага, мира и благополучия! Пусть вам сопутствует удача и все ваши начинания будут успешными!

С уважением и надеждой на сотрудничество,

Анатолий ТРУБА,
главный редактор,
доктор экономических наук

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ И КОЛЛЕГИ!

Совсем скоро наступит самый любимый всеми нами праздник, все соберутся у праздничного стола, традиционно будут слушать поздравления, считать последние в этом году секунды вместе с боем кремлёвских курантов. Приближается новый, 2019 год. Настало время поздравлять близких и друзей и подводить итоги уходящего года: говорить о результатах проделанной работы, делать выводы, ставить новые цели.

Хотелось бы отметить одну работу, непосредственно связанную с историей и православием, проведённую нашим институтом совместно с Императорским православным палестинским обществом, – это осуществление уникальных агротехнических и лечебных мероприятий, направленных на сохранение святыни, которой больше 2000 лет. Дерево Закхея – живой свидетель событий, связанных с библейским сюжетом о встрече Иисуса Христа с мытарем Закхеем. Оно растёт на историческом участке ИППО, где к 10000-летию города Иерихона был построен и успешно действует Российский музейно-парковый комплекс.

Что же касается литературно-исторического журнала «Александръ» – это издание для широкой читательской аудитории, где ставились задачи разной направленности, но их объединяет одно начало – созидательный характер: журнал прививает любовь к отечественной истории и русской литературе.

В преддверии Нового года мы обычно подводим символический итог нашим делам, свершённым в году уходящем. И очень приятно, когда понимаешь, что последние двенадцать месяцев для жителей нашей великой страны прошли не зря. Важно не стоять на месте, нужно развиваться, работать и стараться приумножить всё то, чего достигли ранее.

Дорогие читатели! Искренне поздравляю вас с наступающим Новым годом! Пусть чувство веры в своё дело не покидает вас, пусть перед вами будут открыты все горизонты. Будьте сильными и успешными, добрыми и честными. Счастья вам, удачи и здоровья, понимания и любви близких.

Иван КУЛИКОВ,
директор ФГБНУ «Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства», академик РАН

Данный журнал издан при финансовой поддержке администрации Тамбовской области за счёт средств гранта в форме субсидии, предоставленного социально ориентированной некоммерческой организации.

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,
член Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Редколлегия:

шеф-редактор А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Е. В. БАРАБАНЩИКОВ (п. Первомайский), IT-дизайнер, оформитель, поэт;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

В. Е. СОЛОВЬЁВ (Тамбов), председатель ТО Союза художников России;

В. И. ЧИСТЯКОВ (Тамбов), член Союза журналистов России.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.
Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан).
Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 12 (27), декабрь 2018 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.12.2018

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 393700, Тамбовская обл., п. Первомайский, ул. 35 лет ГДР, 2.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 16 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в АО «Издательский дом «Мичуринск»,
393760, Тамбовская обл., г. Мичуринск,
ул. Советская, 305. Тел.: 8 (47545) 5-21-15.
E-mail: izdomich@inbox.ru

ISSN 2542-0135

В НОМЕРЕ:

ВЕЧНОЕ
6 Иван КУЛИКОВ, Игорь ЖУРАВЛЕВ. Музейно-парковый комплекс в Иерихоне

СВЯТЫЕ МЕСТА
12 Марк НЕКРАСОВСКИЙ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ
14 Анатолий ТРУБА. Одна семья

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА
18 Геннадий ЩЕРБЕНЁВ. Два классика

ПЕРЕД ПРАЗДНИКОМ
25 Валентина ДОРОЖКИНА. Семейный Новый год

ГОСУДАРСТВО РОССИЙСКОЕ
38 Владимир ГАЗЕТОВ, Максим ВЕТРОВ. Стрелецкая музыка

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ
45 Павел МАЛОВ

БЫЛОЕ
49 Олег СЕЛЕДЦОВ. О богатырях

ЗАВЕТАМИ ПРЕДКОВ
52 Игорь МАРТЫНОВ. Казаки в науке: путь служения Отечеству

МАЛАЯ РОДИНА
56 Андрей СКИЛУР (ХАЗИЕВ). Тамбовские ратоборцы

ПРОЗА
62 Александр СЁМИН. Бражникус. Полтинник

ОСОБОЕ МНЕНИЕ
67 Борис БОЯРШИНОВ. Что показал эксперимент с плоской Землёй?

ТОЧКА ЗРЕНИЯ
72 Эдуард КУШЕЛЕВСКИЙ. Был ли выбор?

ИСТОРИЯ СОВРЕМЕННОСТИ
75 Виктор УСОВ. Декабрьские виды из окна Овального кабинета

ЖИТЕЙСКОЕ
82 Вадим КУЛИНЧЕНКО. Автономка

ЧЕСТЬ ИМЕЮ
85 Лев ИЛЬИН. Муравьёв (отрывки из романа)

ЗИМНИЕ СКАЗКИ
91 Марина ШЕРЕМЕТА. Звезда упала – загадай желанье. Зимняя сказка по-камчатски

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»
95 Наука и благотворительность

МУЗЕЙНО-ПАРКОВЫЙ КОМПЛЕКС В ИЕРИХОНЕ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Рассказ о музейно-парковом комплексе необходимо начать с города, в котором он находится. Город Иерихон – древнейший город мира, в 2010 году он отметил своё 10-тысячелетие. Название города происходит от древнего местного культа луны («яреах») и означает «лунный». Этот самый низкорасположенный (250 метров ниже уровня моря) город на Земле, город с глубочайшей и насыщенной историей, располагается в Иорданской долине, в 7 километрах от реки Иордан и в 12 километрах от Мёртвого моря. С запада город отделён крутым массивом гор Иудейской пустыни. Наличие пресноводных источников и дождевых потоков, несущихся с гор в зимнее время и орошающих Иорданскую долину, превратило эту местность в цветущий оазис и обеспечило раннее заселение людьми. Благодаря уникальному местоположению города в нём образовался тропический климат: зимой с температурой не ниже +15...+18, летом же температура поднимается до +45 градусов по Цельсию. Не случайно Иерихон упоминается в нескольких местах в Библии как «город пальм». По арабской пословице, «голова пальмы должна гореть в огне, а ноги – стоять в воде». Обилие воды и жары давало все необходимые условия для выращивания здесь этого важного растения древнейших цивилизаций.

Участок, на котором сейчас находится музейно-парковый комплекс, был приобретён в 1883–1884 годах иеромонахом

Иоасафом на средства паломницы и благотворительницы Е. И. Резниченковой. Иоасаф планировал создать на участке «Троице-Михайловский Русский общежительный монастырь». На момент приобретения на участке произрастало почитавшееся у местных жителей и паломников «дерево Закхея», и он оказался богат архитектурными остатками византийской эпохи. После приобретения Иоасаф приступил к благоустройству участка (строительству келий и рытью котлована под возведение монастыря) и обнаружил хорошо сохранившиеся полы, укрытые цветной мозаикой. В начале 1884 года он пришёл к архимандриту Антонину (Капустину), начальнику Русской духовной миссии в Иерусалиме, с сообщением о замечательной археологической находке. Вскоре, осматривая открытые в Иерихоне Иоасафом ранневизантийские руины, архимандрит Антонин (Капустин) убедился, что речь идёт о «мозаике отличной работы». Наличие на участке чтимого паломниками «древа Закхея» и ярких археологических открытий побудили Патриарха Иерусалимского Никодима перекупить участок у Иоасафа в собственность Греческой патриархии. Не оставлял надежды приобрести этот участок и архимандрит Антонин (Капустин), так как Елена Игнатьевна Резниченкова одно время была готова «отписать» его в завещании Русской духовной миссии. Ситуацию позволил разрешить случай. Иоасаф, задумав строить монастырь, «забыл» испросить благословение у иерусалимского патриарха. К тому же он, не получив санкцию у Русской духовной миссии и не заручившись поддержкой в русском консульстве, начал печатать и рассылать по России просительные письма и «Чин повиновения» от имени несуществующей обители. Исход затеянной иеромонахом авантюры был предрешён: Патриарх Иерусалимский Никодим потребовал удаления Иоасафа из

Иерихон в конце XIX века: старая башня и здание дома, построенного архимандритом Антонином (Капустиным)

Фото Иерихона в конце XIX века. Вид раскопок на Иоасафовском участке

Участники русской экспедиции 1891 года под руководством Н. П. Кондакова (пятый слева в первом ряду)

Палестины. Иоасафу ничего не оставалось, как обратиться за помощью к Императорскому Православному Палестинскому Обществу, предлагая пожертвовать ему свой участок и прося заступничества перед Синодом. По ходатайству общества опальный иеромонах был направлен в Ярославский Толгский монастырь. 8 августа 1885 года умерла и была похоронена в Иерихоне, на участке, купленном за её деньги, Е. И. Резниченкова, что вызвало протест со стороны Греческой патриархии. Конфликт с иерусалимским патриархом удалось несколько сгладить тем, что Великим постом 1887 года Патриарх Иерусалимский Никодим освятил «греческую» иерихонскую церковь во имя пророка Елисея, построенную на средства русских благотворительниц А. Д. Богдановой и М. М. Киселёвой, с греческим «древом Закхея» на церковной аллее. Так в Иерихоне появилось второе дерево Закхея, принадлежащее грекам.

В 1886 году Иоасафовский участок был передан в юрисдикцию Императорского Православного Палестинского Общества, Совет которого решил провести в 1891 году на участке серьёзные археологические раскопки. Для этой цели Обществом в Святую Землю была командирована научная экспедиция Императорского Православного Палестинского Общества под руководством Н. П. Кондакова. Русские раскопки не получили дальнейшего развития в XX веке из-за разразившейся в 1914 году Первой мировой войны.

В 1997 году участок переписан на Правительство Российской Федерации.

Новый импульс история участка получила, когда 9 июня 2008 года состоялась торжественная церемония передачи его в собственность Российской Федерации. Документы, подтверждающие право владения этим участком, были переданы председателю Императорского Палестинского Православного Общества, председателю Счётной палаты Российской Федерации Сергею Вадимовичу Степашину мэром города Иерихона Хассаном Салехом.

13–17 октября 2008 года участок с деревом Закхея посетила официальная российская делегация. В её состав вошли специалисты, перед которыми ставились задачи ознакомления с состоянием природных и культурно-исторических памятников на участке, а также оценка перспектив исследования и первоочередных мероприятий для их охраны и поддержания. Экспертиза участка выявила, что дерево Закхея, которому, по оценке доктора биологических наук Ю. Н. Карпуна, около 2 тысяч лет, нуждается в специальных лечебных и профилактических мероприятиях для его дальнейшего сохранения. 17 декабря 2009 года был утверждён состав рабочей группы по спасению библейской смоковницы – дерева Закхея, в которую вошли действительные члены Императорского Православного Палестинского Общества И. М. Куликов (академик РАН, директор ФГНУ «Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства»), Д. С. Репинский (председатель совета директоров группы компаний «Дефа»), С. И. Шкуркин (заместитель директора департамента аппарата Счётной палаты Российской Федерации), председателем был избран аудитор Счётной палаты Российской Федерации М. В. Одинцов.

С. В. Степашин и Хассан Салех. Москва. 9 июня 2008 года

Работы по обрезке библейской смоковницы – дерева Закхея. Апрель 2016 года

Рабочая группа у библейской смоковницы. Слева направо: члены группы С. И. Шкуркин, Д. С. Репинский, И. М. Куликов, руководитель рабочей группы – М. В. Одинцов, мэр Иерихона Хассан Салех, представитель РФ в ПНА С. Г. Козлов

Установка системы капельного орошения смоковницы

Устройство дренажных шурфов для полива корней библейской смоковницы. Апрель 2014 года

Благодаря хорошей работе к апрелю 2010 года все оздоровительные мероприятия по спасению смоковницы были завершены, в том числе была установлена инженерная система для капельного орошения древнего дерева. Процесс спасения фиксировался на видеокамеру, видеоматериалы были использованы для создания научно-документального фильма.

Группа российских учёных под руководством академика РАН И. М. Куликова на постоянной основе ведёт мониторинг жизнеспособности дерева Закхея, осуществляет контроль и проводит все необходимые мероприятия по уходу за его наземной частью.

В апреле 2009 года было принято решение о создании на данном участке музейно-паркового комплекса и о проведении на нём археологических раскопок. В 2010 году с учётом привязки к уникальным деревьям, в том числе и к библейской смоковнице – дереву Закхея, началось строительство музейно-паркового комплекса, которое завершилось в ноябре 2010 года.

Строительство музейно-паркового комплекса. 2010 год

18 января 2011 года Президент России Дмитрий Медведев и глава Палестинской национальной администрации Махмуд Аббас торжественно открыли новый музейно-парковый комплекс в Иерихоне.

По завершении строительных работ перед посетителями комплекса предстали благоустроенная территория, ансамбль византийских построек, уникальные артефакты и многоцветные мозаики, множество монет (найдено около двухсот, в основном византийских, начиная со II века) и, безусловно, сердце участка – библейская смоковница – дерево Закхея.

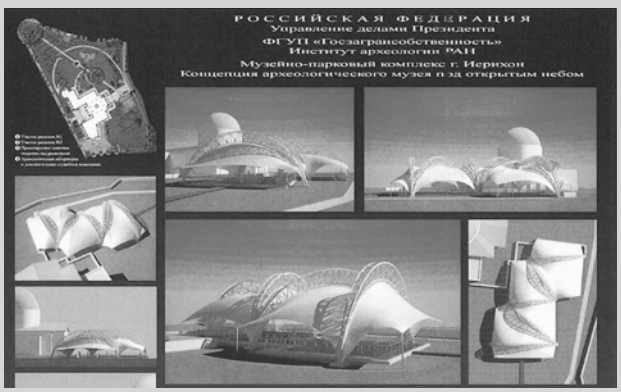
С января 2011 года началась штатная работа музейно-паркового комплекса, который, по признанию жителей Палестины, стал «жемчужиной» Иерихона. Тем не менее работа комплекса не ограничилась только приёмом посетителей. В музее организованы курсы русского, английского языков, математики. Здесь проходят выставки художников, фотографов, народного творчества, вечера поэтов, писателей, устраиваются благотворительные детские лагеря, проводятся международные конференции. Комплекс стал одним из дальних уголков России, где было отмечено 70-летие Великой Победы советского народа над фашистской Германией.

Существует проект развития музейно-паркового комплекса, который включает в себя строительство археологической экспозиции под открытым небом и археологической лаборатории.

Одним из проектов музейно-паркового комплекса стало проведение 2–3 мая 2015 года II Международного семинара «Происхождение и современное развитие городов Средиземноморья» совместно с Институтом по изучению программ для Средиземноморья (Италия) и муниципалитетом города Иерихона.

Игорь ЖУРАВЛЁВ,
директор музейно-паркового комплекса в г. Иерихоне,
Иван КУЛИКОВ,
директор ФГБНУ ВСТИСП, академик РАН

Торжественное вручение дипломов выпускникам курсов русского языка. Февраль 2014 года



Участники II Международного семинара «Происхождение и современное развитие городов Средиземноморья» (10-й слева – академик РАН И. М. Куликов). Май 2015 года

Ильинскому храму города Мичуринска и его настоятелю протоиерею Павлу Медведеву.

1

Затаился город – очень люто
Ненавидит город эта власть.
Суд вершат Скуратовы Малюты,
Дух крамолы истреблять им всласть.

Дом расстрельный – адская работа.
Надо душу спиртом ослеплять.
Расстреляли – отдыхать охота.
Та, в платочке, – вылитая мать.

Все на улицу, а рядом колокольня.
А на шпиле золотится крест.
Славно поработали сегодня –
Много в камерах свободных мест.

А теперь мы расстреляем Бога.
Все по цели. Поточнее. Пли!!!
И не в храм пускай ведёт дорога,
А в музей истории Земли.

Сгинули убийцы-ветераны.
Нет той власти уже много лет.
Лишь на шпиле пулевые раны.
Нет и жизни – если Бога нет.

2

Прыгать с небес да на землю,
Птицей парить среди птиц.
Я лишь свободу приемлю.
Я не приемлю границ.

Ветер в ушах только свищет.
В сборной – прекрасный спортсмен.
– Сколько прыжков?
– За две тыщи.
Только вот дух перемен.

Парень, зачем ты уходишь?!
Будешь по небу скучать.
Сборную, парень, подводишь.
– Души хочу я спасать.

Мы забываем о Боге.
Буду я храм поднимать.
К храму ведут пусть дороги.
Так завещала мне мать.

Небо – оно ведь со мною.
Небо нельзя ведь отнять.
Я полечу над землёю,
С верою легче летать.

Есть грандиозные планы,
Выполнить надо успеть.
Вылечим города раны.
Золотом храму гореть.

Вылечим раны и души.
Пусть золотятся поля.
Яблоки спеют и груши.
Верой спасётся Земля.

Марк НЕКРАСОВСКИЙ,
г. Луганск

Одна семья

АЛЕКСАНДР И АЛЕКСАНДРА

В кромешной тьме скрипнула дверь, и в просторную комнату протиснулись сквозь узкую щель, держась за руки, две фигуры. Высокий юноша и дрожащая всем телом девушка в нерешительности остановились и замерли у порога.

Только несколько часов назад мир для Александры был понятен и прост. Спокойная жизнь с хотя и не любимым, но вполне надёжным человеком, поддержка семьи и устоявшийся быт. И вот этот выход во двор и внезапный побег из неродного дома изменили всю жизнь молодой девушки. Сначала всё казалось нереальным. А там... под мостом... Она сделала, как казалось ей, единственно правильный шаг и решительно пошла за любимым. А он уверенно повёл её под лунным светом к родительскому дому. Но чем ближе они подходили к этому, казалось бы, желанному и защищающему месту, тем всё больший страх окутывал Александру. Хотелось закрыть голову руками и защититься от этого мира, спрятаться. Но это было невозможно, как и убежать или вернуть всё назад. Впереди ждала неизвестность.

А у самой калитки страх превратился в ужас, да и её возлюбленный Александр стал замедлять шаг, а войдя во двор, пошёл на цыпочках, что казалось бы смешным в другой ситуации, но сейчас юноша и девушка, объединённые общим порывом, не то что не смеялись, не могли и дышать.

– Саш, ты ли это? Ты же обещал пораньше вернуться. С дороги ведь, – раздался сонный женский голос. – Кто ещё с тобой стоит? – изумлённо задала вопрос мать Александра.

Зажглась спичка, поднесённая к лампе, и в тусклом свете появилось лицо женщины средних лет с растрёпанными волосами, которая подслеповато смотрела на молодых людей.

– Александра? – ещё больше удивилась женщина. – Да как же это?

Девушка спряталась за спину парня, попыталась вырвать свою руку, забилась, но Александр крепко её держал, и, поняв тщетность попыток вырваться, она обессиленно опустилась на пол и зарыдала.

Возникла пауза. В полном недоумении мать смотрела на сына. Затянувшееся молчание прервал скрип половиц, и, раздвинув дверные занавески, в комнату вошёл мужчина.

– Кого здесь ещё обижают? – спросил он. – Что за скулёж?

– Вон смотри, отец, что творится, – запричитала женщина, – чужую жену сынок твой в дом притащил. Девок ему мало.

Юноша наконец оставил руку девушки и вышел вперёд, решительно посмотрев в глаза отцу:

– Я люблю её. Она будет моей женой.

Мужчина прищурился и внимательно посмотрел на сына. Спустя некоторое время, которое показалось всем вечностью, он перевёл взгляд на сжавшуюся девушку и, улыбнувшись в усы, спросил:

– А ты-то, «невеста», согласна за этого шалопая замуж идти или украл он тебя силой?

От неожиданного вопроса девушка перестала плакать и, подняв глаза, полные слёз, сдавленно сказала:

– Согласна. Меня насильно отдали. Люблю я его, – кивнула в сторону Александра. – А больше идти мне некуда. Нет дороги назад. Пропаду я, Андрей Афанасьевич.

Мужчина отошёл к печке и задумчиво сказал:

– Мы всегда против насилия, а если идти некуда, то что ж, оставайся. Постели им, Фёкла Григорьевна. Утро вечера мудренее.

Женщина засуетилась и, отведя молодых людей в дальнюю комнату, быстро застелила кровать. А Александр и Александра ещё долго не могли заснуть и, боясь разбудить домочадцев, не говоря ни слова, слушали, как бьются их сердца.

Утром Александра, открыв глаза и не поняв спросонья, где находится, осмотрелась кругом. Рядом спокойно спал Александр, а через занавески на дверях на неё с любопытством смотрели две пары детских глаз. Мальчик и девочка, хихикая, перешёптывались между собой. Девушка испуганно спряталась под одеяло и почувствовала, что по дому разносится аромат от приготовленной каши. Только сейчас она вспомнила прошедший вечер и ночь. Всё произошедшее казалось ей нереальным, каким-то сном.

– А ну, делом займитесь, сорванцы, – раздался громкий женский голос, принадлежавший матери Александра Фёкле Григорьевне.

Дети, смеясь, убежали, а дверь открылась, и стоящая в проёме женщина заговорила:

– Вот это молодую ты, Сашка, в дом привёл. Мало того что чужая была, так ещё и спит до полудня. – И беззлобно продолжила: – Хватит спать. Обед уже. Быстро вставайте, и ждём вас за столом. – Развернувшись, вышла из комнаты.

Александр проснулся и поцелуем привлёк к себе любимую, прошептал:

Свидетельство о браке № 18

Выдано в том, что гражд. Шелковников Александр Андреевич и Дегтерева Александра Николаевна вступили в бра[к]

о чем в книге записей актов гражданского состояния о бра[ке] 7 Мая месяца 1931 год произведена соответствующая запись.

Место для штампа: Завороненский сельский совет ... 7 Мая 31

Фамилии после брака: Шелковников, Шелковникова

От оплаты гербовым сбором освобождено

Особые отметки

Заведующий

Делопроизводитель

М. П.

– Вставай! Ждут нас. – И уже уверенным голосом продолжил: – Я же говорил тебе – ничего со мной не бойся.

Только сейчас молодые почувствовали, как безумно они голодны, и, приведя себя в порядок, прошли к столу.

За столом сидел хозяин Андрей Григорьевич, два сына и дочь, жена расставляла тарелки. Когда Александр и Александра вошли в комнату, все подняли головы и изучающе посмотрели на молодых людей, которые, поёжившись, прошли и сели за стол.

– Ну и натворили вы делов со своей любовью, – начал первым Андрей Афанасьевич.

– Батя... – заговорил было Александр.

– Что «батя»? – передразнил отец. – Не мне – вам жить дальше. Среди людей. Как в глаза смотреть будете?

– Как-нибудь, – встряла в разговор Александра.

– О как?! – удивлённо поднял брови мужчина. – И, улыбнувшись, продолжил: – Ты гляди, голос показала! Не бойся. Сказал же вчера, что мы всегда против насилия и своих не выдаём. Хоть не донские – с Дону выдачи нет, и у нас, сибирских казаков, выдачи нема.

Молодые люди неуверенно посмотрели на родителей Александра.

– Вы вот что, – предложил отец, – сегодня никуда не выходите. А то вам глаза на улице выцарапают. Живите у нас, пока на ноги не встанете. А там всё образуется... А ты не бойся. – Потенциальный свёкор посмотрел на Александру. – Сашка хоть и шалопай, но с руками. Не пропадёшь ты с ним, и плотничать может, и по дому всё. Не пропадёшь ты за ним.

Девушка подняла глаза и с благодарностью посмотрела на Андрея Афанасьевича.

Отобедав и поблагодарив родителей, молодые люди, посоветовавшись, пошли в дом Дегтярёвых, чтобы объясниться с Александровой родней и собрать личные вещи девушки. Шли молча, и каждый думал о своём. Александр – как благоустроить быт молодой семьи, а Александра боялась встречи с роднёй, в особенности с Агафьей и её мужем. Что встреча будет нерадостной, девушка не сомневалась.

Подойдя к дому Дегтярёвых, молодые люди нерешительно постучали в окно. На невысокое крыльцо вышла Агафья, чего больше всего и боялась Александра.

– Вот и пришла, гулящая, – сразу пошла в атаку Агафья. – Да как ты посмела? Как глаза твои бесстыжие смотрят? Дмитрий прибегал не в себе. Убить тебя хотел. На всё село его и нас опозорила.

В Александре проснулись неведомые прежде уверенность и сила. Посмотрев в глаза сестре, она вышла вперёд и твёрдо произнесла:

– Пусть делает, что хочет. Я к нему больше не вернусь. Вот мой муж, – показала девушка на Александра. – С ним и буду жить. А ты мне не указ.

Агафья не ожидала такого резкого ответа от сестры и с изумлением взирала на неё.

– Пусти меня вещи собрать и живите своей жизнью. – Александра, подвинув в сторону сестру, быстро прошла в дом и, не поздоровавшись с домочадцами, стремительным шагом направилась в свою комнату, ещё не занятую роднёй.

Никто не ожидал от этой кроткой и робкой девушки такой решительности. В доме послышалось шуршание, и через несколько минут Александра появилась на крыльце с двумя небольшими узлами. А стоящие во дворе Агафья и Александр так и не сдвинулись за это время со своих мест.

– Я своё счастье сама строить буду, – выпалила разгорячённая Александра, – к вам не лезу, и вы не суйтесь. Не ваше это дело. К вам за помощью не приду.

Подойдя к жениху, она сунула узелки ему в руки, и молодые люди быстро покинули ставший негостеприимным родительский дом.

– Как знать, жизнь штука долгая и сложная, – задумчиво произнесла Агафья, глядя, как пара удаляется по улице в лучах заходящего солнца. – Ещё не раз обратитесь.

* * *

Время закрутило Александра и Александру с неимоверной скоростью. Зима пролетела быстро. Днём Александр с отцом плотничали в городе или на селе, а Александра помогала по хозяйству. Вечером же вся семья собиралась в большой комнате. Часто делали концерты. Андрей Афанасьевич играл на мандолине, ему подыгрывал на балалайке Александр, а младшие братья и сестра пели песни, выучивая каждый раз новые.

Весной работали в саду и огороде. Андрей Афанасьевич с особой любовью ухаживал за деревьями, приучая к этому сына. Постоянной работы не было, но семья не бедствовала. Два кормильца в доме обеспечивали семью.

В мае Александр попросил Александру взять документы. Ни о чём не спрашивая, та быстро собралась, и молодые в этот же день расписались в местном сельсовете. Важное событие отметили скромно – вечерним ужином с родителями жениха, не оповестив об этом родню Александры.

Как ни благополучно жилось в родительском доме, но мысли о собственном крове никогда не покидали молодожёнов. Особенно настаивала Александра, не раз говоря своему супругу:

– Всё хорошо у нас, Саша, но надо бы иметь собственный угол.

Александр старался, брался за любую работу, но денег не хватало. Однажды, придя вечером домой, Александр рассказал молодой жене, что на Жидковке продаётся небольшой дом, но всех его сбережений всё равно не хватает, а заработать в ближайшее время недостающую сумму не получится. Александра молча выслушала его и, уйдя в комнату, вернулась с маленьким узелком. Развязала платок и протянула мужу.

– Бери, отнеси завтра на рынок и продай. Не прогадай только.

На тряпице лежали два золотых колечка и серёжки.

– Это всё, что осталось в память о матери. Перед смертью передала мне. Бери, нам дом сейчас важнее.

Александр посмотрел в мокрые от слёз глаза жены и, поняв цену принесённой жертвы, благодарно притянул к себе жену и поцеловал.

На удивление денег как раз хватило для покупки дома, и молодые быстро переехали в небольшой деревянный дом, но с хорошим участком земли. По иронии судьбы жить пришлось как раз напротив родительского дома Александры. Соседи всегда общаются, постепенно наладились отношения с её родней, чему способствовал приехавший на побывку с военной службы старший брат Александры Иван.

В 1933 году родилась первая дочь Раиса, затем одна за другой ещё две дочери и сын Владимир. Перебиваться временными заработками стало труднее, и Александр в 1939 году устроился на Мичуринский мясокомбинат плотником, а позднее перешёл в охрану. Александра же в основном занималась воспитанием детей и работала на различных предприятиях. Жизнь Александра и Александры была хоть и с определёнными трудностями, но слаженной и спокойной. Своего счастья они добились сообща, поддерживая друг друга. А

Анатолий ТРУБА,
доктор экономических наук

Сергей Николаевич Степанов

Какая же ты счастливая, Русь,
коль богата ты такими
патриотами и талантами.
А. Ф. Колесникова

ДВА КЛАССИКА

Отрадно видеть преобразования, произошедшие в провинциальном городе с мировой известностью, полученной как результат признания заслуг основоположника селекционной отрасли, осуществившего «дерзновенный вызов природе». Его стремление к созиданию нашло продолжение в последующих поколениях, в том числе у внуков и правнуков. Оно получило развитие не только в научных исследованиях, но и в преобразовании облика города. На его улицах сооружены памятники, на стенах общественных зданий укреплены мемориальные доски. На участках земли между жилыми зданиями и городскими постройками, где ранее произрастали одичавшие растительные «индивиды» и скапливались отходы человеческой деятельности, разбиты скверы. Эти места вскоре полюбились пенсионерам и неугомонной детворе. На остановках общественного транспорта смонтированы красочные стенды, наполненные информацией о богатом историческом прошлом, культуре, людях, принёсших славу нашему городу.

В одном из номеров «Мичуринской правды» узнал о предстоящих планах на ближайшее будущее – преобразовать набережную реки, установить новые памятники. Это очень хорошая мысль, которую следует одобрить.

Памятники, как правило, сооружают героическим индивидам рода человеческого в благодарность за тот образ жизни, что может

быть достойным примером для подражания и подъёма энергетического потенциала нынешнего и будущих поколений. Пришло время для того, чтобы увековечить память об учениках И. В. Мичурина. Среди многочисленной плеяды продолжателей учения знаменитого земляка своей индивидуальностью отчётливо выделяется профессор Валентин Иванович Будаговский – основоположник карликового садоводства. Его вклад в развитие сельскохозяйственной отрасли получил мировое признание и нашёл отражение в энциклопедии по садоводству в Америке. Не менее значительный вклад в развитие отечественного садоводства внёс профессор С. Н. Степанов. К сожалению, нельзя так же высоко оценить развитие направления отечественной отрасли, предлагаемого этим оригинатором. Так уж получилось, что его мысли определили судьбу моего научного пути. Наше общение с профессором началось с обсуждения ситуации, сложившейся в селекционной практике с яблоней. Из поля зрения создателей новых сортов основной плодовой породы выпал наиважнейший признак: плодосозидающая часть дерева – объём и строение листовой поверхности, усваивающей солнечную энергию, то есть наиболее активная функция, влияющая на развитие плодов. Она оказалась до настоящего времени без изменения. Размеры этого природного феномена чрезвычайно велики по объёму – состоят из мощной корневой системы и сильно развитого верха – кроны. В ней только периферийная поверхность усваивает солнечную энергию. В центре кроны располагается «мёртвое пространство». В нём отсутствует созидательная функция, то есть эта часть дерева является избыточной. Идея уменьшения размеров плодового дерева принадлежит И. В. Мичурину. Его мысль попытался реализовать в практику отрасли плодовод-новатор Николай Григорьевич Жучков. Именно им карликовое садоводство было поставлено на научную основу. При всём уважении к оригинатору нельзя согласиться с выбранным им путём. Экспериментатор в своём творческом порыве укрощения мощи плодового дерева предполагал разре-

Валентин Иванович Будаговский

шить проблему за счёт ослабления корневой системы. Осуществление этой задачи было предложено вступающему в «умственную отрасль» юноше Валентину Будаговскому.

Валентин Иванович Будаговский, обладающий сильным «волеизлучением», с увлечением взялся за решение проблемы, высказанной учителем. Вскоре его воодушевлённая деятельность дала осязаемые результаты. Насаждения на корневой системе с пониженной функциональной активностью оказывали на посетителей сильное эмоциональное воздействие. Во-первых, деревья раньше вступали в пору плодоношения и обильнее нагружались плодами. Во-вторых, плоды значительно укрупнялись, на них усилилась окраска, что повысило их привлекательность. Продукты солнечных лучей, находящиеся в одинаковой освещённости, имели не только увеличенную массу, высокие вкусовые качества, но и приблизительно одинаковые размеры. Одна из

первых опубликованных статей «Деревья – карлики, а плоды – гиганты» произвела на читателей шокирующее действие. В садоводстве произошла революция. Осознание её среди садоводов происходило постепенно. Часто вспоминаю впечатление, полученное крупным специалистом Павлом Кирилловичем Урсуленко при посещении яблоневого сада, где экспериментировал В. И. Будаговский: «Всю ночь не мог заснуть».

В тексте своего жизнеописания «Кратко о своём жизненном пути» В. И. Будаговский сделал вывод о преимуществе технологического варианта на ослабленной корневой системе словами: «У карликов основная масса продуктов фотосинтеза ("материалов", выработанных листом) идёт на формирование плодов и меньше на построение наземной части и корневой системы (на дрова, как иногда говорю я)». Этот термин, включённый в текст своих воспоминаний классиком

В. И. Будаговский в саду

отечественного садоводства, впервые мною был услышан из уст профессора С. Н. Степанова. И то, что им воспользовался Валентин Иванович Будаговский, на мой взгляд, есть признание правоты Сергея Николаевича Степанова. Для того чтобы осознать истину оппонента, В. И. Будаговскому потребовалось время. Объём кроны в варианте со слаборослыми подвоями несколько уменьшился, что, естественно, привело к понижению размера «мёртвого пространства», в котором отсутствовали плоды. Плодовое дерево в меньшей степени требовало механического удаления части кроны, но полностью отказаться от этой принудительной операции не удалось. Признанный авторитет садоводческой отрасли сокрушённо выражал это состояние: «Мы ещё недостаточно узнали о биологических явлениях, происходящих в плодосозидающей части яблони». Профессор С. Н. Степанов оказался прозорливее своих современников. Его высокий умственный потенциал позволил определить более оптимальное решение – изменить строение верхней части дерева, преобразующей солнечную энергию в плоды. Он упредил время, и очень жаль, что окружающая умственная среда не оценила этот продукт его мышления. Феномен С. Н. Степанова следует объяснять не только его природной одарённостью и постоянной загрузкой мозга решением проблем отрасли, развитой интуицией, вернее, работой подсознания, но и временем. Его деятельность пришлась на «серебряный период» отечественного садоводства. Государство в достаточной мере финансировало отрасль. В это время расширялись штаты институтов, организовывались новые опытные станции или станции преобразовывались в институты, открывались отделы садоводства. В институте работали крупнейшие учёные: селекционеры – Сергей Иванович Исаев, Алексей Николаевич Веньяминов, Клавдия Дмитриевна Сергеева; технологи – Александр Константинович Кондаков, чьим именем названа одна из малых планет Вселенной, Павел Кириллович Урсуленко, Александр Александрович Новиков; экономист Пётр Фёдорович Дуброва. Столь сильный

коллектив мог выполнять роль «генерального штаба» по садоводству. Именно в нём ежегодно обсуждались результаты исследований не только собственного состава садоводов, но и других учреждений. В развитии отечественного садоводства директор института выполнял функцию «локомотива».

В предисловии к юбилейному изданию трудов В. И. Будаговского приведены следующие слова: «А некоторые проблемы, сформулированные В. И. Будаговским, ещё ждут своего разрешения». К сожалению, в столь солидном издании не обнаружено чёткого указания – какие проблемы технологии выращивания плодовых насаждений требуют разрешения. Его ученики, не обладающие мышлением учителя, оказались неспособными перейти через грань того умственного пространства, в котором прорабатывались технологические варианты интенсивного развития садоводства. Несмотря на очевидность преимущества подхода профессора С. Н. Степанова, который считал необходимым усовершенствовать «биологическую машину» усвоения фотонной энергии, преобразования её в плоды, эта проблема до настоящего времени ещё не решена.

В процессе эксперимента по решению этой проблемы было установлено, что продуктивность рабочей части кроны находится в зависимости не только от биологических особенностей корневой системы (прежде всего от её размеров), но и от других морфологических признаков строения дерева, в том числе и таких, как величина междоузлий. Уменьшение расстояний между листьями усиливает поверхность, поглощающую солнечную энергию. Длина междоузлий одного из шедевров селекции лауреата Государственной премии Сергея Ивановича Исаева – сорта Зимнее полосатое – 2,4 см, что обеспечивает ему лидерство по уровню урожая плодов. Увеличение расстояния между листьями до 3,1 см у сорта Ренет Черненко понизило его продуктивность. Угол отхождения скелетных веток является свойством, также влияющим на урожайность и качество плодов. Выведенный автором сорт яблони Анзерское с кроной, состоящей из разветвлений, отходящих от ствола под углом в 90°, резко увеличил загрузку плодовой массой. Раскрытая рабочая часть кроны дерева позволила плодам в одинаковой степени поглощать фотонную энергию солнца, что способствовало повышению их величины и качества. Тонкие побеги с усиленной листовой поверхностью сорта Суперинтенсивное позволяют производить одномерные плоды с ярко окрашенной поверхностью.

В. И. Будаговский. Экскурсия по карликовому саду

Выявлены и такие формы, у которых разветвления плодового дерева формируются в первый же год вегетации. Прививка таких образцов на высоте подвоя в 60 см позволяет получать саженцы с разветвлённой кроной. Направление развития садоводства, предложенное профессором С. Н. Степановым, увенчалось половинчатым решением. Созданная форма под сортовым названием Гелон является явной удачей. В ней произошло объединение ценных хозяйственных и биологических признаков. Удалось уменьшить объём кроны. Дерево обладает сдержанным

ростом, поэтому для него требуются подвои с развитой корневой системой. Дерево состоит из кронообразующих ветвей, отходящих под углом в 90°. Уменьшена величина междоузлий. За счёт этого произошло усиление листовой поверхности, что способствовало повышению уровня усвоения фотонной энергии солнца. Зато побегообразовательная система индивида ослаблена. Плоды характеризуются высокими вкусовыми качествами. К сожалению, продукты фотосинтеза имеют недостаточную величину, и требуются селекционные усилия по увеличению их массы.

Среди нас уже нет этих классиков садоводческой отрасли, но их идеи и в настоящее время продолжают противостояние. Колокол В. И. Будаговского в определённом ритме издаёт чётко выраженные звуки. Направлению, предложенному профессором С. Н. Степановым, противостоит механический приём, к которому выработалась давняя привычка – регулировать объём кроны с помощью секатора и ножовки. Удаление части кроны осуществляется обычно с наступлением весеннего вегетационного сезона, а к завершению ростовых процессов яблоня полностью восстанавливает прежние объёмы. А на то, что появилась возможность с помощью низкоинтенсивного электромагнитного излучения укрощать побегообразовательную функцию и усиливать тенденцию к плодообразовательной способности, специалисты механических операций упорно не обращают внимания.

Эти две яркие личности заслуживают увековечения. Их противостояние следует запечатлеть на одном постаменте, то есть эти фигуры будут выражать не только противоборство. Те идеи и предлагаемые противоположные направления развития садоводческой отрасли, что выражали бы эти фигуры, объединённые в мраморном виде, будут способствовать «пробуждению» ныне живущего и будущих поколений учёных и появлению в их сознании чрезвычайно интересного вопроса – укрощения и направления противостояния в созидательное русло. Важно то, что эта мысль сформировалась и в мышлении у такого государственного деятеля, каким являлся И. В. Сталин. Следует оценить высокую весомость его решимости. С наступлением мирного периода «хозяин страны» решил добиться объединения творческих усилий тружеников умственного профиля деятельности, обладающих противоположными подходами к решению проблем. Хотелось, чтобы в его государстве произошло создание творческой ситуации. Опыт такого союза сформировался, прежде всего, усилиями И. А. Рапопорта. Им ежегодно организовывались научные конференции, на которые приглашались труженики – научные работники, решающие практические задачи. И. В. Сталин, находясь у руля государства, находил время для чтения произведений «инженеров человеческих душ» и учёных-биологов. В молодости изучал не только православие, но и другие религиозные системы. Столь широкий охват систем знаний позволял ему находить верные решения. Отмечая возросшее в стране количество академических учёных, попытался переключить отдельных из них с теоретических проблем на решение технологических задач сельского хозяйства. Высоко оценивал творчество И. В. Мичурина. Его фраза: «Будущее принадлежит И. В. Мичурину» – оказалась пророческой.

В последнее время мастерство клонирования дерева достигло довольно высокого уровня. Те сформированные кроны, которые были разработаны мастерами «хирургических операций» после удаления части плодового дерева, достигли высочайшего класса. Одновременно с выдающимся мастерством хирургических операций в садоводстве познания учёных достигли более глубокого уровня. Ими в растениях выявлены новые системы, а среди факторов внешнего воздействия обнаружились оригинальные возможности – провоцировать у растительных индивидов «разумность», усиливать генеративную сферу, зато ослаблять ростовую мощь. В таких кронах усвоенная солнечная энергия расходуется на образование плодов, при этом сдерживается формирование той части кроны, которая требует удаления хирургическими приёмами.

Геннадий ЩЕРБЕНЁВ,
кандидат сельскохозяйственных наук

ПОЧТА СССР 1951г.
40 КОП.
С.П. КРАШЕНИННИКОВ
ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКИЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ КАМЧАТКИ

Д.С. ЛИХАЧЕВ 1906-1999
РОССИЯ
ROSSIJA · 2006
5.00

РОССИЯ RUSSIA 2007
1832-1889
С.П. БОТКИН
5.00

1971
4к
1881 АКАДЕМИК
1946 А.А.БОГОМОЛЕЦ
ПОЧТА СССР

1871–1937
1971
ПОЧТА СССР
Эрнест Резерфорд
6к

ПОЧТА СССР
25 К

СТО ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АКАДЕМИКА
Н.Д.
ЗЕЛИНСКОГО
1961г.
ПОЧТА СССР 4к

Академия Наук
1725.
1925.
3 КОП
3 КОП

4 коп. ПОЧТА СССР
АКАДЕМИК
1961
С.И. ВАВИЛОВ

1955
ПОЛЬСКИЙ ХУДОЖНИК
ЯН МАТЕЙКО
ПОЧТА СССР
Коперник
С картины Я. Матейко. 1873 г.
1 РУБЛЬ

СССР 1980
4к
980
1037
Ибн Сина
Авиценна

Из коллекции А. СЁМИНА

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 12 (27) декабрь 2018

Семейный Новый год

РАССКАЗ

1

Природа в этом году была так щедра, что, подарив вечно недовольным людям поистине золотую осень, длившуюся с сентября по ноябрь, она и в декабре продолжала баловать солнечными днями с температурой до плюс десяти градусов. И все наперебой цитировали Пушкина: «Зимы ждала, ждала природа...»

Правда, в ноябре раза два принималась сеяться с неба грязноватая крупа. И морозец лёгкий был по утрам, даже речка с краешку холодными морщинками подёргивалась. В один из дней по городу промчался ураган, поваливший несколько деревьев. Столкнулись в атмосфере, как говорили синоптики, холодная и тёплая волны. Видимо, тёплая волна победила, потому что после урагана, ночью, на западе полыхала молния, а к утру прошёл дождь, от которого в скверах зазеленела травка, и кисти рябины на безлистых деревьях сверкали на солнце дождевыми каплями красного цвета...

Марина Сергеевна сняла берет, сунула в сумку. Обрадованные волосы вырвались на свободу, и ветерок тотчас выбрал себе белокурый локон и заиграл с ним. Она дотянулась и сорвала несколько рябинок. Вся кисть не поддалась, крепко держалась на ветке. Протерев ягоды между пальцами, Марина Сергеевна положила в рот сразу три штуки, раскусила. Она любила рябину и каждый год помногу замораживала в холодильнике. Варила из неё кисель, делала настойки, засахаривала и украшала торты. Их она тоже любила, хотя понимала, что от тортов давно пора отказаться, но

не могла. Утешала себя тем, что размер пока пятьдесят второй, а у племянницы мужа – уже пятьдесят шестой, а она моложе почти вдвое и торты не ест. Не ест, правда, магазинные, потому что однажды отравилась, а сама не умеет не только торт испечь, но и кашу сварить. А вот у Марины Сергеевны, приходя в гости, ест с удовольствием. Только если торт был украшен рябиной, она брезгливо отодвигала ягоды ложечкой и говорила:

– Опять ты эту дрянь натыкала. Горько же!

– А ты попробуй! – каждый раз убеждала её Марина Сергеевна. – Во-первых, ты должна знать, что после мороза рябина теряет горечь, а во-вторых, на торте она засахаренная...

Но Светку убедить было невозможно. Вообще ни в чём, не только попробовать засахаренную рябину...

Ягодки, сорванные Мариной Сергеевной, конечно, горькие – настоящих морозов ещё не было, и воробьи их пока не трогали: им хватало в такую теплынь другой пищи. «Наверное, птицы тоже любят подмороженную», – подумала Марина Сергеевна.

Она шла с работы пешком, по любимой Набережной. Сегодня понедельник, можно было не заходить в магазины. За два выходных она обычно закупала продуктов на целую неделю, готовила впрок. Муж целыми днями на работе, соглашается даже в выходные на ночные дежурства. Владимир Дмитриевич – психотерапевт. Персонал и больные его любят. Ещё бы! Он к каждому относится, как к родному, всем помогает. «Кроме себя, – невесело подумалось Марине Сергеевне. – Какой он стал нервный в последнее время...»

И всё из-за Светки, племянницы. Она жила с матерью, сестрой Владимира Дмитриевича, которая была старше его на десять лет и, сколько он себя помнит, всегда опекала его, заботилась. Тамара Дмитриевна часто болела, особенно после того как поселилась с дочерью в однокомнатной квартире, которую им дали в связи со сносом частного дома. Дом был большой, на два входа. В одной половине жил Владимир Дмитриевич с Мариной Сергеевной и дочерью Юлей, в другой – сестра со своей семьёй.

– Как там хорошо было, в своём-то доме. Правда, Володя? – с грустью говорила Тамара Дмитриевна. – И сад, и огород. Выйдешь утром, вдохнёшь – и жить хочется... А здесь... мешок каменный...

Владимир Дмитриевич сочувствовал. Но что он мог поделать? Сам жил в таком же «мешке». И всё-таки причину постоянных недомоганий сестры он видел в Светке, от которой покоя матери не было никогда. Отец баловал дочь, ни в чём ей не отказывал, а когда его не стало, мать не могла уже обеспечивать её так, как было при отце. А она требовала. Кое-как окончила школу, поступила в медучилище – авторитет дяди помог: Владимира Дмитриевича в городе знали и племянницу его приняли «на бюджетной основе», как сейчас называют бесплатное обучение. Теперь медсестрой работает в детской поликлинике. Владимир Дмитриевич сразу понял, что работу свою она не любит. Но это ещё куда бы ни шло. Главное, она не любит детей. Своих у неё нет, хоть и дважды выходила замуж. «Не хочу никаких детей! – с вызовом говорила она. – Дайте мне пожить в удовольствие!»

«Не хочу никаких детей!» – это и было причиной ухода от неё двух мужей. Светка мечтала о шикарной жизни – о машине, о даче.

– Милая моя, – еле сдерживаясь, внушал ей Владимир Дмитриевич, – во-первых, на всё это надо заработать. Во-вторых, за машиной надо ухаживать, а на даче – вкалывать. А ты полы дома никогда не моешь, посуду за собой и то не убираешь, всё мать...

– Жаловалась, что ли? – беспечно спрашивала Светка.

– При чём тут «жаловалась»? Я что, не видел тебя, когда в одном доме жили?

– Она мне ничего не даёт делать... Говорит: «Я сама».

– А ты бы не дожидалась, когда она сама...

Но это был бесполезный разговор, который заканчивался одним и тем же: Светка убегала, хлопнув дверью. Владимир Дмитриевич шёл на балкон курить. «Теперь на матери будет зло срывать», – каждый раз с горечью думал он, глядя с четвёртого этажа, как племянница шла через двор и вся её громоздкая

фигура выражала несогласие не только с дядей, но со всем миром, который её окружал и не обеспечивал шикарной жизнью. В хорошие минуты она, уходя, поворачивалась и махала дяде рукой. Хороших минут становилось всё меньше...

Владимир Дмитриевич снял телефонную трубку и набрал номер сестры. Никто не ответил. Два дня назад он разговаривал со Светкой.

– Мама спит, – каким-то ненатуральным голосом отозвалась она на просьбу позвать её к телефону...

– Скажи, чтобы обязательно позвонила мне, как проснётся.

– Скажу.

Но сестра не позвонила. Он пытался связаться с ней ещё несколько раз, но безуспешно. К телефону никто не подходил. Он боялся даже подумать о том, что с Тамарой могло что-то случиться...

2

Владимир Дмитриевич только что пришёл с работы. Жены ещё не было, и он решил, не раздеваясь, съездить к сестре. «Может, телефон не работает? – успокаивал он себя. – Но Светка-то могла позвонить с работы... Нет, тут что-то не так...»

Подойдя к дому сестры, он сразу увидел, что в окнах комнаты и кухни темно. Тамара Дмитриевна жила с дочерью в однокомнатной квартире, что доставляло неудобства, особенно когда к Светке приходил очередной... друг. Тогда мать уходила на кухню, а если было тепло, то – на улицу. И гуляла до тех пор, пока ноги не отказывались двигаться. «Конечно, я мешаю ей, – сознавала Тамара Дмитриевна. – Был бы жив муж, нам дали бы двухкомнатную квартиру. Светочке надо ведь устраивать свою жизнь, выходить замуж... Хоть бы внука дождаться. У Володи уже есть...»

Она улыбалась сквозь слёзы, представляя маленького Алёшку, похожего, как ей казалось, а больше – хотелось, на деда, её любимого брата Володю...

...Он бродил возле дома, часто поглядывая на окна, надеясь, что вот-вот вспыхнет свет, он поднимется и увидит сестру. Но свет не вспыхивал, и Владимир Дмитриевич волновался всё больше. Наконец он решился войти в подъезд. Поднялся на третий этаж. Позвонил. Ждал долго. Никого. Из соседней квартиры вышел хозяин. Владимир Дмитриевич его знал: их давно снесённые дома стояли рядом, и они частенько в добрые времена сидели летними вечерами то у него в саду, то у соседа. «Постой... А как же его зовут... Надо же, забыл!»

– Привет, привет, бывший сосед! – Мужчина внимательно посмотрел на Владимира Дмитриевича и протянул руку. – Уезжал, что ли, куда?

«Что-то он на меня так смотрит? Изменился я, постарел?» И тут же Владимир Дмитриевич вспомнил его имя – Михаил Анатольевич.

– Нет, никуда не уезжал. Заработался, без выходных...

– Много нервных? – улыбнулся Михаил Анатольевич. – Век нынче такой...

– Не знаете, где родня-то моя? – спросил Владимир Дмитриевич. – На телефонные звонки не отвечают, пришёл вот – никого...

– А некому отвечать... – Сосед отвёл глаза в сторону.

– Что?! – испугался Владимир Дмитриевич.

– Да ничего-ничего... страшного. Ты не пугайся. Живы все. Светлана Андреевна завела себе... Ну, мужа, наверное. А Тамару Дмитриевну... – Михаил Анатольевич замялся... – В общем, в интернат она её определила. Сказала, что временно...

«Нет ничего более постоянного, чем временное», – некстати вспомнилось Владимиру Дмитриевичу. А может, и кстати.

– А вы с Мариной Сергеевной что, не знали? – Сосед недоверчиво посмотрел на Владимира Дмитриевича. – Я думал, вы в курсе... А я ещё, грешным делом...

Он не договорил, потому что Владимир Дмитриевич резко повернулся и чуть не бегом спустился вниз...

На улице он вдохнул свежий воздух так, что всё внутри хрустнуло, и ему показалось,

что лопнули рёбра, что сердце сейчас выскочит и он не сможет добраться до дома...

«Гадина, ох какая же гадина!» – сквозь стиснутые зубы простонал он. Такого от Светки он не ожидал. Он думал, что при всём её эгоизме, избалованности она не способна на подлость. Не способна? А не любить детей – это не подлость? Работать в детском учреждении и не любить этих беспомощных мальчиков и девочек?! До Владимира Дмитриевича доходили слухи, что Светлана Андреевна груба с родителями, приводившими детей в поликлинику, высокомерна даже с врачами, не говоря уж о среднем и младшем медперсонале; что у неё был роман с заведующим поликлиникой, который изрядно попивал, и, видимо, по пьянке всё и случилось. В конце концов, его жена пожаловалась в горздравотдел, устроила в поликлинике скандал. Его уволили. Работает теперь в... «Господи! – Владимир Дмитриевич даже остановился. – Он же, говорили, в интернат устроился – пожилых людей лечить. Детский врач... Хотя пожилые тоже как дети. Не через него ли Светка мать определила? Надо узнавать...»

Открывая дверь своей квартиры, Владимир Дмитриевич понял, что жена дома: из кухни доносился запах котлет, которые умела делать только она, его Марина. Котлеты присутствовали в домашнем меню только в выходные и в первый день новой недели, хотя Марина Сергеевна готовила много. Замораживала уже пожаренные котлеты, а потом разогревала. И они были одновременно и жареными, и паровыми. Вкуснятина! Для двоих хватало бы на всю неделю. Но частенько заходили «на котлеты» дочь с мужем и сыном. Марина Сергеевна с удовольствием кормила их, набивала сумку с собой. «А то небось Алёшку одной колбасой кормите?» Котлеты быстро исчезали, и до следующих выходных приходилось есть нелюбимые Владимиром Дмитриевичем каши, супы... Но сегодня – понедельник. Котлеты! С жареной картошкой! Можно даже рюмочку рябиновой настойки пропустить. Тоже Маринино изделие...

Все эти предвкушения омрачались свалившейся на него ужасной новостью: Тамара, сестра, – в интернате! Как бездомная, как безродная...

Владимир Дмитриевич разделся и прошёл в ванную. Марина Сергеевна сразу почувствовала, что муж чем-то расстроен. Она знала, что он несколько дней не может дозвониться до сестры, нервничает, ругает Светку... Но о случившемся она, конечно, не знала...

Умывшись и немного успокоившись, Владимир Дмитриевич вошёл в кухню. Сел на своё обычное место у окна.

– Давно дома? – спросил он.

– Не очень. Я пешком шла. Не декабрь, а прямо начало октября... Ты заметил, какие рябины?.. – Она посмотрела на мужа и замолчала. – Володя, что случилось? На тебя смотреть страшно...

Он действительно осунулся, глаза ввалились. Таким она видела его только один раз, когда дочь Юля рожала Алёшку и они сидели в кабинете главного врача родильного отделения, Володиного однокурсника, который то и дело выбегал, отдавал какие-то распоряжения, возвращался, успокаивал. Роды были не просто трудные, а тяжёлые. Пришлось делать кесарево сечение. Но, слава Богу, всё обошлось. Дочь быстро поправилась, внук растёт...

– Прямо не знаю, как и сказать... – Владимир Дмитриевич потёр лоб и зачем-то встал. Марина Сергеевна терпеливо ждала. – Короче...

Он сел, взял вилку и воткнул её в котлету. Жена только что выложила их из сковородки на тарелку, и от них шёл аппетитный парок. Но Владимир Дмитриевич, так любивший вдыхать этот запах перед тем, как начать есть, на этот раз не замечал ничего – ни котлет, ни жареной картошки, ни стоявшей в хрустальном графине рябиновой настойки.

– Короче... Светка мать в интернат отправила...

– Тамару?! – Марина Сергеевна с ужасом увидела, как у мужа задёргался глаз, задрожали руки, и он зажал их между коленями. – Ты что, был у них? Как ты узнал?

– Сто раз звонил – результат нулевой. Решил сходить. Там – никого. Сосед вышел... Помнишь Михаила Анатольевича? Дома

наши были рядом. Вот он и сказал, что эта (он даже не мог уже называть племянницу по имени) завела себе очередного... А мать, конечно, ей мешает. В интернат отправила. Где её искать теперь, в каком интернате?

– Можно подумать, что у нас их десяток. – Марина Сергеевна немного успокоилась. – Их всего два: в пригороде и в северной части... Ну не знаю, как ей удалось... Не так-то просто попасть в интернат при живых... – она запнулась, – при родной дочери.

– Сосед говорит, что временно – так якобы эта ему сказала. Он, между прочим, думает... думал, что мы с тобой в курсе.

– А Светка-то сама где? – Марина Сергеевна вытащила вилку из котлеты и специальной ложкой наложила мужу в тарелку горку жареной картошки, котлет и полила всё соусом.

– Не знаю, нет её дома...

– Так... – Марина Сергеевна сняла пробку с графинчика. – Давай поужинаем, а то всё остынет. Потом подумаем, что делать...

3

На следующий день с утра Владимир Дмитриевич и Марина Сергеевна, каждый по своим каналам, узнали, что Тамара Дмитриевна уже две недели живёт в интернате, расположенном в Пригородном лесу. Владимир Дмитриевич узнал фамилию директора интерната, позвонил ему прямо из больницы, представился. Директор его знал. (Кто же в небольшом городе не знает знаменитого психотерапевта Горина?) Сказал, что Тамара Дмитриевна живёт в хороших условиях: комната на троих, люди все интеллигентные, и вообще его интернат – на хорошем счету... Владимир Дмитриевич терпеливо слушал.

– Если хотите, – любезно предложил директор, – я сейчас попрошу пригласить вашу сестру к телефону. Вы давно вернулись? Светлана Андреевна говорила, что вы...

«Так, всё ясно, – подумал Владимир Дмитриевич. – Эта гадина сочинила историю о моём отъезде. Но Тамара... Почему она мне не позвонила?» Он прижал трубку к уху так сильно, что стало больно.

– Передаю трубку вашей сестре, Владимир Дмитриевич. – Слышно было, как директор отодвинул стул и сказал: «Тамара Дмитриевна, пока вы будете разговаривать, я отойду по делам. Подождите меня в кабинете».

«Деликатный человек», – с благодарностью подумал Владимир Дмитриевич и услышал голос сестры:

– Володя, ты когда приехал? – Она замолчала, и ему показалось, что она плачет. – А я волнуюсь за тебя... Светлана сказала...

«Понятно. Она и матери наплела про мой отъезд, чтобы никаких препятствий не было...» – Владимир Дмитриевич еле сдерживался, чтобы не трахнуть трубкой по столу от возмущения и бессилия. Но стол – не голова племянницы, и телефон – казённая вещь. У него пересохло во рту, он отпил из стакана давно остывший чай, который так любил и всегда заваривал сам. Кое-как справившись с волнением, произнёс:

– Тамара, мы с Мариной в субботу к тебе приедем. Тогда обо всём поговорим. Что тебе привезти?

– Володя, у меня всё есть, ничего мне не надо... – Голос сестры постоянно прерывался. – Приезжайте, я так соскучилась... Как Юлечка с Алёшей?

– Да всё нормально, Тамара, не волнуйся... До встречи...

В субботу Владимир Дмитриевич и Марина Сергеевна приехали в интернат на такси. За двадцать минут. «Можно было бы и на автобусе», – подумала Марина Сергеевна, но мужу ничего не сказала. Он и так не в себе. За всю дорогу не произнёс ни одного слова.

Интернат произвёл не такое удручающее впечатление, как они себе напредставляли. Конечно, не дом родной, не санаторий, но и не тюрьма с нарами. Тамара Дмитриевна ждала их на улице. Она прохаживалась по бесснежным дорожкам санаторного парка, поглядывала на верхушки деревьев, словно хотела увидеть там что-то такое, что обязательно изменило бы её так неудачно сложившуюся жизнь. Но долго вверх смотреть не могла – кружилась голова. Она почти не спала ночью,

только к утру забылась ненадолго, но надо было вставать, приводить в порядок себя и свой угол с кроватью и тумбочкой. Ей хотелось встретить брата на улице, заодно погулять на свежем воздухе. Сегодня ей особенно нездоровилось. «Опять давление скачет. Но Володе не буду говорить, а то расстроится...»

Они увидели её издалека. «Какая Тамара маленькая стала!» – чуть не вырвалось у Марины Сергеевны. Сестра тоже увидела их и заспешила навстречу. Они обнялись. Тамара Дмитриевна заплакала. Владимир Дмитриевич сам еле сдерживал слёзы: так жалко ему стало сестру, всегда такую статную, выдержанную, а теперь, за короткое время, похудевшую, маленькую, потерянную... Но она быстро справилась с собой, повернулась к Марине Сергеевне:

– Здравствуй, Мариночка! Что-то вы все в разъезд пустились? Никогда у вас командировок не было, а тут сразу оба уехали...

– Да я... – начала было Марина Сергеевна, но муж, стоя сзади сестры, приложил палец к губам, и жена поняла, что версию об их отсутствии в городе надо поддерживать. – Да я и сама не ожидала, – она кое-как закончила фразу.

А Владимир Дмитриевич, взяв сестру под руку, сказал:

– Пошли, покажешь свои апартаменты. Директор-то здесь?

– Нет, он по субботам не работает.

«Ну и слава Богу», – подумал Владимир Дмитриевич. Ему почему-то не хотелось встречаться ни с кем, кто знал его.

Он не мог не заметить, что сестра с неохотой идёт к корпусу, – почувствовал по её напрягшейся руке. Марина Сергеевна тоже отметила это про себя и решила как-то отвлечь её:

– Тамара, а я для тебя специально котлеты приготовила. Знаю, как вы с Володей их любите. У вас вообще во многом вкусы сходятся...

– Да, – подтвердил Владимир Дмитриевич, – твои котлеты мы обожаем. Я уже что-то есть захотел. Может, мне Тамара одну выделит. – Он засмеялся. Но смех получился ненатуральный...

Когда они вошли в комнату, соседки Тамары Дмитриевны разгадывали кроссворд.

– Нагулялись? – в один голос спросили они, поздоровавшись с гостями. – Ну, теперь мы пойдём аппетит нагуливать – обед скоро...

Когда остались одни, Марина Сергеевна достала из пакета котлеты, палку колбасы, сыр, конфеты...

– Куда мне столько! – замахала руками Тамара Дмитриевна. – Мне это всё за месяц не съесть... Здесь неплохо кормят.

– А ты в холодильник положи. Я видел, в коридоре холодильник стоит. – Владимир Дмитриевич сел на давно не крашенный табурет. – А то давайте сейчас перекусим...

– Володя, ты что, правда голоден? – Марина Сергеевна посмотрела на мужа и поняла: не голоден он, конечно, просто волнуется, не знает, что говорить и как себя вести.

– Да я хотел, чтобы Тамара поела домашнего, твоего. Котлеты-то ещё тёплые...

Домой возвращались на рейсовом автобусе. Тамара Дмитриевна пошла их провожать, как ни уговаривал её брат:

– Ну зачем ты пойдёшь? Оставайся, тем более у вас тут скоро обед.

– Нет, Володя, я пройдусь с вами до остановки. Это ведь недалеко. А обед мне сегодня не нужен – вы вон сколько навезли всего.

Владимир Дмитриевич боялся, что сестра будет плакать при прощании, но она сдержалась. До остановки они шли под руку, и он время от времени прижимал её руку к себе, словно прося прощения. Она благодарно поглядывала на него сбоку, и Марина Сергеевна немного отстала от них, останавливаясь то у одной рябины, то у другой. Их было здесь много, и это как-то скрашивало тоскливое состояние души. Она не удержалась и сорвала несколько ягод, привычным жестом потёрла между пальцами и положила в рот. Подумала: «В следующий раз, после хорошего мороза, надо сюда приехать за рябиной...»

Следующий раз... Когда он будет? Владимир Дмитриевич сказал сестре, что навестит её через неделю. Марина Сергеевна удиви-

лась: она знала, что муж в следующие выходные дежурит в своей больнице.

– Ты сказал Тамаре, что в следующую субботу приедешь? – уточнила она, когда они уже порядочно отъехали от интерната. – Но ты ведь...

– Да, дежурю... Представляешь, всё забыл... Что-нибудь придумаю...

Автобус ехал быстро, народу было немного, и через некоторое время показался купол собора – значит, приехали...

– Может, к нашим зайдём? Или их к себе позовём... – предложила Марина Сергеевна. – Я по Алёшке соскучилась. Что-то они давно не были...

– Ты, если хочешь, сходи. А я... Устал, честно сказать... Да и не хочется показывать им своего настроения. Зачем Алёшке угрюмый дед? Немного отойду, тогда...

– Володя, ну пожалуйста, не казни себя. Ты как будто в чём-то винишь себя. – Марина Сергеевна взяла его под руку. Они уже подходили к дому. – Ты со Светланой не хочешь поговорить?

Она почувствовала, как напряглась и дёрнулась его рука.

– Нет, – только и мог выговорить он.

– Ну хорошо, хорошо, я сама с ней побеседую... по-женски.

– Не говори мне о ней... пожалуйста.

А давно ли он, дядя Володя, души не чаял в своей племяннице? Давно, конечно, когда она была маленькой. Он покупал и своей Юльке, и ей одинаковые подарки, катал их на колесе обозрения в парке культуры, а зимой водил на горку и сам, под их хохот и визг, съезжал с ними на санках. Светка была постарше и как-то посолиднее. Родители её баловали, особенно отец. Она родилась, когда им за тридцать было. Поздние дети, как правило, избалованные. «Да и сам ты приложил к этому руку», – не раз корил себя Владимир Дмитриевич, замечая, что с каждым годом Светка становится всё более неуправляемой. Рано стала требовать наряды, ещё школьницей красила волосы, намалёвывала лицо так, что была похожа на дымковскую игрушку, даже скорее на размалёванную неваляшку. Она и по комплекции напоминала эту целлулоидную куклу. Когда-то неваляшек – и больших, и маленьких – скупали приезжавшие из городов-побратимов иностранцы, и в день их отъезда на вокзале стоял звон от уложенных в чемоданы неваляшек, что вызывало улыбки и отъезжающих, и провожающих, скрашивало ожидание поезда, долгое стояние у окна. И когда поезд наконец трогался, в ушах ещё долго стоял кукольный звон. Владимира Дмитриевича однажды включили в число провожающих, когда в составе иностранной делегации были венгерские врачи-психиатры, посетившие его больницу и одобрительно что-то лопотавшие, переходя из палаты в палату. Переводчица не считала нужным переводить такие мелочи. Только если они обращались с вопросом, она переводила и вопрос, и ответ...

Нет, всё-таки это ужасно давно было! Тогда чаще приходило состояние безмятежности. Сейчас его почти не бывает. И вряд ли будет...

Владимир Дмитриевич лежал в своей комнате на диване, закинув руки за голову. «Хорошо, что жена ушла к ребятам, – подумал он. – Не обиделась ли? Вроде бы нет. Она у меня славная, моя Мариночка. Сочувствует. И Тамару жалеет...»

Хотя у Марины Сергеевны никогда не было с Тамарой Дмитриевной особенно близких отношений, они уважали друг друга. Сестре всё казалось, что её Володечка не получает от жены такого внимания, какого он достоин. Когда жили в одном доме, по праздникам обедали вместе, и Тамара Дмитриевна ревниво следила, как Марина Сергеевна обслуживает за столом мужа. А она никак не обслуживала. Поставит пироги с капустой, которые Владимир Дмитриевич очень любил, наравне с котлетами; ну, конечно, котлеты всегда были – без них для него обед не обед; жареную картошку, всякие соленья. К чаю – собственного изготовления торт. Ешь на здоровье! Золовке она подкладывала то одно, то другое, на что та реагировала всегда одинаково:

– Ты Володечке клади побольше, Марина. Мне кажется, он похудел.

– Конечно, я его тут голодом морю, – обижалась Марина Сергеевна. – Только по праздникам и подкармливаю.

Она уходила на кухню и слышала, как муж ласково выговаривал сестре:

– Ну зачем ты так, Тамара? Марина кормит нас всех как на убой. Ты же видишь, сколько она готовит и как... Не съесть, да съешь.

– Хорошо, хорошо, я просто так сказала... Мариночка, прости меня.

Она вставала, шла на кухню, там они обнимались, и через минуту оттуда слышался смех. Обе были отходчивые, не злые, и обеих Владимир Дмитриевич любил.

Когда дом снесли и их расселили по разным квартирам в разных концах города, встречаться стали реже. У каждого появилось столько проблем! Юлька вышла замуж – слава Богу, удачно: прежде всего потому, что муж достался порядочный. Вместе учились в техническом институте, поженились по любви. Получают оба, правда, маловато: инженеры-технологи на заводе. Но пока родители работают, жить можно... Тамара Дмитриевна ещё до переселения овдовела: муж совсем немного не дожил до распределения квартир. Иначе дали бы им двухкомнатную. А теперь у неё вообще никакой нет, собственная дочь в интернат сплавила...

Руки под головой затекли, и Владимир Дмитриевич повернулся набок. Воспоминания стали путаться, он заснул и даже не слышал, когда вернулась жена.

4

За неделю до Нового года выпал долгожданный снег. Он шёл долго, медленными, крупными хлопьями. И сразу возникли проблемы с транспортом. Владимир Дмитриевич стоял на остановке уже минут пятнадцать. Народу было много, он боялся опоздать на работу. «Для наших коммунальщиков зима всегда наступает неожиданно, – с досадой подумал он. – Чуть не ползимы прошло без снега; только выпал – уже убирать не успевают...»

Мимо медленно двигалась снегоочистительная машина – полуинвалидка: одна «рука», подгребающая снег, всё время промахивалась, не захватывала сугроб, вторая с громким остервенением работала за двоих. Стоял грохот, остановку заволокло гарью. Владимир Дмитриевич отошёл подальше от этого ужаса. И тут его окликнули. Из остановившейся машины вышел молодой мужчина:

– Владимир Дмитриевич, садитесь скорее, я как раз в сторону вашей больницы еду. Вы что, не узнали меня? – Это был его зять Андрей, Юлькин муж.

– Вот те раз! – удивился и обрадовался Владимир Дмитриевич. – Не ожидал. Тут проехал этот драндулет снегоуборочный, дыму напустил... Ну спасибо тебе. Я уж думал, что на работу опоздаю.

– Николай, – попросил зять водителя, – заверни к областной больнице. Это мой тесть, знаменитый...

– Ну-ну-ну, – запротестовал Владимир Дмитриевич. – Кому это нужно?

– А вот и нужно, – откликнулся водитель, поглядывая на него через зеркало. – Я вас очень хорошо знаю... Встречались...

– Что, лечились у меня?

– Нет, друга я когда-то к вам привозил. Здорово вы ему тогда помогли, спасибо. До сих пор с благодарностью вспоминает вас... А что же вы, своим ходом добираетесь до работы? Машину за вами не присылают?

– Не присылают, – засмеялся Владимир Дмитриевич. – Главного возят, а мы – рядовые...

– Ничего себе – рядовые, – удивился водитель.

Подъехали к больнице, прямо к приёмному покою. Владимир Дмитриевич вышел, поблагодарил, посмотрел на часы: до начала рабочего дня оставалось целых двадцать минут. «Да, – в который раз уже подумал он, – свою бы машину не мешало иметь... Да не получается...»

Когда-то у него был жигулёнок, но пришлось продать: нужны были деньги на Юлькину свадьбу. Хотелось, чтобы всё было

не хуже, чем у других. А со стороны родственников Андрея помощи ждать не приходилось – у него их просто не было. Он сирота, детдомовец. Но молодец! Сам себя воспитал, образовал, кое-чего уже добился в жизни. По крайней мере высшее образование имеет, семью завёл, квартиру однокомнатную получил, сына родил. Чего ещё надо?

Владимир Дмитриевич только открыл кабинет, как зазвонил телефон. Он снял трубку:

– Слушаю...

– Дядя Володя, это я, Светлана.

Он чуть не бросил трубку, но она заспешила-затараторила:

– Пожалуйста, выслушай меня. Ну в чём я виновата? В том, что хочу устроить наконец свою жизнь?

– За счёт жизни собственной матери? – не выдержал Владимир Дмитриевич.

– А она что, умирает, что ли? Она там в хороших условиях...

– Ты дрянь! – Он бросил трубку и вышел из кабинета, зная, что племянница будет звонить опять.

И действительно, он слышал через дверь, как настойчиво трещал телефон, но в кабинет не входил и в конце концов закрыл его и пошёл по длинному коридору к окну, у которого любил стоять в короткие минуты отдыха. Окно выходило в больничный садик, уже заснеженный, с молоденькими берёзками, которые он сажал вместе со своими пациентами. Росла здесь и рябина. Гроздья её нарядились в снежные шапочки и были похожи на головки игрушечных Дедов Морозов. «Вот Марина бы полюбовалась, – подумал Владимир Дмитриевич... – И Тамара... Бедная Тамара...»

Теперь, когда он думал о сестре, – а думал он о ней постоянно, – то к её имени прибавлял слово «бедная». Через три дня – Новый год. Светлана не собиралась забирать мать из интерната. Владимир Дмитриевич предлагал сестре встретить праздник у них. Жена не возражала. Юлька с Андреем и с Алёшкой придут. Новый год всегда встречали вместе. Но Тамара Дмитриевна категорически отказалась:

– Нет, Володя. Нечего мне теперь бегать туда-сюда. Нам здесь тоже устраивают праздник... Надо привыкать к новому дому, к новой семье... Да я почти и привыкла...

Разговор происходил в интернатском парке в последний приезд Владимира Дмитриевича к сестре. На этот раз он был один. Жена сидела с внуком: Юлька подхватила какую-то инфекцию, и Алёшку отец привёз к ним, чтобы не заразился. Марина Сергеевна, конечно, наложила целый пакет пирожков, котлет. Поставила термос с горячим бульоном и до самого ухода мужа всё твердила:

– Не разбей. Пусть Тамара оставит его у себя. Будет в нём шиповник заваривать...

– Или рябину, – улыбнулся Владимир Дмитриевич.

– И рябину тоже. Очень полезно, между прочим. Тамара знает...

В тот раз он как-то особенно хорошо поговорил с сестрой. Они вспоминали детство, жизнь в собственном доме.

– Володя, ты счастлив? – неожиданно спросила сестра.

– Был бы счастлив, если бы не ты... – Он запнулся. – Не твоё теперешнее положение. А эта...

– Не надо, Володя, прошу тебя. Светлана – несчастная девочка...

– Ничего себе, девочка, – перебил он. – Скоро сорок лет... Да и какая она несчастная? Живёт в своё удовольствие. Лгунья... Не хотел говорить, но не могу больше терпеть. Она ведь наврала тебе, никуда мы с Мариной не уезжали. – Он с тревогой посмотрел на сестру.

Она казалась спокойной, только тихо сказала:

– Знаю, догадалась.

– Я по телефону звонил сто раз, а она всё отвечала, что ты гулять ушла или отдыхаешь. А потом я пришёл к вам, а дома – никого... Ну почему ты мне не позвонила? Сосед мне всё рассказал. Я чуть не умер тогда... Ничего святого у неё нет. В кого, в кого она такая?.. Прости, Тамара...

– Может, ты и прав, Володя, но она моя дочь. И если ей без меня лучше, я согласна на всё... Хотя я и готовила, и убирала... Как она теперь одна справляется?

– Она хоть бывает у тебя? – Владимир Дмитриевич сунул руки в карманы – не хотел, чтобы сестра видела, как они дрожат.

– Бывает, – ответила она и перевела разговор на другое...

Владимир Дмитриевич отошёл от окна и вернулся в свой кабинет. На каждый звонок отвечал с напряжением – боялся, что это племянница. Но она больше не позвонила.

5

Тридцатого декабря, вечером, провожая мужа на ночное дежурство, Марина Сергеевна притворно ворчала:

– Мог бы и отказаться. У тебя этих ночных дежурств больше всех... А мы ещё ёлку не ставили. Алёшка переживает. У них-то давно уже стоит...

– Скажи спасибо, что с тридцать первого на первое не дежурю. – Владимир Дмитриевич уже оделся и по привычке проверял карманы: всё ли положил, что нужно. – А ёлки бы и одной хватило, у молодых...

– Володя, ты что? – Марина Сергеевна даже рассердилась. – Как же без ёлки? Новый год-то все у нас встречать будем...

– Все, да не все, – тихо произнёс он и вышел...

Марина Сергеевна быстро подошла к телефону, набрала номер дочери:

– Юля, приходите, как сможете. Папу проводила. Что значит «когда вернётся»? Через сутки, как обычно. Ему ведь и отдохнуть надо будет хоть немного, чтобы не дремать за праздничным столом.

Она засмеялась, потому что дочь на том конце провода сказала: «Как увидит свою любимую, так сон как рукой снимет». В трубке послышался Алёшкин тоненький голосок: «Какую, какую любимую?»

Продолжая улыбаться, Марина Сергеевна начала подготовительную работу. Иногда подходила к зеркалу, в который раз протирала его и внимательно смотрела на себя. Нелегко далось ей решение, которое она в конце концов приняла. Знала, что будет трудно, но ради мужа она готова на всё... Разговор со Светланой ничего не дал, кроме испорченного настроения. Марина Сергеевна не выдержала тогда и сказала, что Володя уговаривает сестру обменять однокомнатную квартиру на две с общими кухнями или малосемейки. Светка не на шутку переполошилась. Скорее всего, поэтому и звонила дяде...

Пришли молодые. Прежде всего Андрей поставил ёлку. Купленная заранее, пушистая красавица несколько дней лежала на балконе, и когда внесли её в комнату, она, согревшись, одарила всех своим целебным ароматом. Юля с Алёшкой занялись игрушками, а Марина Сергеевна с зятем начали прикидывать, где поставить новый диван, который давно был оплачен и который завтра утром должны были привезти из мебельного магазина.

– Может, останетесь ночевать? – спросила Марина Сергеевна, когда поужинали и убрали посуду. – Поздно уже...

– Останемся, останемся! – радостно закричал Алёшка. – Я под ёлкой буду спать...

– Нет, мама, дома тоже надо кое-что доделать. Тем более Андрей завтра работает.

Юля встала и скомандовала:

– Мужчины, одеваться!

– А как же... – Марина Сергеевна вопросительно посмотрела на зятя.

– Успеем, успеем, не волнуйтесь. Я с нашим водителем договорился. Всё будет нормально. Костюм и валенки возьму в нашем клубе. Великовато всё будет, но ничего... Переоденемся здесь, на площадке...

– Ты, мам, только постарайся папу уговорить поспать. Андрей сначала домой приедет. Мы так решили с... – Она повернулась в сторону навострившего ушки Алёшки... – Ну ты понимаешь... Часам к десяти мы с Алёшкой – сюда. Андрей приедет попозже.

– А Дед Мороз придёт? – с тревогой спросил Алёшка.

– А как же! – в один голос ответили взрослые.

6

Во время ночных дежурств Владимиру Дмитриевичу редко приходилось отдыхать. Сегодня привезли только троих, «соскочивших с тормозов», как выражались в приёмном покое. Но расслабиться не удавалось. Спать не хотелось, но он всё равно достал из шкафа клетчатый плед (подарок Тамары!) и положил на диван. Заварил крепкий чай. Мысли о сестре не давали покоя. «Как она там, о чём думает? Бедная Тамара... Как хорошо нам было в одном доме! Это потом, когда обзавелись своими семьями, в разных половинах дома стали жить, а раньше...»

Ему было десять лет, сестре – двадцать, когда в авиакатастрофе погибли родители. Тамара заменила ему и мать, и отца. Конечно, заменить их никто не мог, но так уж говорится... Она заботилась о нём, как мать, воспитывала, как отец. Говорила с ним, как со взрослым человеком, советовалась. Сначала хотела перейти на заочное отделение института, где она училась уже на третьем курсе: пенсии, назначенной Володе, на все нужды не хватало, и Тамара думала, куда бы пойти работать. В деканате к положению одной из лучших студенток филфака отнеслись с пониманием: разрешили свободное посещение занятий и дали несколько часов на подготовительных курсах. Деньги не ахти какие большие, но вместе с повышенной стипендией, которую Тамара получала все годы, и с пенсией за погибших родителей было вполне достаточно на сносную жизнь. Володя не голодал, и одевала его сестра прилично.

«А в чём же она сама-то ходила? – мелькнуло в голове. – Надо же, не помню... – Владимир Дмитриевич недовольно потёр лоб. – Да, Тамара тогда о себе совсем забыла. Из-за меня и замуж поздно вышла... А когда я собрался жениться, она меня передавала Марине, прямо как драгоценный сосуд...»

От воспоминаний отвлёк телефонный звонок. «Кого-то привезли», – подумал он и посмотрел на часы: было четыре часа утра.

– Слушай, ты не спишь? Я из своего окна вижу: у тебя свет горит. – Владимир Дмитриевич узнал бас дежурного хирурга Павла Петровича. – Давай либо ты ко мне, либо я к тебе. Пациентов нет, а в приёмный покой я позвоню, где нас искать... У меня тут есть по глоточку и бутерброды. Тридцать первое число наступило – предновогодье.

– Давай ты ко мне. – Владимир Дмитриевич подосадовал, что прервались его воспоминания, а с другой стороны, и рад был пообщаться с Павлом Петровичем. – У тебя бутерброды, а у меня котлеты домашние и пирожки...

– Ну твоя Марина...

– Давай-давай, жду, – перебил Владимир Дмитриевич и стал освобождать край стола от бумаг.

Он даже почувствовал, что проголодался, подумал: «Хорошо, что не один буду ужинать-завтракать...» Есть в одиночестве он не любил...

Незаметно наступило настоящее утро, из приёмного покоя ни разу не позвонили. Павел Петрович ушёл в своё отделение, довольный проведённым временем, котлетами и пирожками, которые ел с таким благоговением, как будто это были какие-то заморские трюфели. Владимир Дмитриевич знал, что Павлик был влюблён в Марину – такая чистая влюблённость возможна только в юности и один раз. Это не мешало их дружбе. Они часто, особенно подробно в сегодняшнее дежурство, вспоминали, как приходили в общежитие, где жила Марина. Вахтёрша после десяти никого не пускала, и Владимир Дмитриевич лез по трубе на второй этаж, а Павлик его страховал. Гулял неподалёку часа два – до тех пор, пока не услышит короткий свист друга, тогда подбегал к трубе, следя, чтобы спуск, как и подъём, прошёл благополучно... Хорошие были времена! А Павел Петрович так и не женился...

7

Вернувшись домой после утомительного суточного дежурства, Владимир Дмитриевич хоть и был усталым, но заметил и наряжен-

ную ёлку, и изменившийся интерьер большой комнаты.

– О, новый диван! – удивился он.

– Это чтобы тебе, когда смотришь телевизор, не ютиться в кресле, а можно было растянуться на диване, – с улыбкой ответила жена.

Какая-то ошеломляюще-радостная мысль вспыхнула, но, не подкреплённая никакими доводами, тут же погасла.

– Привет тебе от Павлика, – сказал Владимир Дмитриевич. – Он тоже сутки дежурил.

– Спасибо, – откликнулась жена. – Давай я тебя покормлю слегка, чтобы к новогоднему столу успел проголодаться, – и ложись, поспи немного.

– На новом диване? – спросил он.

– Нет-нет, поешь и иди в спальню. Здесь я буду скоро стол накрывать...

В кухне стоял ни с чем не сравнимый запах пирогов. Марина Сергеевна, кажется, превзошла саму себя: на столе, накрытые пергаментной бумагой и полотенцами, расположились на славу удавшиеся пироги: с капустой, с мясом и...

– О, даже миндальный! – обрадовался Владимир Дмитриевич и подумал: «Тамарин любимый», а вслух сказал: – Ты его так редко печёшь...

– Но к Новому году – всегда! – откликнулась жена из комнаты, где она доставала из серванта хрустальные фужеры и рюмки.

– Может, я тебе помогу, Марина? – Он подошёл к ней и обнял. – Устала?

– Ничего, мне ребята помогали. И потом... Это радостная усталость. Ты сутки дежурил, а отдыхать не торопишься. Иди, Володя. – Она как-то по-особенному ласково и участливо на него посмотрела. – С наступающим!

– Слушай, жена, – он огляделся по сторонам, – где у нас шампанское? Давай с тобой вдвоём – по фужерчику, а? Проводим старый год... И никому не скажем.

Она не стала возражать, хотя дел было ещё много. Но и времени – достаточно. Единственное, чего боялась Марина Сергеевна, – что муж заговорит о сестре и опять у него будет дёргаться глаз и задрожат руки. Но он не заговаривал. Он даже промолчал о том, что Тамара звонила ему на работу, категорически запретила приезжать к ней накануне Нового года, потому что они там готовят свой праздник и она «задействована». Так и сказала: «Я тоже задействована...» Голос у неё был бодрый, даже весёлый. Про дочь – ни слова. «Это она меня не хочет расстраивать», – с благодарностью, но и с грустью подумал Владимир Дмитриевич.

Марина Сергеевна тоже промолчала о том, что вчера у Тамары были Юля с Андреем...

За два часа до Нового года, когда стол был накрыт, Владимир Дмитриевич и Марина Сергеевна празднично одеты, пришли Юля и Алёшка. На Алёшке была маска бычка, он мычал от восторга.

– А где Андрей? – спросил Владимир Дмитриевич.

– Немного задержится, – ответила Юля и заговорщически подмигнула матери.

– Он мне Деда Мороза обещал... – Алёшка поднял мордашку к матери. – Не игрушечного, а настоящего. Правда, мама?

– Правда, правда. Давай проверим, все ли игрушки хорошо висят на нашей ёлочке.

В одиннадцать часов раздался звонок, но не в дверь, а телефонный. Юля подняла трубку, сказала: «Ждём» – и объявила:

– Андрей будет через десять минут.

– А Дед Мороз? – Алёшка с тревогой посмотрел на всех.

– Тебя папа когда-нибудь обманывал? – Юля обняла сына.

– Никогда. Но я всё равно боюсь, что Деда Мороза не будет.

– Я что-то тоже тревожусь, – сказала Марина Сергеевна и вопросительно посмотрела на дочь.

В это время раздался долгожданный звонок в дверь, и все сразу, в том числе и Владимир Дмитриевич, ринулись в прихожую.

На площадке стоял настоящий Дед Мороз с большим мешком, а за его спиной прятался Андрей.

– С Новым годом, с Новым годом! – Дед Мороз поклонился и поставил мешок в угол. Голос новогоднего посланника был какой-то

придушенный, как будто он хотел его изменить. – Мир дому вашему, добрые люди! Можно посмотреть сначала ёлочку, а потом подарки раздавать?

Дед Мороз был в настоящих валенках. Андрей помог ему снять их и повёл в комнату. Владимир Дмитриевич задержался в прихожей и внимательно посмотрел на мешок и на валенки.

– Деда, иди скорей! – Алёшка захлёбывался от восторга. – Мы уговорили Деда Мороза встретить Новый год с нами. Он согласен! Смотри, папа с него будет сейчас шубу снимать!

Владимир Дмитриевич вошёл в сверкающую ёлочными огнями комнату. Верхний свет был погашен. Дед-Мороз, ещё в своём красно-белом наряде, стоял к нему спиной. Андрей намеревался снимать с него шубу, Юля – шапку. Алёшка держал в руках большие рукавицы. Марина Сергеевна замерла у выключателя, готовая по команде зажечь большой свет. «Что это с ними? – подумал Владимир Дмитриевич. – Прямо целый спектакль устроили...»

– Внимание: свет! – Андрей ловко раздел Деда Мороза, Юля сдёрнула шапку. Алёшка от неожиданности выронил рукавицы... Владимир Дмитриевич боялся поверить в то, во что не верить было уже нельзя:

– Тамара?! – Он бросился к ней, потом повернулся к жене и неожиданно для всех упал перед ней на колени. – Мариночка, ты... решила...

– Мы все решили-постановили, и обжалованию это не подлежит. – Она наклонилась к мужу, поцеловала его в начинающую седеть макушку и добавила, еле сдерживая слёзы: – Ради такого мгновения я готова весь интернат к себе перевезти... А теперь – за стол! Будем праздновать семейный Новый год.

– А разве бабушки бывают Дедами Морозами? – растерянно спросил Алёшка.

– Ещё как бывают! – ответил ему отец. – Должна же у Деда Мороза быть жена.

– А Снегурочка?

– Снегурочка – это их внучка.

– А жена Деда Мороза всегда будет здесь жить?

– Конечно.

Когда фужеры были наполнены шампанским, Тамара Дмитриевна подошла к каждому, поцеловала и произнесла первый тост:

– За семейный Новый год! А

Валентина ДОРОЖКИНА,
почётный профессор ТГУ им. Державина

СТРЕЛЕЦКАЯ МУЗЫКА

НЕОБХОДИМЫМ ЭЛЕМЕНТОМ ВОИНСКИХ РИТУАЛОВ ЯВЛЯЕТСЯ ВОЕННАЯ МУЗЫКА – МУЗЫКА, СЛУЖАЩАЯ ЦЕЛЯМ СТРОЕВОГО ОБУЧЕНИЯ, ВОИНСКОГО И ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН. ВОЕННАЯ МУЗЫКА В ИСПОЛНЕНИИ ВОЕННЫХ ДУХОВЫХ ОРКЕСТРОВ, ГОРНИСТОВ, БАРАБАНЩИКОВ – НЕОТЪЕМЛЕМЫЙ АТРИБУТ ВОЕННЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЦЕРЕМОНИЙ – ПАРАДОВ, СМОТРОВ И Т.Д. ИМЕННО ВОЕННАЯ МУЗЫКА ПРИДАЁТ ЛЮБОМУ ВОИНСКОМУ РИТУАЛУ ОСОБУЮ КРАСОЧНОСТЬ И ЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ, ВОЗВЫШАЕТ ДУХ ВОИНОВ, ПРОБУЖДАЕТ ЧУВСТВО ГОРДОСТИ ЗА СВОЙ НАРОД, СВОЮ СТРАНУ. МУЗЫКА СОПРОВОЖДАЛА ВОИНОВ НА ПОЛЕ БОЯ, В ПОХОДЕ, В ВОЕННЫХ ЛАГЕРЯХ И НА БИВУАКАХ, ЗВУЧАЛА КАК НА ПАРАДАХ И ПРАЗДНИЧНЫХ ТОРЖЕСТВАХ, ТАК И СКОРБНЫХ ТРАУРНЫХ ЦЕРЕМОНИЯХ, ПРОВОЖАЯ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ПАВШИХ ГЕРОЕВ.

Упоминания об использовании музыкальных инструментов в русских войсках встречаются с первых шагов Древней Руси. Доблестные дружины князей Киевской Руси отправлялись в походы под звуки труб, бубнов, свирелей и деревянных дудок. Об этом сообщает и безвестный автор бессмертного «Слова о полку Игореве», где не раз говорится о трубах, которые «князям славу рокотали». В период яростных братоубийственных схваток периода феодальной раздробленности эти же музыкальные инструменты звучали у всех враждующих сторон. Летописец XIV века записал о «мнози гласы ратных труб...». Во времена Ивана Грозного управление военной музыкой осуществлялось из приказа Большого дворца.

Проходившие в XVII веке военные преобразования, направленные на придание вооружённым силам России характера регулярной

армии, предполагали постоянное совершенствование механизма руководства войсками. Новым типом вооружённых сил тогда считались стрельцы, набиравшиеся из свободных людей и призванные защищать исключительно общегосударственные интересы, а не обслуживать узкокорыстные устремления отдельных алчных феодалов, часто расходившиеся с реальными потребностями страны.

Управление крупными конными и пешими стрелецкими формированиями в боевой обстановке требовало наличия слаженной сигнальной службы, в полной мере обеспечивающей незамедлительную передачу войскам команд с помощью музыкальных инструментов. Иными словами, от военных музыкантов того времени зависели быстрота, ритмичность и чёткость сложных перестроений боевых порядков на ратном поле. Стрелецкие головы заранее обговаривали план предстоящего боя, определяли порядок развёртывания сил, последовательность действий и условные сигналы, подразделявшиеся на визуальные и звуковые. Видимые сигналы передавались яркими знамёнами и бунчуками. Звуковые сигналы, именовавшиеся в военной практике «ясаками», подавались музыкальными инструментами, полный набор которых находился в распоряжении каждого воеводы и включал в себя набат (гигантский медный барабан), тулумбас (небольшой медный барабан), накры (род литавр), сурны (большие трубы), сипоши (дудки из ивовой коры). В приложении к Воинскому уставу «Роспись ясакам царского стана» 1655 года описываются различные звуковые сигналы: «вступление в поход» («бить по большому набату тихим обычаем»), «тревога», или «всполох» («бить по большому набату скорым обычаем беспрестанно»), «сбор сотенных голов к царскому шатру» («трубить в сурну»). Особый ясак извещал о победе.

Иностранные дипломаты, купцы и путешественники, всегда проявлявшие назойливую любознательность в отношении русских дел, особливо интересовались русским войском. Британский дипломат Джайльс Флетчер приводит интересные свидетельства управления боем с помощью «ясаков», отдаваемых музыкальными инструментами: «Старшие всадники привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля. Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восьми барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки, совершенно различные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум».

На иностранного наёмника конца XVI века капитана Жака Маржерета произвело впечатление, что «каждый генерал (воевода) имеет свой личный, как они говорят, набат. Набат – это медные барабаны, перевозимые на лошадях, и у каждого их десять или двенадцать, и столько же труб и несколько гобоев. Всё это звучит лишь тогда, когда они готовы вступить в бой, или во время какой-нибудь стычки, за исключением одного из набатов, в который бьют, чтобы выступить в поход или садиться на коней».

Русский офицер князь Пётр Петрович Ишеев в белоэмигрантском военно-историческом журнале «Военная быль» отмечал, что у «некоторых русских князей, при знаменах, имелось до 140 труб и бубнов».

Со временем музыкальные навыки, приобретённые военными музыкантами в бою, стали всё чаще использоваться в событиях общегородского масштаба для развлечения жаждавших зрелищ народных масс. К таким событиям относились нередкие царские выезды из Кремля в ближние дворцы и монастыри для краткого отдыха и богомолий. Всеобщее внимание привлекали и визиты в Кремль иностранных послов. Любознательный люд столицы с восторгом относился к возможности посмотреть на это красочное и продолжительное действо. Особой зрелищности событиям добавляли именно стрельцы,

многие сотни которых в разноцветных кафтанах и с оружием в руках выполняли эскортные функции. Шествие сопровождалось громкой стрелецкой музыкой. В руках стрелецких музыкантов москвичи видели в основном трубы, бубны, сурны и сопели. Соответственно музыкальным инструментам именовались и исполнители – трубники или трубачи, накрачи или накрачеи, суренщики или сурначи, сопцы, набатчики, барабанщики, литаврщики и сиповщики.

Огромный интерес москвичи проявляли к обряду водокрещения в великий двунадесятый праздник Богоявления. Подготовка к празднику была длительной и основательной. Наиболее упорные горожане заблаговременно занимали места на заборах, забирались на деревья и крыши домов. Во избежание беспорядков в такие дни по обеим сторонам улиц выставлялось оцепление из стрельцов разных приказов. Из Кремля через Тайницкие ворота направлялся крестный ход. Государь в окружении близких родственников и в сопровождении многочисленной празднично одетой свиты следовал к прорубленной во льду Москвы-реки широкой проруби крестообразной формы с обустроенными струганными досками краями, именуемой иорданью. По бокам чинно шествовали стрелецкие головы и полуголовы. Стрельцы Стремянного приказа в цветных кафтанах шли по краям процессии. «На стойке» стрельцы были без ружей, «с знаменами и с барабанами и со всем ратным строем, в цветном платье». После завершения праздничной церемонии и возвращения царской процессии в Кремль москвичи устремлялись к иордани, бросались в ледяную воду, чтобы совершить подвиг благочестия и смыть грехи...

Барабаны, появившиеся в стрелецких полках в начале XVII столетия, изготавливались умельцами в виде деревянных вызолоченных лукошек. Два обруча сохраняли упругость двух туго натянутых кож. Сохранившиеся до наших дней изображения стрелецких барабанов донесли образцы росписи этих музыкальных инструментов, выполненной в виде узких длинных треугольников – «клиньев», как их тогда называли, отображавших цвета полковой униформы. За изготовление барабанов отвечали стрелецкие приказы, так как от попыток приобретения барабанов за границей пришлось быстро отказаться из-за дороговизны этих музыкальных инструментов: барабан стоил в три раза дороже мушкета. Поэтому на исторических документах XVII века представлены изображения исключительно стрелецких барабанщиков. Барабаны хранились в специальных кожаных чехлах, прозванных нагалищами, или чемоданами. В бою или при исполнении парадно-церемониальных функций барабанщики носили свои инструменты на широкой тесьме или кожаном ремне, надетом через правое плечо.

Через столетия дошли до нас имена некоторых стрелецких умельцев-мастеров, выполнявших личные приказы царя по изготовлению музыкальных инструментов. В одном из документов содержится прямое указание царя сделать и доставить ему в хоромы «25 сипош деревянных, точеных, кленовых, совсем в отделке. Делали их стрельцы Иевлева полку – Левка Григорьев и Ларька Филипьев».

Военная музыка конных стрелецких полков дополнялась звуками, издаваемыми серебряными или медными литаврами, напоминавшими бубны большого размера. Для украшения и придания большей торжественности литавры, по замечанию А. В. Висковатова, «имели суконные или камчатные ярких

цветов завесы с серебряными и золотым шнурами, кистями и бахромой. Литавры прицеплялись по одной к обеим сторонам седла и у той части, где их касалась нога литаврщика, имели толстую кожаную подушку. Для ударения в литавры служили, как и теперь, небольшие деревянные палки, имевшие на одном конце шарик». Трубы ратного строя в основном были голландского производства и также украшались шнурами с кистями или завесами из тафты, камки или парчи с шёлковой, серебряной или золотой бахромой и с такими же кистями. В походах для предотвращения проникновения пыли и влаги на трубы надевали суконные чехлы.

Барабанщики вместе с музыкантами-сиповщиками, игравшими на духовых инструментах, составляли отдельное подразделение внутри каждого приказа, приписанное, как правило, к первой сотне. На вооружении у них, как и у знамённщиков, были только сабли. Изучение изобразительных и текстовых архивных материалов позволяет сделать вывод об отсутствии в цвете и покрое одежды стрельцов-музыкантов особых отличий.

В приказе Афанасия Левшина согласно поимённой росписи от июня 1669 года числилось 18 сиповщиков. При формировании Белгородского полка под командованием окольничего князя Г. Г. Ромодановского царь Алексей Михайлович распорядился о включении в состав полка семисот московских стрельцов. Из Стрелецкого приказа следовало направить в Белгород также двух сиповщиков (свирельщика и дудочника), чтобы они в короткий срок обучили игре на своих инструментах 30 человек. В ответ на жалобу Ромодановского о нехватке в войсках трубачей и литаврщиков царь приказал отправить в полк из Оружейного приказа 50 медных труб, а из дворца – 11 трубачей. Незадолго до этого по личному указанию царя окольничему Богдану Матвеевичу Хитрово, стольнику А. И. Нестерову и дьяку Б. Арефьеву в Белгород из Оружейного приказа были отправлены 14 барабанов. «А что до самой музыки, – искренне сокрушался военный историк генерал Александр Висковатов, – то все пріезжавшіе въ Россію иностранцы описываютъ ее весьма громкою, оглушительною и нестройною, не столько способною услаждать слухъ, сколько наводить ужасъ».

О стремлении военных музыкантов стрелецких полков оказать мощное психологическое воздействие на противника, ошеломить его, деморализовать, внушить мысль о неминуемом поражении, гибели и возможном плене и тем самым внести посильную лепту в общую победу русского войска авторам рассказывал знаток русской духовой военной музыки трубач-корнетист Кремлёвского оркестра Михаил Александрович Андреев. Лучшим подтверждением слов музыкального эксперта стали наблюдения шведского дипломата, писателя и путешественника Петра Петрея де Ерлезунда, четыре года прослужившего в России, а затем дважды посетившего её в качестве посланника шведского короля Карла IX. О стрелецких музыкантах и русской военной музыке он написал буквально следующее: «Во время сражения бьют в барабаны, трубят в трубы, играют на дудках и других длинных инструментах, сделанных из сосновой коры: из этого выходит странная мелодия, приводящая в трепет того, кто не слыхал ее прежде, и раздирающая ему уши».

На протяжении многих десятилетий стрельцы составляли основной костяк русского воинства. Охраняя покой и жизнь русских государей, они тем не менее не превратились в тайную стражу, оторванную от народа, чуждую и даже враждебную ему силу, как это нередко бывало в других странах, а были легко узнаваемы москвичами и жителями других городов страны, частенько не стеснявшимися выказывать стрельцам своё восхищение их молодецкой удалью и бравым внешним видом. В XVII веке стрельцы были важной приметой столичных улиц и площадей. Великие российские историки, по крупицам собиравшие информацию касательно стрелецкого войска – его организационной структуры, личного состава, вооружения и обмундирования, быта и даже семейного уклада их беспокойной жизни – из разрозненных, отрывочных, часто противоречивых

источников, мастерски воссоздавали общую картину жизнедеятельности стрелецкого войска как в мирное время, так и в условиях военного похода.

Выдающийся историк В. О. Ключевский обратил внимание на описание выступления московских полков из лагеря, сделанное Петром Петреем, считавшим его типичным порядком для ратного строя того времени. «Впереди выступает передовой полк, во главе котораго идет около 5 000 стрельцов в зеленой одежде, с длинными пищалями, по пяти в ряд. За ними ведут 8 или 10 воеводских коней, богато убранных; седла на них покрыты большими черными медвежьими или волчьими шкурами. Затем следует воевода полка; он едет один; на седле у него висит небольшой котлообразный набат. За воеводой движется самый полк безпорядочною толпой, и как скоро кто-нибудь поравняется с воеводой или обгонит его, последний ударяет плетью по набату, давая знать, чтобы тот подался назад. За передовым полком идет большой, со множеством трубачей и литаврщиков, которые бьют в литавры и трубят в трубы».

Иностранцы испытывали подлинную тоску от этой музыки. По словам Корба, «она скорее могла навеять уныние, нежели возбудить воинственное одушевление». Пространное описание шествия стрельцов заканчивалось неожиданным примечанием: «Все кричат как бешеные, едут без всякаго порядка, обгоняя друг друга и поднимая такой крик, что слабый и малодушный неприятель от него одного обратился бы в бегство».

В первом печатном военном уставе 1647 года «Учение и хитрость ратного строя пехотных людей», служившем руководством для обучения строевой службе, содержится регламент и классификация музыкальных военных сигналов для «барабанщиков и трубников». Впервые официально в истории вооружённых сил России были расписаны обязанности барабанщика как военнослужащего, подающего установленные сигналы с помощью барабана. Отбивающий барабанные бои стрелецкий барабанщик подаёт сигналы, «когда в поход итти, и когда на походе, иное въсполошное время, чтобы недруга как близко подойдёт с оружием встретити; и иной знак... когда нечто выкликати». Стрельцы, кстати, очень быстро освоили построения под команды барабана.

Все музыкальные инструменты хранились в стрелецкой слободе в съезжей избе (полковом штабе). Здесь же под надёжной охраной находились полковые знамёна, штабные бумаги, среди которых важное место занимали поручные записи (письменные обязательства верно служить государю).

Личный состав стрелецкой сотни отныне пополняется двумя штатными барабанщиками. Наблюдатели отметили, что перед возвращающимися из польского похода сотнями шествовали сотник и два барабанщика, сопровождавшие сотенное знамя. В бою на барабанщиков возлагались дополнительные функции вестовых и санитаров. Систематическая подготовка барабанщиков стала осуществляться в стрелецких полках с 50-х годов XVII века. Учеником-музыкантом можно было стать и в 13 лет. Их так и называли – «солдаты малые барабанщики». Они достаточно быстро овладевали искусством барабанного боя, упражняясь на специально для них изготовленных барабанах «малой руки». Игра на барабане велась деревянными или костяными палочками. Особое внимание при подготовке барабанщиков уделялось освоению таких приёмов игры, как дробь, двойные удары, тремоло (быстрое повторение одного звука либо быстрое чередование двух несоседних звуков, двух созвучий, отдельного звука и созвучия). Игра на военном барабане поддерживалась резкими и пронзительными звуками флейт. Юные музыканты учились также игре на дудках-сиповках и других музыкальных инструментах.

В ученики к полковым музыкантам шли, как правило, стрелецкие сироты. Наряду с тёплым к ним отношением как к сыновьям павших товарищей ученикам полагалось и весьма немалое денежное довольствие. На ежедневное пропитание им выдавалось 2 денги (одна денга – русская серебряная монета достоинством в полкопейки) кормовых. Это служило серьёзным подспорьем в материальной поддержке семьи погибшего воина.

Стрелецким вдовам выплачивалась пенсия – полторы денги в день кормовых. Взрослые полковые музыканты наравне с детьми боярскими получали 35 алтын кормовых (1 алтын – три копейки).

В результате интенсивной подготовки военных музыкантов в российских вооружённых силах уже к концу XVII века насчитывалось более двух тысяч строевых барабанщиков.

С особым усердием готовились ставшие ритуальными смотры стрелецких полков. При смотре полка белгородского воеводы Бориса Репнина на Каменном мосту в походной колонне очевидцы насчитали одиннадцать трубачей, двух литаврщиков, одного набатчика и одного сурнача. В полку Василия Сукина – шесть трубачей и два сурнача. В полку Григория Микулина – пять трубачей, одного сурнача и одного литаврщика.

Известны случаи, когда смотры устраивались непосредственно военным музыкантам. Один из документов содержит поручение царя Алексея Михайловича боярину Богдану Матвеевичу Хитрово «устроить для своей Государственной потехи трубачам, и накрщикам, и сурначам, и литаврщикам, и набатчикам» смотр, который и состоялся в Большом дворце в присутствии думного дворянина Александра Севастьяновича Хитрово, а также думных и дворцовых дьяков. По мнению авторов, во время таких смотров происходило слаживание военных музыкантов, что, в свою очередь, объективно способствовало становлению военных оркестров. Поэтому смотры можно рассматривать как первые и нечастые концертные выступления формирующихся военных оркестров.

Сохранилась интересная запись об армейском смотре 1664 года, когда на Девичьем поле рядом с «царским местом», предназначенным для царя Алексея Михайловича, была построена накрачейня – обитый красным сукном продолговатый деревянный помост для военных музыкантов. Красочное шествие началось с выдвижения нескольких стрелецких сотен с ружьями. Во главе первой сотни, одетой в красные кафтаны, следовал сам Артамон Матвеев. Затем шли вторая и

третья сотни в белых и лазоревых кафтанах соответственно. У «царского места» стрелецкие головы клали государю земные поклоны. Стрельцы без устали били в барабаны и играли на сурнах. Затем показался «трубничий чин», т.е. военный оркестр, который трубил в трубы, бил в набаты, литавры и накры. Оркестр расположился в накрачейне и с приближением царя Алексея Михайловича «начал играть в сурны и трубы, бить в набаты, накры и литавры». После многочасового прохождения сначала конных, а потом пеших стрелецких сотен «Государь приказал открыть пушечную и ружейную пальбу по очереди разным частям наряда и разным полкам. Стрельба была направлена к валам Земляного города. Когда она окончилась, заиграл опять шумный оркестр накрачейни...»

Успехи военных музыкантов не ускользнули и от внимания вездесущих иностранцев. Любопытное свидетельство использова-

ния военных музыкантов при организации дипломатической встречи с китайскими послами в городе Нерчинске оставил переводчик на переговорах 1689 года между Китаем и Россией португалец Томас Перейра. Перед тем как московский посол Фёдор Алексеевич Головин вышел из палатки, писал Перейра, «появились две роты солдат с их капитанами и офицерами, которые с большой помпой медленно прошагали, напоминая процессию. Впереди шел оркестр, состоявший из хорошо сыгравшихся флейт и четырех труб, звуки которых гармонично сливались, вызывая вящее удовлетворение и аплодисменты толпы. За ними шли конные барабанщики и еще отряды мушкетеров и вооруженных по римскому образцу солдат. Во время произнесения клятвы московиты играли на трубах и флейтах, которые в ушах ангелов мира звучали небесной музыкой».

Петровские преобразования всколыхнули Россию. Рождение империи требовало создания современной регулярной национальной армии. Новые задачи обусловили появление в войсках новой военно-музыкальной службы. И такая служба была создана. Указ Петра I № 2319 от 19 февраля 1711 года известил о создании в русской армии Военно-оркестровой службы. По штатному расписанию в каждом пехотном полку предусматривались оркестры в составе одного гобоиста-иностранца и восьми гобоистов-русских. Также было определено иметь в полку 16 барабанщиков, осуществлявших сигнальную службу.

Военная музыка оказалась необычайно востребована во всех военных кампаниях. Наиболее употребительными были композиции фанфарно-героического и маршевого типа, приветственные, торжественные, встречные, застольные, панегирические и «виватные» канты. Пение таких кантов сочеталось со звоном колоколов и пушечными залпами. Кант радовал слух фанфарными интонациями. Распевы-юбиляции на словах «Виват!», а также чёткий ритм марша придавали ему праздничный, торжественный характер.

Подлинным образцом военных оркестров стали музыкальные коллективы несгибаемых гвардейских полков – Семёновского и Преображенского. Именно им была предоставлена честь играть на парадах победы в Северной войне, а полковой марш героев-преображенцев одно время считался даже неофициальным гимном Российской империи. А день 19 февраля стал Днём образования Военно-оркестровой службы ВС РФ – Днём военного музыканта.

Владимир ГАЗЕТОВ,
кандидат исторических наук,
профессор;
Максим ВЕТРОВ

Павел МАЛОВ,
член Союза писателей России

ОТЧИЙ ДОМ

Пусть холодно в доме и сыро,
Пусть двор продувают ветра.
Душа жаждет счастья и мира,
Любви и бесед у костра.

И песен, до боли знакомых,
Тягучих, как путь верстовой.
Пусть много забот в отчем доме,
Всё ж есть в нём извечный покой.

Тепло материнского слова...
Икон нарисованных ряд...
Я мысленно снова и снова
Туда устремляю свой взгляд.

Устав от тревог злого века,
С лихвой побродив по стране,
Мы, словно паломники в Мекку,
К родимой спешим стороне.

В семейном кругу отогреться
Хотим мы – озябшей душой,
Чтоб с радостью слышать, как в сердце
Вливаются мир и покой.

«НЕГРОМКИЙ» ПОЭТ

Николаю Рубцову

Бесится дорога за буграми,
Здесь балет на льду, а не езда!..
Сверлят ночь кромешную огнями
Медленные автопоезда.

Вдруг сигнал нечаянный прорежет
Колкую, упругую пургу,
Но чем дальше, тем всё реже, реже
Встречные машины пробегут...

И представлю я, как ночью где-то,
На развилке призрачных дорог,
Встретил я «негромкого» поэта,
Но промчался мимо, не помог.

И остался он среди равнины,
Сквозь метель шагая напролом...
И когда теперь ещё машина?
И когда деревни первый дом?

Не поднял руки он мне навстречу,
Поленился я притормозить...
Мне пред ним оправдываться не в чем,
Так же как ему меня – винить!

Только что от мыслей горьких проку,
На Руси – то вовсе не секрет –
Тяжко жить в отечестве пророку,
Если он к тому ж ещё поэт!

ЗИМОЙ В ДЕРЕВНЕ

Змеится санный путь вдоль косогора,
За горизонтом солнце залегло.
Мороз навёл на стёкла хат узоры,
Дымком из труб подёрнулось село.

Хрустящий снег пружинит под ногами,
Румянцем лица огненным горят.
И парни отбиваются снежками
От озорных хохочущих девчат.

Вот лепят шумно бабу снеговую.
От криков детворы звенит в ушах...
Брожу один по улицам.
Тоскую.
О светлых днях до слёз скорбит душа.

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Закружились белые слепни
За окном.
Мороз стекло исчёркал.
Куцые бегут за днями дни,
Как в коротких платьицах девчонки.

Натянул старик-январь тулуп
И повёл покатыми плечами.

Зимний мир на краски очень скуп,
Будто чем-то, скряга, опечален,

Будто начинает жизнь с листа
Чистого.
Все канули заботы.
И зима, взойдя на пьедестал,
Ледяной любуется работой.

КОММУНАЛКА

Зубатый шкаф клыки томов ощерил,
В них всех наук подобраны труды...
А я живу – как в каменной пещере:
Здесь вечно нет то света, то воды.

Здесь топят печку углем и дровами,
Здесь жгут в старинных лампах керосин,
Здесь лаются недобрыми словами,
С похмелья часто ходят в магазин.

Здесь в коридоре виснут на верёвке
Бюстгальтеры и женские трусы,
Здесь в туалете курит мальчик Вовка,
Учительницы нашей младший сын.

Здесь запах щей прокисших и угара,
Здесь в ванной вечно капает со стен.
Здесь ходят бабы с винным перегаром,
В сорочках или голые совсем.

Здесь столько сплетен, столько пересудов...
Здесь обливают грязью за глаза.
И часто втихаря крадут посуду,
Коль большего украсть уже нельзя.

Не терпят здесь из книг нравоучений,
И мне ли осуждать, к примеру, их?!
Здесь столько всяких бед и злоключений,
Что описать вовек не хватит книг.

ДОРОГА

Жизнь, как чаша вина, до краёв полна.
А споткнулся конь – не твоя вина.
А сломалась плеть – не ищи другой,
Колокольчик молчит под резною дугой.

А дорога, как лес, – не видать ни зги,
Только чёрные мысли тревожат мозги,
Только ветер завоет, шакалу под стать,
Только сердце стучит, да не хочется спать.

Оглянись – не увидишь нигде огонька.
А дорога твоя, словно жизнь, коротка.
Да не светит луна, дальше конь не идёт,
И куда-то лихой подевался народ.

И последняя тройка промчалась давно,
И последнее выпито кем-то вино,
И последняя кем-то поломана плеть,
И последнюю песню кому-то не спеть!

ПОД РОСТОВОМ

Он подвиг не умел совершать,
В окопчик он от пули нырял.
Но тяжко было парню лежать,
Взвалив на спину небо ноября.

А где-то шли бои под Москвой,
А где-то назревал перелом.
И парень рисковал головой,
По простоте не ведая о том.

Ну где ему, окопнику, решить
Стратегию и тактику штабов?
А парню просто нужно было жить.
Но был приказ: «У немца взять Ростов!»

И он пошёл, стреляя на ходу,
По полю, будто пахарь за сохой.
И поскользнулся парень, как на льду,
И под Ростовом пал в бурьян сухой.

А рота стала дальше наступать,
А роте что до смерти одного?
А роте нужно город было взять,
И к вечеру взяла она – его...

ИСПОВЕДЬ ИДЕАЛИСТА

Пусть впереди большие перемены –
Я это никогда не полюблю!
В. Высоцкий

Я не люблю большие перемены,
Безумству храбрых песен не пою.
Претит мне грязь супружеской измены,
Я женщину и мать боготворю.

Я презираю суетность шакалов
И лизоблюдов дрязги не терплю,
Я восхищаюсь смелостью Икара,
Я жертву Сына Божьего люблю.

Противны мне приспособленцев своры,
По ветру нос держать я не могу.
Не нравятся мне стенки и заборы,
И пулю я врагу не берегу.

Мне тёпленьких не жаль и равнодушных,
Кто не пылает яростным костром,
Кто прячет за семью замками душу,
Жизнь оставляя скупо на потом.

Мне не по нраву шлягер «Мани-мани»...
Меня тусовкой в рай не заманить.
Свистит сквозняк, как соловей, в кармане,
И родину не хочется любить.

* * *

Вздыбил мёрзлую землю кювет,
Колея по грунтовке – вразнос.
Милый край – я здесь не был сто лет,
Я сто бед без него перенёс!

Я скитался по разным местам,
Видел север далёкий и юг.
Только не было родины там –
Потянуло домой меня вдруг.

Пусть в краю нашем климат суров,
И ветра бьют в оконницу пусть,
Я нагряну, как снег, в отчий кров,
В дверь озябшей рукой постучусь...
Мне недолго теперь уж идти.
За спиной – сто простуженных вёрст...
До жилья – поле лишь перейти
Да заснеженный старый погост.

МУЗЫКАНТ

В переходе, пропахшем хот-догом,
Где площадный ворочался мат,
На гармошке старик одноногий
Изливал свой неброский талант.

В звуках бились «Амурские волны»,
Вальс почти позабытый уже.
И светло становилось, и больно
От игры старика на душе.

А вокруг торговали и ели,
Шли дельцы к своим тёмным делам.
Суетливые страсти кипели...
Деньги сальные липли к деньгам.

Рвали воздух прогнившие «роки»,
Дух распада повсюду витал.
И в картуз старика кособокий
Скудно капал «презренный» металл.

...Он в войну с лютым ворогом дрался,
Забирал Богом клятый Берлин,
А теперь на мели оказался
Средь холодных, как скалы, витрин.

Никому до него нету дела,
Только пенсию носит собес...
А гармошка так жалобно пела,
И дрожал на груди его крест.

НА РАСПУТЬЕ

Только выйду в степь – всё припомнится:
Отчего душа грустью полнится,
Отчего тоска – словно к горлу нож.
Сто дорог кругом, да куда пойдёшь?

Сто дорог кругом – по одной идти.
Прямиком пойдёшь – прямо нет пути.

Влево коль свернуть – потерять коня.
Только что терять? Нет коня у меня!

Нет коня, ну что ж, велика ль печаль?
Коли нечего – и терять не жаль.
А направо – стоп. Здесь ты смерть найдёшь.
Только что мне жизнь, коль цена ей грош!

Коль цена ей грош – что мне жизнь беречь?
Всем нам Бог судил в эту землю лечь.
Оттого в душе грусть шевелится.
Вот и жизнь прошла,
Да не верится.

НОСТАЛЬГИЯ

В том краю, где ивовый плетень
Подпирает подсолнухи летом,
С камышовой крышей курень
Назывался тогда сельсоветом.

Вязы думали думу свою,
Изнывали собаки от скуки…
Край Донской, я тебя узнаю
После долгой-предолгой разлуки.

Скрип тяжёлых тележных колёс,
Неудача на пару с удачей…
Не могу я сдержать горьких слёз,
Не стыдясь земляков своих, плачу.

Я до мозга костей городской,
Не крестьянствовать мне в этой жизни.
И смотрю я с глубокой тоской
На былое величье отчизны.

Вот закрытый заброшенный храм,
Ржавый трактор, уснувший на пашне…
Не вернуть уже прошлого нам, –
Оттого так тоскливо и страшно.

Оттого так бунтует душа
В суете бестолкового века,
Что душевность из жизни ушла,
Что в толпе не найдёшь Человека.

ПОСЛЕ БАЛА

В зале гаснут огни.
Вот и кончена сказка…
Отзвенел колокольчиком смех.
И в гримёрной пылятся актёрские маски –
Их с избытком хватило на всех.

И цветы унесла в «Мерседес» примадонна,
Что блистала в своём амплуа.
…Смотришь ты на шикарное платье влюблённо –
На троллейбус зову тебя я.

Мы приедем в свой дом,
Что далёк от шедевра,
Разогреем нехитрый обед.
Примадонна не ест пищи этой, наверно,
А у нас же другого и нет.

Знаю я: ты ни в чём той певицы не хуже,
И сумела б водить «Мерседес».
Просто Бог наградил слишком
правильным мужем,
Ну а муж в рай земной не пролез.

И хоть в жизни – сплошной полосой –
шоу-маски,
Ты надеешься: выпадет чёт,
Как в той доброй, наивной про Золушку сказке,
Про счастливый её башмачок.

* * *

Мне кажется, что нет меня на свете,
И света нет – кругом сплошная тьма.
Что нет души живой на всей планете.
Мир канул в бездну, мир сошёл с ума.

Мир все заветы Божии нарушил,
Мир озверел в трущобах бытия.
И только SOS – «Спасите наши души!» –
Из мрака ночи чётко слышал я.

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 12 (27) декабрь 2018

О богатырях

Олег СЕЛЕДЦОВ

КНЯЖЕСКИЙ СОН

Снится сон, дивный сон Красну Солнышку
князю Владимиру.
Будто всё, как и прежде, но что-то не так на Руси,
Будто свет Василиса-краса обернулась
в кикимору,
Будто Сивко под ханом чужим удила закусил.

Будто пьяный Илья от вина позабыл
про Отечество,
Выходя из запоя, калечит шальных мужиков
И от смертной тоски лишь огнём непутёвый
и лечится,
Церкву Божию спалит – и покоен душой
и здоров.

Будто сын иерея Алёшка подался в наёмники
И за ханские тугрики рубит нещадно своих.
И взимает монету за то,
чтоб Христовы паломники
Помолиться в пещерах могли у мощей у святых.

Будто выкрал Добрыня казну
до последней копеечки,
Деньги в рост отдаёт и гноит должников
что есть сил.
Будто в бане по срамным местам
хлещет вволюшку веничком
Голых девок, которых когда-то в степи полонил.

Князь Владимир под утро
в холодном поту просыпается
И бежит на крыльцо, чтобы Русь
уберечь от жулья,
Но выносит ему молока Василиса-красавица
И крестом осеняет чело славный инок Илья.

ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ

Гудят набатом в поле колокольчики.
Добрыня-витязь, русский удалец,
Вдоль пепелища по сожжённой отчине
Везёт бесславный чудищу конец.

Напрасно Змей откладывал свиданьице,
Огнём и серой нагоняя страх,
И вот теперь уговорить старается
Со свитками мудрёными в когтях.

– У нас с тобою договорчик, помнишь-ка?
У славной писан у реки Пучай,
Чтоб не сходиться боем в чистом полюшке.
Вот дата, подпись, гербова печать.

По звёздам и по книгам по пророческим
Нам враждовать с тобой резона нет.
А ты промчался по горам Сорочинским,
Змеёныша давил, наделал бед.

Повытоптал мои посевы маковы.
Убытку мне на тысячу таньга.
Забаву-деву, мой кусочек лакомый,
Похитить хочешь, словно у врага.

Послушай, так, Добрыня, не получится.
Так, дорогой, не делают дела.
Входи, будь гостем, ешь, пей вина лучшие,
Жену бери: вот Роза, вот Лейла.

Добрыня молвит: «Ты хитёр, Поганище,
Красивы речи говорить востёр.
Вот только Русь окована пожарищем.
Пусть меч поставит точку в договор».

МАТУШКА ДОБРЫНИ НИКИТИЧА

Уж как матушка Добрыню провожала
Под иконами за честь и славу Руси.
Голосила на прощанье песню-жалость,
Чтобы сын её домой живым вернулся.

Уж как матушка Добрыне говорила,
Отправляя в бой на нехристя и вора:
«Али я тебя, сынок, не спородила
Силой-удалью в монаха Святогора?

Не с Ильёй талантом-участью ты ровен?
Воле-храбрости завидует Алёша.
Будь же милостив, не лей невинной крови,
Мой защитник, мой бедовый, мой хороший.

Не топчи младых змеёнышей напрасно,
Чтоб остаться чистой чести богатырской.
Не губи степных восточных девок красных.
Как шакал на пепелище ты не рыскай».

Уж как матушка Добрыню провожала,
Устилала путь надеждою живою...
Лишь предательство хазарского кинжала
Не отринешь материнскою слезою.

АЛЁША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН

Уж как ехал Алёша удаленький,
Князю-Солнышку правдой служа,
А вокруг заколочены ставенки,
Всюду пепел, и плесень, и ржа.

Смотрит витязь окрест, удивляется,
Что за зверь по Руси погулял?
Рвётся в бой его верная палица,
Справедливости просит кинжал.

Вот уж княжьи соборы и звонницы,
Но не радостен блеск куполов.
И к обедне никто не торопится,
Кроме двух исхудавших попов.

А в хоромах царит катавасия.
Здесь наводит порядки джигит.
Меж Владимиром он и Апраксией
За столом, косоглазый, сидит.

Он не кланится князю, не молится
В красный угол святым образам.
Воев русских сослал за околицу,
Водкой залил народу глаза.

Нарядил княжьих стольников в рубища.
Главы сотнями скинул с плечей.
Он великий, он чудо, он чудище,
Воевода, мудрец, казначей.

Нынче сеять-пахать не дозволено.
Нынче поле быльём поросло.
Княже, княже, за что ж эта доля нам?
Видишь, властвует зависть и зло.

Но не чует, не знает, не ведает,
Точно спит очарованный князь.
А над Киевом песней победною
Затирается золото в грязь.

Ты проснись, пробудись, княже киевский.
Вот Алёша – твой витязь и друг.
Стрелы верные бросить на вылазку
За Отчизну готов его лук.

За обиды, за раны, за ссадины,
За истерзанный рабством народ.
Злу башку необузданной гадины
Князю он на копье принесёт.

ПОСОЛЬСТВО ДОБРЫНИ НИКИТИЧА И ВАСИЛИЯ КАЗИМИРОВИЧА

Над Русью погодище стынет.
Забыты и грозы, и дождь.
Что нынче невесел, Добрыня?
Что хмурый, Василий, идёшь?

Заплакали девицы сдуру.
В хоромах печаль разлилась –
Посольство к собаке-Батуру
Отправить готовится князь.

Оставьте ненужные слёзы.
Бояре, гони, не жалей:
И золота сорок повозок,
И жемчуга, и соболей,

Да сорок коней поудалей,
Да тканей в парчовую нить.
Пора многолетние дани
По счёту сполна уплатить.

Послушай-ка, братец мой крестный,
Укрыть ты печали не смог,
Мы служим Владимиру честно
И честно исполним свой долг.

Мы дань отвезём половчанам,
Не переплатив сгоряча:
Две палицы, сечею пьяны,
Да два богатырских меча.

Да стрелок калёных десяток,
Да звон боевых топоров.
Наш путь будет верен и краток.
Встречай, басурманин, послов.

КУЛИКОВО ГОРЕ

Плачет небо набатом протяжным,
Гул исходит из сердца полей.
Нынче некому выйти на стражу
Беззащитной Руси рубежей.

Нынче с витязя много ли толку,
Коль он к запаху крови привык?
Коль на князя он щерится волком,
Коль в дружине всё ругань и крик?

Если в ночь перед битвой нередко
В доме споры гудят и разлад,
Разве будет рука его крепкой?
Разве ясным останется взгляд?

Да и где этот витязь? Далече.
Князь с тоскою глядит на полки.
Бог не в силе, но правда беспечно
Заплутала в изгибах реки.

ДОЛЯ МОЯ РУССКАЯ

Чаша ты моя горькая –
Доля ты моя русская.
Ветер кочевой зорькою
Кудри убелил русые.

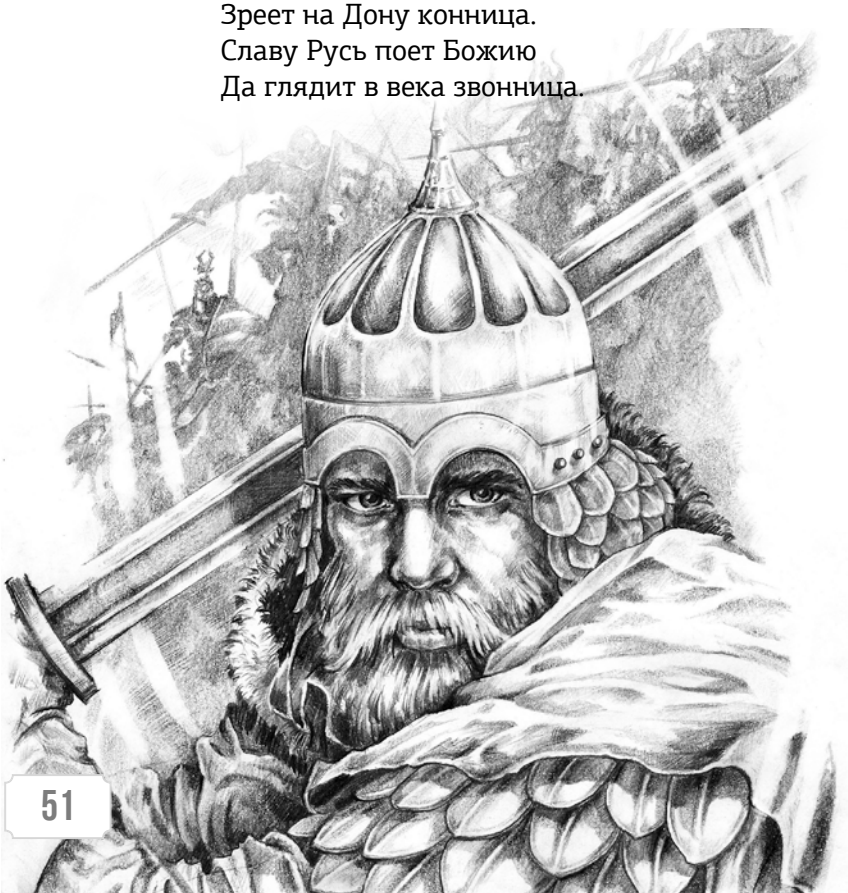
Долго запрягал молодец.
Долго меч ковал, палицу –
В горнице живёт половец.
В бане печенег парится.

Не зови меня, матушка,
Суховей согнул деревце.
Стала мне женой-ладушкой
Пришлая стрела-девица.

Странная моя долюшка,
Птица ты моя белая.
Допьяна хлебнув горюшка,
Огражу крестом тело я.

Лягу на холме выжженном,
Где текут ручьи быстрые.
И закат крыла рыжие
Молча надо мной выстелит.

Но гудит стрела Вожею.
Зреет на Дону конница.
Славу Русь поет Божию
Да глядит в века звонница.



Казаки в науке: путь служения Отечеству

КАЗАКИ В ИСТОРИИ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА ИЗВЕСТНЫ КАК СМЕЛЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ВОИНЫ, КОТОРЫЕ РАСШИРЯЛИ И УКРЕПЛЯЛИ РУБЕЖИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА. ПОДВИГИ НА ПОЛЯХ СРАЖЕНИЙ И ВЕЛИКИЕ ИМЕНА КАЗАКОВ-ГЕРОЕВ ВСЕГДА БУДУТ В СЕРДЦАХ ЛЮДЕЙ. КАЖДЫЙ ИЗ ЭТИХ ГЕРОЕВ, БУДЬ ОН ГЕНЕРАЛОМ, АТАМАНОМ ИЛИ РЯДОВЫМ КАЗАКОМ, ВНЁС ЗНАЧИМЫЙ ВКЛАД В ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ИСТОРИЮ. САМА ИСТОРИЯ ОПРЕДЕЛИЛА КАЗАЧЕСТВО СНАЧАЛА КАК НАРОД, ПОТОМ КАК ВОЕННО-СЛУЖИЛЫЙ НАРОД, ПОТОМ КАК СЛУЖИЛОЕ СОСЛОВИЕ. И СЕЙЧАС, В НЫНЕШНЕЕ НЕСПОКОЙНОЕ ВРЕМЯ, КАЗАКОВ ВЫДЕЛИЛИ КАК ИСТОРИЧЕСКИ СЛОЖИВШУЮСЯ КУЛЬТУРНО-ЭТНИЧЕСКУЮ ОБЩНОСТЬ. ТАК, ЗАКОН РСФСР ОТ 26.04.1991 № 1107-1 (РЕД. ОТ 01.07.1993) «О РЕАБИЛИТАЦИИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ НАРОДОВ» ОПРЕДЕЛИЛ КАЗАКОВ КАК ЛЮДЕЙ, ПРИНАДЛЕЖАЩИХ К ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ПОД НАЗВАНИЕМ «КАЗАКИ».

Много разговоров шло и идёт о принадлежности казаков к военному сословию. Да, был период, когда казаки были к нему причислены. Причислены, но не принадлежали с рождения. Сейчас казаков к нему относят те, кто не знает подлинной истории казачества и законов, изданных в прошлом и настоящем. Военное сословие было упразднено Декретом об уничтожении сословий и гражданских чинов от 11 (24) ноября 1917 года. К тому же казаки – народ, давший Отечеству не только славных воинов, но и великих учёных и благочестивых подвижников.

Казаки отличаются не только своим нравом и характером. Стремление отдать свою жизнь служению Отечеству во благо веры и казачества всегда стояло для них на первом месте. И где бы ни был казак, на военной службе или в науке, он всегда помнил, что представляет казачий народ. Гордый, целеустремлённый, сильный и неделимый! Михаил Шолохов, автор всемирно известных «Тихого Дона» и «Поднятой целины», получая престижную Нобелевскую премию, не поклонился Густаву Адольфу VI,

Семья М. А. Шолохова. Слева направо: Мария Петровна с сыном Мишей, Александр, Светлана, Михаил Шолохов с Машей. Апрель 1941 г.

вручавшему её. Подтверждая свою принадлежность к казачьему народу, Михаил Шолохов сказал: ***«Мы, казаки, ни перед кем не кланяемся. Вот перед народом – пожалуйста, а перед королём не буду, и всё...»***

Обращая свой взор в область исследования и творчества, научного поиска и духовных изысканий, многие поколения казаков выбрали этот путь служения Отечеству.

Из казачества вышло много великих людей, проявивших себя в разных областях науки, литературе, изобразительном искусстве, медицине и множестве других сфер.

Одними из первых казаков, внёсших вклад в науку, были путешественники и мореплаватели. Их открытия не только приумножили знания человечества, но и изменили карту мира, расширив границы Российской империи в несколько раз.

В истории отечественной географической науки выделяются имена казаков-первооткрывателей.

Ермак Тимофеевич, казачий атаман, исторический завоеватель Сибири для Русского государства. Память о Ермаке живёт в русских легендах, песнях и топонимах. Его жизнь и подвиги породили множество преданий.

Семён Дежнёв, землепроходец, казачий атаман, знаменитый своими исследованиями Сибири. Он стал первым мореплавателем, которому удалось пройти Берингов пролив, разделяющий два материка: Азию и Северную Америку.

Владимир Васильевич Атласов, русский землепроходец, сибирский казак, исследователь Камчатки. А. С. Пушкин назвал Владимира Атласова «камчатским Ермаком».

Иван Петрович Козыревский, путешественник по Сибири, один из первых исследователей Курильских островов. Его именем названы мыс и гора на острове Парамушир, залив и мыс на острове Шумшу, река и посёлок на Камчатке.

Николай Михайлович Пржевальский, запорожский казак, родился 31 марта 1839 года в деревне Кимборово (нынешняя Смоленская область). Издал учебник для юнкеров по военной географии. Пржевальский во главе отряда сибирских казаков отправился в экспедицию по Уссурийскому краю, которая закончилась в 1869 году. В 1870 году издал книгу «Путешествия в Уссурийском крае 1867–1869 гг.». Совершал экспедиции в Монголию, Китай, Тибет. Пржевальским были проведены объёмные и тщательные географические исследования, что позволило составить подробную карту значительной части Центральной Азии. За эти исследования Николай Пржевальский был награждён Большой золотой медалью имени Александра Гумбольдта. В 1876 году он возглавил (командуя отрядом казаков) экспедицию к озеру Лоб-Нор и в Джунгарию.

Благодаря целеустремлённости и самоотдаче казаков-исследователей на географической карте мира границы России расширились вплоть до Тихого океана. Были открыты многие неизвестные науке представители флоры и фауны.

Много казаков внесло свой вклад в литературу. Всемирно известные имена писателей-казаков навеки останутся на страницах отечественной литературы.

Иоасаф Игнатьевич Железнов – потомственный яицкий казак, писатель, исследователь быта уральских казаков, собиратель фольклора, историк, этнограф.

Михаил Александрович Шолохов, донской казак, лауреат Нобелевской премии по литературе, Сталинской премии, Ленинской премии. Действительный член АН СССР, дважды Герой Социалистического Труда, автор таких произведений, как «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека», и других.

Пётр Ильич Петров-Бирюк, донской казак, родился 18 октября 1900 года в станице Анненской в семье казака. Издавал рассказы, очерки, роман о казаках «На Хопре». В 1945 году написал роман о Кондратии Булавине «Дикое поле». Его творческому перу принадлежали такие известные произведения, как повесть «Степные рыцари», романы «Сыны степей донских», «Юг в огне», «Перед лицом Родины», «Сказание о казаках».

Николай Фёдорович Погодин (Стукалов), донской казак, родился 16 ноября 1900 года

в станице Гундоровской (город Донецк) в семье казака. Автор книг: «Казаки», «Красные ростки», «Кумачовое утро». Написал пьесы: «Человек с ружьём», «Кремлёвские куранты», «Третья патетическая». В 1941 и в 1951 годах Н. Ф. Погодину присуждалась Государственная премия.

Михаил Антонович Алпатов, донской казак, родился 7 ноября 1903 года на хуторе Сибилен Митякинской станицы в семье казака. С конца 1919 года служил в белой армии. Отступал до Новороссийска, где не смог эвакуироваться. Опубликовал ряд монументальных исторических научных трудов. Также им изданы художественные произведения, в том числе роман «Горели костры». В 1966 году защитил докторскую диссертацию.

Философская мысль нашего Отечества обогатилась трудами донского казака Алексея Фёдоровича Лосева. В 1916 году издал свою первую работу «Эрос у Платона». В 1919 году избран профессором Нижегородского университета. В 20-е годы стал профессором Московской консерватории. Написал ряд книг философского содержания, среди них «История античной эстетики», «Слово о Кирилле и Мефодии», «Диалектика мифа» и другие.

Свой след в изобразительном искусстве оставил известный художник-баталист, донской казак Митрофан Борисович Мартыщенко (Греков). Именем М. Б. Грекова названы Ростовское и Одесское художественные училища, студия военных художников в Москве (работает с 1934 года).

В Новочеркасске работает Дом-музей М. Б. Грекова. В 1966 году Министерством культуры СССР, Союзом художников СССР и ГПУ СА и ВМФ учреждена медаль имени М. Б. Грекова – за лучшие произведения изобразительного искусства на военно-патриотическую тему.

В развитие медицины и микробиологии внесла свой вклад Зинаида Виссарионовна Ермольева, донская казачка с хутора Фролов Усть-Медведицкого округа Войска Донского. Занималась научной работой на кафедре микробиологии медицинского факультета Северо-Кавказского университета в Ростове-на-Дону. Первая научная работа называлась «К биологии холерного вибриона». В 1942 году Зинаида Ермольева вместе с группой учёных получила первый отечественный пенициллин. В 1963 году стала действительным членом АМН СССР.

Из множества имён и фамилий казаков, являющихся представителями науки, назовём ещё несколько.

Герой Советского Союза, сибирский казак, генерал-лейтенант Дмитрий Карбышев,

Фёдор Васильевич Токарев

Генерал Карбышев

известный российский фортификатор. В июне 1941 года отправился на фронт. Был тяжело ранен и захвачен в плен. Отказался сотрудничать с немецкими оккупантами. Вёл антифашистскую работу среди узников Майданека, Освенцима и других концлагерей. В ночь с 17 на 18 февраля 1945 года его живьём заморозили под струями холодной воды.

Павел Пантелеймонович Лукьяненко, кубанский (запорожский) казак, сын станичного атамана. Академик ВАСХНИЛ, Академии наук СССР, Герой Социалистического Труда.

Григорий Николаевич Потанин, сибирский казак, изучал быт народов Сибири и Азии. Совершал экспедиции в Монголию, Китай, Тибет, Туву, на Тянь-Шань.

Владимир Еронимович Маркович, конструктор-оружейник, терский казак. Зарегистрировал 26 изобретений, в их числе «универсальная магазинная винтовка системы Мосина образца ВЕМ, 1891–1893 гг.». Его труд «Ручное огнестрельное оружие» и сегодня является ценным источником для всех, кто интересуется оружием Кавказской войны. В 1925–1935 годах служил на научно-исследовательском испытательном полигоне стрелкового оружия под Москвой и сотрудничал с Тульским и Ижевским оружейными заводами.

Изобретатель, оружейник-конструктор с мировым именем, донской казак Фёдор Васильевич Токарев – разработчик известных пистолета ТТ и винтовки СВТ-38/40. Герой Социалистического Труда, лауреат Сталинской премии первой степени.

История нам говорит и о «хождении казаков в отцах духовных». Во времена национальных испытаний, борьбы России за своё величие казаки – священномученик патриарх Гермоген и святитель Дмитрий Ростовский – посвятили свою жизнь борьбе за независимость Отечества.

Патриарх Гермоген являл образец непреклонного борца за Русское царство, именно по его зову князь Дмитрий Пожарский и нижегородский гражданин Кузьма Минин обнажили свои мечи за освобождение Москвы. Мученическая смерть патриарха Гермогена стала добровольным даром, положенным на алтарь Отечества.

Святитель Дмитрий Ростовский – духовный писатель, агиограф, проповедник, педагог. Является основателем Ростовской грамматической школы, в которой наряду с грамматикой церковнославянского языка и богослужебными книгами изучались также древние языки (латинский и древнегреческий), философия и стихосложение.

Святитель Дмитрий Ростовский

Эти имена можно перечислять и перечислять. Среди казаков и казачек такое множество учёных, творцов и подвижников, что описание их жизни и трудов во славу России может вместить лишь большое многотомное издание. Казачий народ, являясь по природе своей воинствующим, тем не менее воспитал в своей среде на основе вековых традиций великих людей науки и искусства. Их имена навсегда на скрижалях истории славного казачьего народа!

Игорь МАРТЫНОВ,
войсковой старшина, заместитель атамана Тамбовского отдельского казачьего общества

ТАМБОВСКИЕ РАТОБОРЦЫ

ЗНАМЕНИТЫЕ ГЕРОИ. ЗАБЫТЫЕ ГЕРОИ

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ
(отрывок из книги, глава «Оборона Смоленска»)

Утро сменилось днём, набравшее силу солнце легко перескочило через зенит и уже неторопливо, будто плывущий в океанских просторах золотой корабль, перемещалось по южной половине неба. Прорвавшийся с Балтики хулиганистый, как беспризорный мальчишка, и прохладный ветер грубо прошёлся по верхушкам цветущих садов, сорвал нежные лепестки яблонь и совершенно бессмысленно просыпал их, разметал по вскопанной земле. Пахнуло морской сыростью.

Генерал-лейтенант Дохтуров находился на своём наблюдательном пункте, когда увидел на дороге, вдоль полотна которой росли выкрашенные внизу ствола известью невысокие липы, какое-то движение. Дмитрий Сергеевич повернул туда свою подзорную трубу. В окуляр видны были застывшие ровными шеренгами, как солдаты в карауле, с немецкой аккуратностью ещё с осени подстриженные деревья – зелёный верх, белый низ, вымощенное булыжником шоссе и где-то вдали на нём – подозрительная тёмная масса.

– Кто там? Не французы ли? – громко спросил командующий корпусом.

– Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, – отозвался начальник штаба, – это идут наши войска из резерва.

Уже через четверть часа показалась колонна: впереди резвой рысью шла кавалерия, за нею, с большим отрывом, двигалась пехота, ещё дальше – артиллерия. Прискакавший вестовой объявил:

– Подходит отряд генерала Хитрово, ваше превосходительство!

Вскоре к генерал-лейтенанту подъехал на потном кауром коне и сам командир выделенного из резерва главнокомандующе-

го Беннигсена отряда – раскрасневшийся от скачки блондин с короткими жидкими усами и такими же бакенбардами. Он спешился и, придерживая левой рукою шпагу, подошёл к Дохтурову и отдал честь.

– Прибыл в ваше распоряжение, Дмитрий Сергеевич! Со мною лейб-гвардии Егерский полк, батальон лейб-гвардии Семёновского полка, уланы и четыре орудия лейб-гвардии Конной артиллерии. Какие будут приказания, ваше превосходительство? Мы готовы сразу вступить в бой! – обратился генерал-майор Хитрово к своему временному начальнику.

Дмитрий Сергеевич не мог скрыть удовлетворения:

– Премного рад видеть вас, Николай Захарович, рад, что не забыли обо мне в штабе армии. Ваша поддержка, генерал, очень кстати, с вашими гвардейцами мы Сульта точно одолеть сможем и сбросим оного француза в Пассаргу! А распоряжения мои таковы: уланам и пехоте – отдыхать, артиллеристам же придётся вступить в дело, им надобно тотчас же выдвинуться впереди моих позиций и беглым огнём тревожить неприятеля в лесу, уничтожать его живую силу и пуще всего – его пушки. Оставим Сульта без артиллерии – возьмём штурмом его укрепления!

Егерский полк отдыхал. Оба батальона расположились вдоль дороги, по которой пришли.

Прусская земля – не Россия. Это, к примеру, на тамбовских просторах выйдешь за пределы города или села, оглядишься, и дух захватывает от пьянящей – посильнее хмеля – свободы: хочешь, иди прямо, хочешь – направо или налево! Коли желаешь охладить изнурённое солнечным зноем, пропылившееся в дороге тело, побежишь и – бух в чистую и прозрачную, как Божья слеза, холодящую и молодящую речную гладь! А ежели тянет тебя в свои тёплые материнские объятия землица, подгибаются от усталости или (и оное бывает!) от хмельного застолья твои ноги – вались, падай на шелковистую, податливую, будто девичья грудь, некошеную траву, катайся, мни под себя её изумрудные стебли, вдыхай, наслаждайся терпкими ароматами полевых цветов, а есть желание – сплети своей суженой нарядный пёстрый венок: будут в нём жёлтенькие, как новорождённые цыплята, кругленькие, словно маленькие солнышки, головки одуванчиков, и голубые, как кусочки неба, соцветия васильков, и фиолетовые колокольчики сон-травы, и любые другие цветочки, какие в конце весны – начале лета в российских лугах произрастают. И самих-то лугов превеликое множество: и вдоль рек, и на окраинах селений – общая территория, гуляй по ней, кому не лень.

А лесов в России, в той же Тамбовщине, сколько? На всех хватит – и крестьянам, и помещикам, и городским мещанам. В русском лесу – раздолье, красота неописуемая, здоровье молодецкое! Коли не робкого десятка, войди-ка в лесную глухомань и найдёшь там себе верных помощников и средства для жизни. Смотри: вот раскачиваются на ветру длинноствольные сосны, машут игольчатыми ветвями, шепчут украдкой: «Иш-ш-шь... Не боиш-ш-шься нас, добрый молодец?.. Хорош-ш-шо...» Надёжна изба из сосновых брёвен, жарок огонь из сосновых дров. Стоят, красуются, будто барышни в широких юбках, тёмные и колючие с виду ёлки-подружки, но ежели оказался ты без крова, застигла тебя холодная ночь, укроют они своими размашистыми лапами, подстелют под спину покрывало из прелых иголок. Выстроились на солнечной поляне, трепетно шелестят мелкими резными листочками берёзы – словно невесты в белых нарядах, по весне берёзовый сок утолит жажду, придаст бодрости. А вот шумят, таинственно переговариваются, вспоминают былые века и годы дубы-богатыри, они спрячут тебя под развесистыми кронами от дождя, а если ослабнешь, и силой своею поделятся – только обними один из них и очень-очень попроси! Порадуют своего соотечественника сладкоголосые соловьи, успокоят, отвлекут от бедовых мыслей синички-щебетуньи, накормят вкусными ягодами малина и черника, да и грибы и орехи в пищу сгодятся. А разве мало в этих чащобах зверья разного? В общем, найдутся там для сметливого и рачительного человека и дом, и еда, и

всё, что ему нужно. Лес – богатство и слава Руси, в русском лесу рождаются наши сказки и песни, в нём сила тела и мощь духа!

А что же в Пруссии? Неловко и тесно в ней россиянину. Вот устал, притомился солдат России, а где ему отдохнуть? Всё кругом поделено, всё почти частное, поля и огороды – за изгородями, грубо нарушать владения местных помещиков и крестьян строго запретило армейское начальство. Поэтому и пришлось воинам из отряда генерала Хитрово отдыхать на пыльной обочине дороги, на ничейной травке под липами.

– Эй, Ерёма, подвинься! Ишь ты, зад-то разъел, на два метра не умещаешься! – толкает в плечо товарища по роте пожилой седовласый егерь, унтер-офицер, подпрапорщик Иван Рагулин.

– Прям уж разъел... – обижается на начальника солдат помоложе и покрепче – Еремей Копырюлин. – С такими вот унтерами, как ты, дядька Иван Васильич, особо-то не раздобреешь, разве что брюхо к хребту не прилипло! Аки блоха – ха-ха-ха-ха! – всю дорогу скакал, токмо за тобой поспевал!

Ветеран привык к тому, что Копырюлин остёр на язык, не может без колкостей, без прибауток, но старался не обращать на это внимания: уж больно хорошо изучил он своего молодого друга за долгие годы совместной службы в егерском полку. Рагулин спокойно, без суеты уселся рядом с Еремеем, снял ранец и достал из него краюху ржаного хлеба, отрезал ножом ломоть.

– На-ка вот, подкрепись, балабол. Нешто не ведомо мне, отчего ты скакал, аки блоха? Понеже, оглоед ты тамбовский, Ерёма, свои харчи утром сожрал и на мои всю дорогу зарился, так?

Копырюлин мигом схватил протянутый кусок, с жадностью принялся его поглощать, но всё же не удержался от своих рифмованных штучек:

– Так-то так, я ж не дурак! Коли унтер с ранцем, не будет он засранцем, поделится с солдатом, который всегда рядом!

Иван разбил ножом варёное яйцо, очистил и сунул его целиком в рот. Прожевав, он вытер обшлагом рукава седые усы, проворчал:

– Спасибо сказал бы, нехристь... Будь рад, что ты мне друг, не то ни в жизнь с тобою не поделился бы. Нашёл няньку...

Еремей прекрасно знал о крутом норове подпрапорщика Рагулина, многократно был свидетелем того, как Иван Васильевич без лишних церемоний «учил» других рядовых солдат, прежде всего рекрутов. Десять лет назад, когда Копырюлин – молодой, необстрелянный новобранец из Тамбовской губернии – только начал постигать нелёгкую солдатскую службу, доставались и ему тумаки от ветеранов, в том числе и от Рагулина, но вот уж года три как они подружились, и унтер привязался к Еремею, покровительствовал ему, особенно после Аустерлицкого сражения, когда они вместе пробрались из французского тыла к остаткам своего батальона. Да и сколько теперь в полку тех, кто служил в нём ещё во времена солдатского любимца, легендарного фельдмаршала и генералиссимуса Суворова? Совсем немного. Оставшиеся в строю бойцы, как правило, поддерживали дружеские отношения.

– Да ладно, Иван Васильич, не серчай, прости меня, никчёмного... В другой раз отплачу добром за твоё добро, не позабуду, – примирительно коснулся рагулинского локтя Копырюлин.

– Знаю я тебя, проглота, дабы тебя прокормить, всей полковой казны не хватит, – снова проворчал, но уже так, для порядка, и улыбнулся старик унтер-офицер.

Полковник Потёмкин отослал адъютанта Рытова с поручением в штаб полка, а сам, не раздеваясь, прилёг отдохнуть в обозном фургоне.

Вблизи часто бухали пушки лейб-гвардии Конной артиллерии, изредка с неприятельских позиций, из лесу, прилетали французские ядра.

Яков Алексеевич лежал на положенном поверх соломы сермяжном одеяле и, как всегда перед боем, старался думать о чём-нибудь отвлечённом, не связанном с войной. В натянутом над повозкой парусиновым тенте

зияла большая дыра – вероятно, её пробил осколок артиллерийской гранаты, – через неё виден был кусочек синего неба и замершие в нём, будто замёрзшие, длинные и узкие, как перья какой-нибудь гигантской белой птицы, редкие облака.

«Вот лежу я здесь, в этой пыльной повозке, лежу на старом одеяле, на небе – странные облака, может быть, они – неведомый нам знак Божий, рядом – война, безумие жестокого кровопролития, люди убивают друг друга, и, ежели так угодно Всевышнему, я сегодня погибну в бою, а там, где-то далеко-далеко, на востоке, за полями, лесами и реками, ждёт меня моя ненаглядная лебёдушка, моя Варенька. Как там она, моя молодая жена?» – думал Яков Потёмкин.

Он живо представил себе любимый образ: тоненькая, хрупкая и грациозная фигурка, длинная, такая беззащитная, в лёгких, как пушинки, светлых детских волосиках шейка, тёмно-русые локоны вьются на затылке, выразительные карие, с густыми ресницами глаза доверчиво и наивно смотрят на окружающий мир. Такой Варенька была два года назад, ей тогда исполнилось девятнадцать лет, сейчас – уже двадцать один, но она мало изменилась. Яков Алексеевич не виделся с молодой женою почти год.

Полковник прикрыл веки и, позабыв о грохоте сражения, обо всём чуждом его душе, мягко погрузился в непроницаемую для света и шума, приятную, но неосязаемую пустоту. Ему снилось, будто он снова в отпуске, в имении отца, и его встречает любимая супруга...

***

Большое моршанское село Давыдово удобно устроилось на левом берегу реки Серп. Стояло оно там уже не меньше двухсот лет с тех пор, как первый воевода Тонбова*, стольник Роман Фёдорович Бобарыкин, занялся освоением бывшего Дикого поля. Первые его поселенцы – скорее всего, беглые крепостные из Московии, особенно из Рязанского да Пронского княжеств, потом к ним, возможно, присоединились принявшие православие выходцы из мордовских племён. Эх и бедовые были эти места! То шацкие воеводы Биркин и Спешнев делили тут лесные угодья с Бобарыкиным, которому надобность возникла заготавливать строительный лес для возведения крепости Тонбов и других опорных пунктов Московского государства, то лихие люди Стеньки Разина, а после – Емельки Пугачёва будоражили местное население, подбивали его на бунт, то царские войска правили здесь суд и расправу над восставшими крестьянами, а иной раз и лютый мор приходил сюда, косил смертельной хворью целые семьи. Однако выжило Давыдово, разрослось, порубили люди все сосны и дубы – до самой реки Цны, распахали целинные земли, накормили себя и тех, кто объявил их своим достоянием, – царскую фамилию, стали они удельными крестьянами.

К концу XVIII столетия в Давыдово уже числилось сто тридцать дворов и более тысячи землепашцев мужского и женского пола. Жили здешние мужики вольготнее помещичьих, побогаче. Но вот опять случилась передряга: император Павел I подарил большую часть села, целых полтысячи душ, своему егермейстеру Алексею Яковлевичу Потёмкину. Жизнь мужицкая круто изменилась, и хотя новый помещик не драл три шкуры, оброк да барщина придавили сильнее прежнего. И куда идти крестьянину? Некуда. Одна надежда теплилась: слыхал народ, будто молодой барин, наследник старого, просвещённый офицер Яков Алексеевич не охоч до лютости, помягче отца будет.

Когда полковник Потёмкин в очередной раз отпросился в летний отпуск, чтобы избавиться от стресса после жестокой битвы под Аустерлицем, повидать жену и родственников, из Санкт-Петербурга он первым делом отправился в Моршанский уезд, в Давыдово, и его встретили толпы крестьян. Староста вручил Якову Алексеевичу хлеб-соль, полковник был доволен. В имении, в свежепостроенном барском доме, навстречу Потёмкину выпорхнула, словно птичка из клетки, юная краса-

* Так в XVII веке называли город-крепость Тамбов. – *Прим. автора.*

Андрей ХАЗИЕВ
(литературный псевдоним – **Андрей СКИЛУР***)*

Родился в Тамбове в 1953 году. Окончил исторический факультет Тамбовского государственного пединститута, с 1978 по 1982 год работал в сельских школах, в том числе директором, затем – директором СОШ в Тамбове, заместителем директора СПТУ, преподавателем. С 1992 по 2013 год работал журналистом, редактором и ведущим радио- и телепередач в Тамбовской государственной телерадиокомпании (филиал ВГТРК), по 2017 год был членом Союза журналистов России, автор газетных публикаций. С 2013 года – пенсионер. Пишет прозу и стихи. Первую книгу опубликовал в 1999 году, затем сборники произведений в 2003, 2007 и 2009 годах. В 2013 году вышли в свет роман-эпопея (трилогия) «С волками жить...» и краеведческая работа «История Тамбовского государственного телевидения», в 2015-м – мемуары-хроника «Из истории нашей революции (свидетельства участника)» и первый том книги о защитниках Отечества «Тамбовские ратоборцы». В 2017 году как редактор-составитель издал первый том «Книги памяти жертв большевистского террора и политических репрессий в Тамбовской области в 1918–1950-е гг.». В настоящее время готовит к изданию второй том «Книги памяти...» и второй том «Тамбовских ратоборцев». С 2018 года является председателем регионального отделения Союза литераторов РФ.

вица Варвара Ивановна, бросилась мужу на шею и осыпала его поцелуями.

– Как я соскучилась, Яша! Я так боялась, что тебя убьют на войне, все глаза проглядела, чего токмо не передумала... – произнесла она, заливаясь слезами.

Яков чувствовал тепло её тела, слышал учащённые удары сердца, шелковистые мягкие волосы молодой женщины пахли свежестью луговой травы, горячие солёные капли падали мужчине на лицо, на высокий воротник дорожного костюма, и он впервые, наверное, ощутил себя по-настоящему счастливым – он нужен Варе, она его любит, она ждёт!..

– Ну что ты, мон шер ами, я люблю тебя, как я мог погибнуть! Сие было невозможно, Варенька, любимая моя! – крепко обнял, приголубил жену Потёмкин. – Вот мы и вместе, не надобно плакать, родная!

Он целовал её нежные розовые ручки, прекрасные, мокрые от слёз глаза, его сердце бешено колотилось, он испытывал целый букет чувств – благодарность, любовь, жалость.

Если честно, Яков Алексеевич не ожидал такой встречи, долгими ночами он думал о том, что до отъезда в 1805 году в армию он мало общался с Варенькой, его грызли сомнения: не позабыла ли она своего суженого? Теперь, к его удивлению и восхищению, всё встало на свои места: молодая жена с нетерпением ждала воевавшего в Австрии мужа, волновалась о здоровье, боялась его гибели – ну что ещё нужно ему, Якову, чтобы чувствовать себя счастливейшим из людей?!

Они вместе вошли в гостиную, где Потёмкина ожидал отец.

Алексей Яковлевич встал с кресла и нетвёрдой, шаркающей старческой походкою направился к сыну.

– Живой, слава Богу, живой... – обнял он Якова. – Заждались тебя, сын, уж не ведали, что и мыслить... Сюда, в нашу глушь, вести доходят с превеликим опозданием... Ты знаешь, Яков, граф Кутайсов, будучи проездом из Москвы в свою деревню Отъяссы, говаривал,

будто в австрийской земле нечаянная ретирада учинилась, много славных офицеров полегло... Что же ты не писал мне, сын?

Распущенные седые волосы, изрезанное морщинами, как бы ссохшееся, с выступающим вперёд подбородком и глубоко запавшими бесцветными, словно выгоревшими на нестерпимом солнце, усталыми глазами, желтоватое лицо, морщинистая шея, трясущиеся сухие, с прожилками тонкие руки – да, Алексей Яковлевич за последний год резко сдал, видно, его одолевали жестокие, заработанные ещё в армии и в должности устроителя охотничьих развлечений для императорских особ, давние болячки. Яков знал, что отец тяжело, болезненно переживал смерть жены Анны Богдановны, тогда, в девяносто восьмом году, он впервые слёг, а Яков не мог поддержать Алексея Яковлевича, потому что в это время сопровождал императора Павла в Казань. Молодой гвардейский полковник чувствовал себя виноватым: не нашёл времени, чтобы послать в Давыдово письмо, сообщить о своём здравии.

– Виноват, не писал... Прости меня, отец, прости великодушно, – заглядывая Алексею Яковлевичу в глаза, с трудом выговорил Потёмкин.

– Бог простит, он всё видит. Изволь не забывать старого отца, Яков, мне шестьдесят шесть лет уж нынче, болен я, скоро помру, – сказал старик, разжал объятия и, еле волоча скованные подагрой ноги, поплёлся к стоящему у окна креслу.

У Потёмкина сжалось сердце.

Вечером, когда стемнело, полковник вышел из дому, пробрался по тропинке через поле с колосящейся, ещё зелёной рожью, миновал общинный крестьянский луг и оказался на невысоком косогоре, откуда ещё несколько лет назад приноровился любоваться окрестностями.

На землю опустилась душная июльская ночь. На востоке сгустилась тьма, но её окрашивал висевший низко над горизонтом бледно-голубой серп луны, вдалеке чуть-чуть светились огоньки в большом селе Серповое – мужики жгли в избах лучину. Дальше угадывалась чёрная полоса цнинских лесов.

«Вот как странно... Сие совпадение или кто-то когда-то тоже глядел с косогора и узрел над тем местом, где ныне Серповое, такой же серп луны? – родилась у Якова Алексеевича догадка. – Но, возможно, всё куда проще: тамошние мужики ковали надёжные орудия для своего труда и дали в честь них название селу, а после и реке. Кто ведает оное?»

Он взглянул в сторону запада: там ещё догорала вечерняя заря, небо было окрашено в багряно-фиолетовый цвет. Напротив косогора, через речку, Потёмкин разглядел ещё огни: это Пеньки – злое, мятежное село, мужики в нём прославились тем, что в давние времена привечали разинских и пугачёвских бунтовщиков.

«Богатый край: и пашня неплоха, хотя и похуже, чем в серединных и южных уездах губернии, и леса, и реки с озёрами – всё имеет место быть. Повезло моему отцу, да и мне тоже, владеть здесь землёю и мужиками прибыльно, и душе тут привольно, сладостно!» – подумал Яков и пошёл назад, к отчему дому.

Ночью он наслаждался близостью с женой, Варвара одарила его прелестными ласками, которые потом трудно забыть.

Так прошла неделя, вторая – в радости и любви. Супружескую чету огорчало только одно – нездоровье Яшиного отца. В конце офицерского отпуска Потёмкин и Варвара совершили увлекательное путешествие в купеческий Моршанск, оттуда в губернский центр – дворянский город Тамбов, где помолились в Казанском соборе за своё благополучие и за выздоровление Алексея Яковлевича, потом побывали в другом потёмкинском имении – в селе Дмитриевское в Спасском уезде. Уставшие, но довольные, Яков и Варвара возвратились в Давыдово.

Потёмкин уезжал в северную столицу настоящим счастливцем, теперь он точно знал: дома его любят и ждут, ему есть куда стремиться, к кому возвращаться...

БРАЖНИКУС

Бригадир по утилизации фекалий Флориан Ельников – прямой потомок безымянных, но буйных людей, населивших здешние места в Смутное ёще время, которые походя, в шутку – пока другие пахали, сеяли, валили лес – голыми руками вырывали берёзовые пни из земли, забавы ради катали, даже по постным дням, от села к селу краденые мельничные жернова, словом, те, которые маялись дурью во все века, пока вотчину не навещала мировая революция или заваруха попроще, – бригадир Ельников в разгар сенокосной страды тосковал.

Своих рабочих и шефов из города он расставил по местам ещё с вечера. Сына снарядил утром на сенокосилку, строго наказав, чтобы тот часа два отдохнул на общественном поле, а потом за своё принялся с усердием. «Наше сенцо пропасть может, жалко же, наставлял он наследника. – Перестоит трава или дожди хлынут. Понял, сынку?» – «Обижаешь, батя, – успокоил сын. – Со своим-то сеном управлюсь до хлябей». – «Хозяином растёт», – ласково определил Ельников, любуясь чрезвычайно широкой спиной отрока.

Жена спозаранку укатила на городской рынок «Чувакиш» с зеленью-ягодой. «Агрессивно расхватывают, – рассказывала она всякий раз по возвращении с торгов. – Очередя за клубникой, очередя».

Флориан и сам с удовольствием вспоминал, как ближе к морозам, умертвив кабанчика, снаряжался в город на огромный Чувакишский рынок, как бойко шла торговля, как оживлённо дискутировал с покупателями о внешней и внутренней торговле державы.

– Дороговато ломишь, пахан! – заводилась какая-нибудь скаредная личность из очкастой прослойки. – Двести рублей кило – не волюнтаризм ли? В Чуркестане и то дешевле!

– А сумневаешься – геть из очереди! – легко парировал бригадир. – Это же не мясо, а дар природы, а природа нынче недёшева!

Прилавочные брифинги и дискуссии бодрили его, и лицо Ельникова, особенно с пере-

поя, приобретало свежий здоровый цвет филейной или тазобедренной части кабанчика.

В общем, народ рабочий разъехался, и можно было привычно погружаться в сонную одурь. Правда, с утра Ельников принялся было читать районные СМИ, но его тут же настигла головная боль, и сильно зачесался пуп. Он отбрасывал газету прочь – боль и щекота отступали. «Да, – напрягал мысль Флориан. – А ведь есть ещё чудаки, отрицающие спиритизм и полтергейщину. Пуп от читки зудит – ну не парапсихология ли?»

Потом он долго промышлял по комнатам мух, потом протирал пианино, на котором в усадьбе никто не играл.

Вдруг он заметил через окно незнакомого сосредоточенного молодого человека с большим портфелем. «Не иначе – из районного начальства пришелец! – высвербило в голове бригадира. – А у меня брага не спрятана!»

И он кинулся разматывать охранную марлю на молочном бидоне, в котором вскипала почти готовая брага.

Когда незнакомец появился в горнице, Флориан допивал последний, сороковой, литр самодельного нектара. Лицо у бригадира посинело, по груди стекали белёсые, везувийские струйки, но держался он молодцом и на своих двоих. В хоромах стоял удушливый, как перед окаянной среднерусской грозой, запах.

– Скрытно пошли на посрамление мирового рекорда? – с порога учтиво поинтересовался человек с большим портфелем. – В контору Гиннесса не заявляли? Заворотом кишок не страдали? За сколько секунд осушили цистерну? Какой заглот вкуснее – первый или финишный? Что выгоднее для вас – трудодень или гарантированное подаяние, пардон, зарплата?

Фекалийный руководитель среднего звена не отвечал – ухал брюхом и хватал ртом спёртый воздух.

– В человеке разумном – двадцать метров кишок разного диаметра, а в человеке-бражнике – много больше, – успокоил Флориана незнакомец. – Соображаете, какой змеевик смастерила вам природа, и к вечеру из вас истечёт чистейший первач. Гостей звать будете к празднику?

– Вы кто такой?! – наконец отдышавшись, очнулся Ельников. – Из комиссии какой, от шефов?

– Да ну вас, – сказал молодой человек. – Бабушка моя тут проживает, Белоярцева Дарья Ивановна. Зашёл адрес узнать.

ПОЛТИННИК

События, о которых хотелось бы рассказать, происходили в период расцвета СССР, т.е. лозунгов, призывов, плакатов и социалистического соревнования. В трудовых коллективах витал дух здорового соперничества, не рыночного волчьего эгоизма одиночек, а дух коллективизма.

В областной комитет профсоюза агроработников поступило анонимное письмо с просьбой разобраться в злоупотреблениях председателя «Чиркуна» – одного из колхозов Совеловской области. Заявители, а по тексту письма чувствовалось, что в эпистолярном жанре упражнялись коллективно, просили разобраться с итогами трудового соперничества, особенно в молочном животноводстве.

Председатель обкома, кстати сказать, бывший партийный босс, направил туда инструктора – Ивана Гуркова – для «разбора полётов».

На дворе была поздняя весна. Контора колхоза «Чиркун» купалась в лучах яркого предобеденного солнца. Дорожка к мозгово-

му центру хозяйства была выложена обломками кирпичей, а слева и справа от неё размещались оттаявшие после морозной зимы планшеты с победителями социалистического соревнования. На выцветших и полинялых фотографиях трудно было распознать лица передовых колхозников. Было известно, что эти шедевры выполнил для колхоза заезжий из райцентра фотомастер Недомазов, которого жена постоянно вытаскивала из систематических запоев. При очередном отъезде в ЛТП он кричал: «Я творческая натура. Моей душе нужен простор и впечатления. Я, наконец, не ремесленник, я – большой мастер, я просто – маэстро!»

Вот как раз вдоль этих «рафаэлевских» шедевров и шагал в чёрной поношенной кепке, лёгкой синтетической курточке и литых сапогах, с тощей служебной папкой в руках, в которой сиротливо лежало письмо заявителя и командировочное удостоверение в колхоз-ударник «Чиркун», профинструктор Иван Гурков.

Гурков рассчитывал на тёплую встречу с самим. Он был ещё под впечатлением яркого выступления председателя колхоза на очередном пленуме областного комитета профсоюза. Он представлялся ему глыбой, нависшей над трибуной, обтянутой красной материей; обхватив её руками, словно совковыми лопатами, он периодически, особенно правой, указывал во время повествования на высокие надои и солидные привесы, направление пути в светлое будущее. При этом его коротко стриженная, довольно внушительных размеров голова с маленькими ушами (видимо, по этой причине он любил слушать только себя) двигалась в маятниковом режиме по диагонали вслед за рукопризывами.

Поднявшись на второй этаж по хорошо выскобленной лестнице конторы, Гурков прошёл в приёмную председателя, где за неказистым столиком восседала пышнотелая секретарша – Лидия Самохвалова, отчаянная танцорка и сердцеедка.

– Мне бы к председателю, – учтиво обратился к хозяйке инструктор Гурков.

– Нетути, председателя вызвали в город. А вы по какому вообще-то вопросу?

– Я направлен к вам из обкома, – не уточняя какого, строгим голосом пояснил Гурков.

Но у Лидки такие штучки не проходили. Посмотрев поверх Гуркова на окно приёмной, она спокойно потянулась всем телом, оправила платье на высокой груди, встала, оглаживая себя вдоль бёдер, и, взяв кувшин с водой, направилась к подоконнику, на котором стояли цветы. Самохвалова, стоя спиной к посетителю, со знанием дела поливала цветущие, удушливо пахучие герани.

Гурков, понимая, что избрал не тот подход к общению, попытался заговорить о погоде.

– Солнце-то как нынче припекает, наверное, цветы поберечь бы надо? У вас почему-то даже штор на окнах нет.

Секретарша, не поворачиваясь к инструктору, громко заметила:

– Как с городу, так учить начинают. Так зачем вы всё же пожаловали, голубчик?

Гурков, уловив некое послабление в беседе, быстро выпалил:

– Да я по жалобе.

– Любят у нас жаловаться, спасу нет, – поддержала разговор Лидия. – Робить надо, тогда и писать не об чем. Председателя нет, а вот Мироныч – наш кадровик – на месте, – став уже более словоохотливой, пояснила секретарша. – Вы пройдите к Миронычу-то, во второй кабинет рядом с лестницей. Там на двери ещё табличка с обломанным уголком.

– Благодарю вас, сударыня! – по-театральному поблагодарил Гурков, открывая дверь приёмной тем местом, где кончается спина.

– Очень, очень рад, – признался начальник отдела кадров, приглашая гостя присесть и с тоской поглядывая на папку визитёра: что таила она в своём чреве? – Чем могу служить?

– Если позволите... – начал было Гурков, но Мироныч перебил его.

Мироныч был опытным и тёртым дипломатом, мог заговорить зубы любому проверяющему из центра. Потому начал напористо и деловито:

– Вы же сами прекрасно знаете, какое положение сложилось в нашем родном ско-

товодстве. Последнее время наши скудные нищие земли то до захлёба заливают дожди, то сушит до смерти...

– Да не о том я, – перебил его Гурков, не меняя позы и пока спокойно ещё глядя на чиновника.

– Понимаю, лично вас это не жжёт, – ещё более напористо перебил Гуркова начальник кадров, не упуская инициативу диспута. – Но у нас – самые высокие в области надои, выше, чем в Голландии, на которую мы жадно ориентируемся вот уже семьдесят годков. У нас лучший в регионе молочный табун, тьфу, лучшее стадо. Правда, с кормами, едрит твою дивизию, нынче не повезло. В прошлом году, чрезвычайно сухом году, взяли по двадцать пять центнеров зерна на круг, кормов в три раза поболе – народ применил раздельные скашивание и обмолот. Приём навечно утвердили в высших инстанциях. А в этом году, едрит твою дивизию, очень мокром, такой приём не пройдёт – нужно прямое комбайнирование...

«Такого говоруна не переговорить, как свинью не перекакать, – с тоской подумал Гурков. – Это ж надо, какое бóтало!»

– И если бы нам не мешали советами из центра, – обмолачивал без пауз посетителя товарищ Мироныч, – то есть не заставляли директивами закладывать силос в июле, а сено ставить в конце сентября, то мы завалили бы наше молочное стадо кормами, а любимую, едрит твою дивизию, область просто залили бы молоком, простоквашей и модным ныне йогуртом.

– Макар Миронович! – не выдержал-таки Гурков и хлопнул перед начальником кадров папкой, хотя хотелось ему хлопнуть того по красному загривку. – Прочтите, пожалуйста. Пишет нам из вашего хозяйства трудящаяся, пусть и еле-еле, женщина. Ваш председатель второй год не отдаёт ей долг – полста рублей. В чём дело? Кто виноват? И что нам делать?

– Полтинник! – в ужасе произнёс Макар Мироныч и надолго замер, глядя в окно на пустынную площадь перед правлением. – Едрит твою столешницу!

Мироныч, не читая письма, знал о его содержании. Знали о долге председателя перед Зойкой Клевуновой, полувековой девственницей, все колхозники. Ведали и о сумме – полтинник. Но откуда выпал тот долг и почему председатель не спешит расплатиться – не догадывались. Разгадку знали четверо: сам председатель, Зойка Клевунова, Макар и виновница торжества, фамилию которой в целях сохранения государственной тайны мы оглашать публично не станем.

Дело было такое. Председатель колхоза очень любил прекрасную половину человечества, и, к слову сказать, отнюдь не платонически, а конкретно и осязаемо там, где настигало его желание. А желание настигало его в самых неожиданных местах: в конторе, на кладбище, в бане, в буфете, в коровнике, в стойле, словом, в любой точке колхозного и деревенского пространства. Особенно крутило и ломало его по вёснам. Вёснами он был беспощаден к женщинам от восемнадцати до ста восемнадцати.

– У моего Паши гормоны всегда на ходу! – не без некоторой фамильной гордости, но со слезами на глазах говаривала супруга председателя. – Как у доброго гармониста его инструмент.

Особенно председатель налегал на жену снабженца хозяйства. Сладилось ли у него с ней накануне и насколько хорошо, можно было определить по размеру премиальных, которые голова выписывал снабженцу Удодову. Вот как раз за таким зоотехническим занятием, когда прошла фаза обнимательного рефлекса и наступил момент сáдки, и застукала сладкую парочку Зойка Клевунова, дева старая, коварная и завистливая до такой утехи, ей по жизни не обломившейся.

На этот раз желание настигло председателя на бреге сточной канавы, в густых тернистых кущах ольшаника, татарника и лебеды. Завидя соглядатая Клевунову, любовники бежали. Зойка гнаться за прелюбодеями не стала. Тем более что обнаружила на дне канавы итальянский шерстяной плащ председателя, видимо, заботливо подстеленный под безразмерный тыл окаянной подруги. С того всё и пошло-поехало.

– Плащ-то твой жене, что ли, снести? – не конфузливо вопросила председателя корыстная Зойка Клевунова утром следующего за позором дня прямо перед собранием. – Репьёв-то на нём было, как на собаке. Еле-еле очистила. Сам-то домой чистым пришёл или тоже в репьях?

– Тихо, Зинаида Ивановна, – побледнел председатель. – Зачем сразу к жене? Сговоримся и здесь.

– Полтинник с тебя, председатель, – твёрдо сказала Зойка Клевунова, торжествуя и ликуя от маленькой, но женской победы над мужиком. – Всего-то полтинник, и никто никогда тайны нашей не выпытает.

Почему председатель не отдал милой женщине эти деньги сразу и бесповоротно, только суетливо взял свой вычищенный плащ, – загадка природы людской. Может, в запарках повседневных дел, может, денег мелких не было, может, подумал, что общеколхозная девственница шуткует, по обыкновению всех чиркуновских баб (центральная усадьба располагалась в селе Чиркун). Как бы то ни было, но Клевунова лишилась законного вознаграждения за подглядный труд и ручную очистку председательского плаща. Она стала являться за маржой, за халявным то есть наваром, к нему в контору, ловила на улице, на фермах, появлялась из густого пара в сельской мужской бане в разгар активного помыва секретных частей производителей. И криками, взглядами, жестами, нескромными общими телодвижениями требовала: «ПОЛТИННИК!»

На селе и на отделениях её называли уже просто Зойка Полтинник. А голове это слово до того обрыдло, что и зарплату он получал только гривенниками, рублями и сотенными.

– Ну что ж, пойду, – поднялся Гурков, видя, что чиновник не расположен к задушевному полупартийному диалогу. – Но сделайте что-нибудь. У нас в конторе обкома писем этой Клевуновой выше отраслевого потолка.

И Гурков двинулся в обратном порядке: мимо дверей с табличками, мимо полногрудой заносчивой не по делу секретарши, мимо Доски почёта с блёклыми снимками передовиков – доски, прозванной в народе «стена плача».

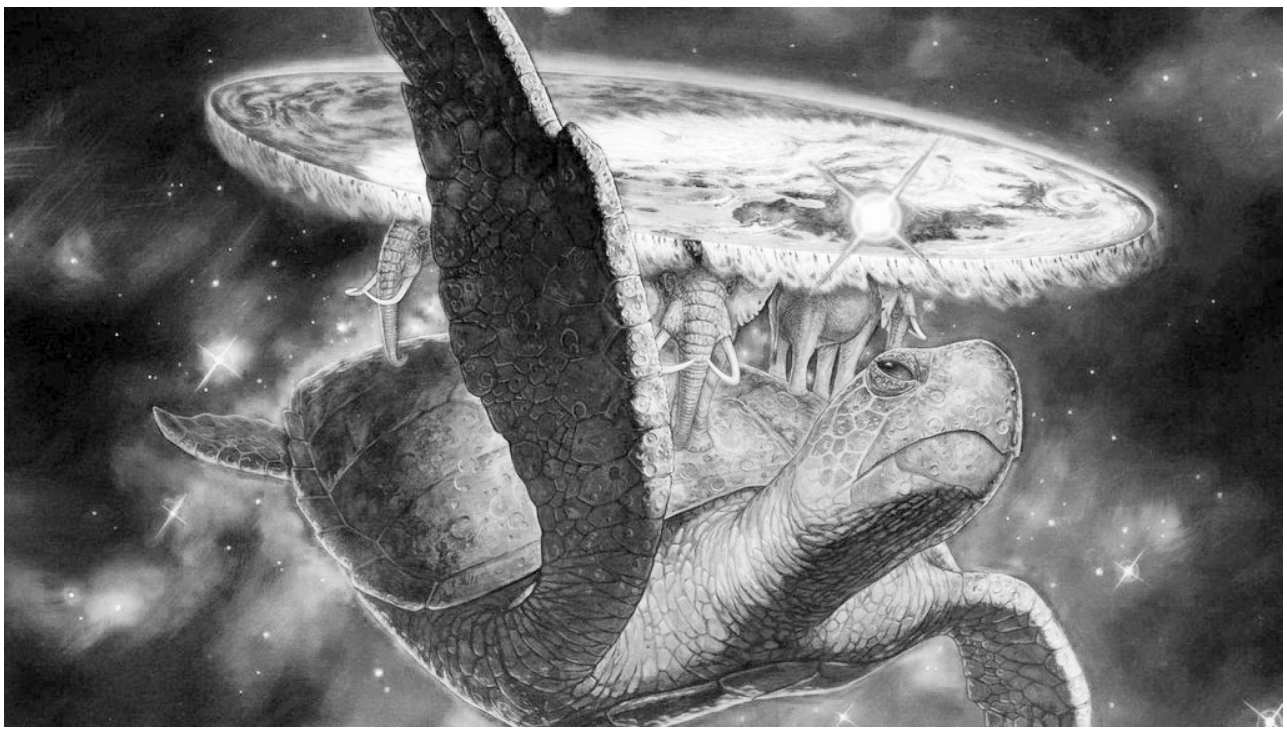
...Прошло ещё три года. В космос было запущено с обеих системных сторон сто не нужных никому кораблей, в стране возвели тысячу мелких, средних и громадных ГРЭС, в республиках СССР изготовились к нацреволюциям десятки тысяч нацколдырей. Жизнь кипела по-прежнему.

В кабинете уже председателя обкома зазвонил телефон. Гурков снял трубку и услышал решительный бабий глас:

– Слушай, секретарь или председатель, как тебя там, – голос вдруг сорвался на рыдание. – Мне уже трудно писать, завтра я приеду лично к вам: полтинник-то мой председатель наш, Герой Социалистического Труда, зажилил. Помогите вернуть деньги! Прошу пока по-хорошему.

Александр СЁМИН
Академик РАН, доктор экономических наук

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 12 (27) декабрь 2018



ЧТО ПОКАЗАЛ ЭКСПЕРИМЕНТ С ПЛОСКОЙ ЗЕМЛЁЙ?

Я тут недавно разместил в «Ютубе» несколько видео, в которых говорилось о плоской Земле. Я думал, что такой анахронизм не может быть воспринят ни в каком ином качестве, кроме как в качестве шутки. Однако я ошибся. Нашлось много людей, для которых мой видеоблог явился отдушиной в «застоявшемся воздухе всемирного научного заговора». Когда я попытался напомнить, что шутки шутками, но Земля-то шарообразна, то поднялась волна возмущения! Ведь светлые дали за отдушиной вдруг оказались декорацией, нарисованной коварным видеоблогером. Оказалось, что наука по-прежнему «продолжает держать людей за идиотов и впаривает им идею шарообразности Земли!»

Одна девушка писала в своих комментариях об очевидной с её точки зрения вещи. Ну разве может быть так, что с одной стороны Земли люди стоят нормально: ногами вниз, головой вверх, а на другой стороне наоборот: головой вниз, ногами вверх?! Впрочем, появление на горизонте таких людей должно было быть для меня вполне ожидаемым. Ведь мои студенты (студенты инженерных специальностей) не знают, как образовались залежи каменного угля. Спрашиваю их, что такое каменный уголь? Ну, это камень такой. А как он образовался? Недоумевают: но это же камень...

Как-то я рассказывал студентам-экономистам о звёздах и планетах. Это курс такой, КСЕ – концепции современного естествознания. Показываю им картинки. Вот смотрите: это Солнце, а это планета Юпитер. Юпитер кажется крошкой рядом с Солнцем. А вот на этой картинке Юпитер рядом с Землёй. Сравнили? Каково различие размеров! А вот Солнце рядом со звездой – красным гигантом. Само-то

оно какое малипусенькое на этой картинке! А это красный гигант рядом со сверхгигантом...

«Постойте, постойте! – восклицают студенты. – Почему у вас на картинках звёзды круглые? Они же звёзды! То есть звездообразные должны быть!» То, что положено было рассказать студентам моим ещё в школе по природоведению, не рассказали. Учителя всё воспитанием занимались да переводом из класса в класс, чтобы не прерывался финансовый ручеёк из бюджета. Наши образовыватели из средней школы стеной стоят на пути признания того факта, что образовательная деятельность школы – это предоставление образовательной услуги. И понятно почему. Получил студент двойку в вузе за свои фантастические представления о мире звёзд, не знал таблицу умножения? В школу родную с претензией на некачественно оказанную услугу! Закон о правах потребителя товаров и услуг у нас работает. Значит, учитель, получивший зарплату за обучение оболтуса, или сама школа должны нести материальную ответственность. В каких размерах и в каком порядке – это уж пусть судебная практика покажет.

Кстати, экономисты мои были очень любознательны. Спрашивают: «Вот нашли же проход на Луну, там ведь люди побывали, почему на Марс не найдут проход?»

Проход?.. Ну ладно, оговорился человек. Ведь ещё только-только звёзды у него были звездообразными. Начинаю объяснять, что полёт на Марс занял бы много времени, поэтому люди на Марс ещё не летали. Зато на поверхность Марса доставлен марсоход, который проводит там исследования. Мне отвечают: «Мы про марсоход знаем, по телевизору видели. Но ведь он по поверхности перемещается, а вот вовнутрь как попасть?»

Я оторопел. Что, это типа как метро, что ли, на Марсе? Да нет, говорят. Как на Земле. Мы же внутри Земли живём. И тут мне рассказывают о том, какая она, Земля, по их представлениям. Это как бокал. На дне «бокала» поля, леса, пальмы, ледники и моря. Наверху в просвет этого «бокала» видно небо. Ночью на небе звёзды. Днём Солнце. Через этот просвет, который и есть проход в Земле, и улетали отважные космонавты, астронавты и тайконавты в космос. Американские астронавты нашли такой же проход в Луне и пробрались к ней внутрь. Вот и волновало моих студентов: почему такой же проход не найдут в Марсе?

Да! Мои картинки, изображавшие планеты, студентов потрясли. Буквально сломали их представления об окружающем мире. Ведь такие планеты и сами могут упасть, и с них легко свалиться.

Вопрос: что с ними в школе делали? Сколько бюджетных денег украли? Недаром говорят: «Борьба с коррупцией начинается на твоём рабочем месте!»

Есть ещё один разряд людей – стойко придерживающиеся представлений, что над плоской Землёй небесная полусфера, а на ней солнце, луна, планеты и звёзды. Это люди, которые дерзнули своим человеческим умом понять дела Божьи. Приводят они пример из Ветхого Завета, когда сыны Израилевы сражались за Землю обетованную с населявшими её народами ханаанскими, освобождали для себя жизненное пространство. Чтобы враги не смогли под покровом ночи избежать истребления, предводитель израильтян Иисус Навин скомандовал солнцу остановиться. Солнце, естественно, остановилось. Как же рассуждают наши современники, дерзновенно бросающие вызов величию Божию? Они говорят, что если бы Земля была вращающимся шаром, а движение солнца по небу было бы только видимым явлением, то исполнение повеления Иисуса Навина потребовало бы остановки Земли со всеми ужасными последствиями – результатами её остановки. Однако забывают такие трактователи, что дела Господни неисповедимы. Чудо – на то оно и чудо, что не может быть объяснено, и в данном случае факт шарообразности Земли только подчёркивает величие Господне. Как говорили мудрецы: есть истины, падающие с неба, и есть истины, бьющие из земли. Как дождевая вода и артезианская имеют разный состав и разное применение, так и эти истины не противоречат друг другу, и их не нужно смешивать.

Я детей учу в высшей школе. Если кто забыл, «высшей школой» принято называть высшие учебные заведения – вузы. Не могу не заметить, как катастрофически упал уровень школьного образования за последние годы. Приходит девочка. Проблемы с умножением. Спрашиваю: «Вы таблицу умножения учили?» Девочка потупила глаза: «Я не смогла выучить таблицу умножения». Не смогла во втором классе. Но доучилась до конца и сдала всё, что положено. С телефоном сдавала.

Теперь другая девочка. Ей нужно от семи два раза отнять три. Упорно получается два. «Ну давай, попробуй на пальцах!» Пробует. Опять два! Как-то не так у неё пальцы то ли сгибаются, то ли разгибаются. «Соберите семь авторучек, будем на палочках считать! Вот смотри, семь авторучек. Отнимаем три авторучки. Теперь ещё три отнимаем. Сколько осталось?» Девочка удивлена до глубины души. Она впервые считала на палочках. Только преподаватель высшей школы смог донести до неё светлую мысль из арифметики, что семь минус шесть равно одному!

Я вам сейчас расскажу, почему так. Вот пришли эти девочки в первый класс. Оказались они необучаемыми. Что с ними делать? По-хорошему, нужно их передать специалистам во вспомогательную школу или во вспомогательный класс. Там в классе меньше детей, там у педагогов зарплата выше. Этих педагогов ещё дефектологами называли, а классы и школы называли классами и школами дураков. Неполиткорректно, но такой фильм даже есть: «Школа дураков».

Но какие это будет иметь последствия? Для ученика – самые положительные: его чему-то смогут научить! А для учителей, которые от него отказались? Получится, что бюджетные деньги, отпущенные на обучение этого ребёнка, они не получат. Деньги уйдут. Финансирование будет меньше. Меньше премий и других выплат. Так могут и штат сократить – рождаемость-то снизилась, детей не хватает, приходится за каждого биться.

Это ещё не всё. Есть ещё один способ откосить от учебной работы, не лишаясь учебной нагрузки – аудиторных часов. Ученики старших классов школы большую часть недели проводят в расслабленном состоянии. В эти дни в их расписании стоят предметы, по которым они не собираются сдавать экзамены. Этому можно не учиться! Много ли учеников сдаёт сейчас ЕГЭ по истории или по географии? Единицы. Остальные откровенно путаются с тем, когда что было, в какую сторону что течёт и куда впадает. Октябрьская революция случается у них в тридцатые годы. И ещё не факт, что двадцатого века. Волга может впадать и в Средиземное море, и в Карибское. В Нил, в Енисей, в озеро Байкал, в Охотское море.

Вот так интересы представителей одного из сегментов общества вошли в радикальное противоречие с интересами представителей остальных его сегментов. Нужно сказать, что измена и вражеские действия на этом не прекращаются. Хорошо, если выпускник государственной средней школы попадёт в частный вуз или в частный колледж. Там его ждут. Фактически там ему додают то, что он должен был получить в школе.

А государственные вузы? Как там? У них та же проблема, что и у школ. Нужно во что бы то ни стало набрать студентов. Иначе нет часов и финансирования.

Поговорим о теперешних проблемах науки в нашей стране. Не науки как предметной области, занимающейся изучением окружающего нас мира, материального и социального, а науки как рода деятельности. В течение многих давно прошедших лет с помощью высокохудожественной пропаганды у общества создавали мнение, что карьера учёного завидна и почётна. Вспомните фильмы о физиках! «Девять дней одного года», например. Обычное занятие для физика-экспериментатора – обед в «Арагви», лучшем московском ресторане, который был недалеко от квартиры режиссёра Михаила Рома, создателя этого фильма. Через площадь, по другую сторону от памятника Юрию Долгорукому. А вот физик-теоретик из того же фильма сидит на этом обеде в «Арагви», озабоченный мыслью, как раздать полученные им квартиры, предназначенные для ещё не нанятых на работу учёных.

А как умны и интеллектуальны персонажи из мира науки, которых показали в прорывной для своего времени мелодраме «Ещё раз про любовь»!

А уж фильм «Укрощение огня» о создателях космической техники показал вершины достатка научно-технической элиты: машина «Чайка» с персональным водителем, квартира рядом с Кремлём, торжественный ужин с огромным осетром.

Эпизодический персонаж фильма «Доживём до понедельника» – физик, бывший ученик главного героя и бывший жених главной героини – уже на персональной «Волге», хоть только-только вылупился, окончив вуз.

Конечно, в жизни было совсем не так. Никаких «Арагви», ели то, что удавалось достать в магазине. Того осетра на съёмках «Укрощения огня» тщательно оберегали от актёров. С жильём было совсем туго: общежитие, а если появились дети – комната в коммуналке. И то с боем. У меня была одна знакомая пара научных работников. У них уже появился первый ребёнок, и они надеялись на жильё. Но не тут-то было. Жили они в одной из комнат двухкомнатного номера гостиничного типа. Хорошо хоть, комната не была проходной. В проходной жили два других молодых учёных одного пола – мужского. Но им тоже не хотелось жить в проходной комнате. Поэтому они сделали проходным совмещённый санузел. Муж и жена, взяв за руки ребёнка, собираются идти в детские ясли, а потом на работу. Но сначала нужно пройти через тот санузел, в котором кто-нибудь обязательно сидит на унитазе, ведь молодым учёным из соседней комнаты не нужно перед работой в ясли, и они могут выйти попозже. Жена была очень скандальной особой. Она выставила вещи соседей в коридор под предлогом того, что будет проводиться побелка потолков и истребление тараканов, и заявила, что они здесь больше не живут. Как устроились два молодых учёных, неизвестно, но как-нибудь устроились. Наверное, комендант общежития подселил их к кому-то другому, менее скандальному.

Были у занятий наукой и положительные стороны. Всё-таки интеллектуальный уровень собратьев, культурность. Хотя вот та история с молодой семьёй и двумя соседями – оно, конечно... Но что поделаешь? Всё-таки высшее образование. Всё-таки интеллектуальный поиск, прерываемый шабашками летом (ради больших денег – от нескольких сотен рублей) и работой в колхозе осенью до холодов по направлению с работы. Шефская помощь – так это называлось. Весной по последнему снегу – ремонт пионерлагеря и базы отдыха. Так время и текло. Неудивительно, что мало у нас нобелевских лауреатов. Ну да ладно.

Вот сейчас взялись за науку вузовскую. Я услышал, что есть решительное требование обеспечить зарплату учёных в московских вузах на уровне ста двадцати тысяч рублей. Да вот закавыка, в бюджете заложено только пятнадцать процентов от этой суммы, остальное вузовское начальство должно добрать за счёт выполнения договорных работ. А набрать договорных работ по науке нынче невозможно. Значит, придётся сократить штаты. Помните изречение Глеба Жеглова (Владимир Высоцкий его играл в бессмертном сериале «Место встречи изменить нельзя»): «Вор должен сидеть!»? Следуя этому принципу, Жеглов сажает невиновного (персонаж Сергея Юрского). «Где посадки?» Как отреагируют на такой вопрос правоохранители? Наверное, посадят кого-нибудь. И ключевое слово здесь «кого-нибудь». «Учёный должен получать хорошую зарплату!» Как можно реализовать этот принцип? Кто-нибудь получит сто двадцать тысяч в месяц. Ключевое слово «кто-нибудь» – эти кто-нибудь войдут в число оставшихся пятнадцати процентов, или вовсе новых наймут. Скорее всего, новых. Очень просто уволить учёного, потому что, как я уже сказал, набрать договорных работ в науке нынче невозможно.

Я сейчас объясню, почему это невозможно в свободной России с рыночной экономикой и было в порядке вещей в советское время. Принято было говорить о научных кадрах, которые преподают в высшей школе. Все эти доктора и профессора, у которых учились будущие главные конструкторы, сотрудники академических НИИ, возглавляемых акаде-

миками. Они получали от нашей промышленности щедрые заказы на выполнение договорных работ. Однажды (давным-давно это было) у меня зашёл разговор о вузовской науке с моим тогдашним начальником отдела (он теперь главный конструктор и член-корреспондент РАН). «Скажи мне, Боря, знаешь ли ты хоть одну ракету, которую разработали в вузе? Такой ракеты нет!»

У несведущего человека, далёкого от нашей тогдашней жизни, может возникнуть вопрос: «Зачем тогда промышленность финансировала науку?» Боюсь, это будет трудно понять современному человеку. Почему вместо того, чтобы «распилить» деньги, руководители промышленных (главным образом, оборонных) предприятий отдавали их академии и вузам? Дело в том, во-первых, что безналичные деньги было невозможно обналичить. Система безналичных расчётов в нашей стране была такова, что деньги, предназначенные на покупку алюминия, нельзя было потратить на покупку меди. В этом смысл плановой экономики. Поэтому украсть и распилить – ну никак. А вот отдать академикам и профессорам имело смысл. Они за это могли принять защиту докторской в форме доклада (сразу, без кандидатской), проголосовать на выборах в члены-корреспонденты, а потом и в действительные члены Академии наук СССР. В середине семидесятых академик только за то, что он академик, получал пятьсот рублей, а доктору к его зарплате приплачивали сто рублей. Это при средней зарплате по стране около ста тридцати рублей. Да и потом – престиж!

Вот и платили вузам и академическим НИИ миллионы рублей, а взамен получали отчёты, переписанные из учебника от руки карандашом. Крутили их, вертели: как оприходовать? А! Напечатаем листик с грифом «Секретно» и переплетём вместе с этим отчётом. Поставим инвентарный номер и сдадим в специальный архив.

С перестройкой и кооперативами появились совсем другие возможности. В ту эпоху я бывал в командировке в сторонней организации. За меня моя контора перечисляла деньги на специальное питание. И вот там, куда эти деньги должны приходить, однажды говорят мне: «А каким платёжным поручением перечислили нам деньги? Что-то мы никак не можем найти». Я в наш финансовый отдел: «Скажите номер платёжки!» Отвечают: «Мы не помним, ищите сами!» – и дали мне подшивку всех платёжных поручений. Чего там только не было! Кооператив на кооперативе. В общем, как говорил наш тогдашний лидер Михаил Сергеевич Горбачёв: «Процесс пошёл!»

Поэтому ныне, конечно, звание академика поблекло, а уж после всяких диссертационных скандалов никто не хочет связываться с подготовкой липовых диссертаций. Да и с финансами построже: как объяснять проверяющим карандашные отчёты? Ведь не придумать тему для хоть сколько-нибудь реально полезных исследований.

Ждут сейчас увольнений учёных (то есть научных сотрудников) вузов. Останутся одни преподы. Останутся, пока до них не добрались. До них ещё доберутся.

И вот ещё что. Во время последней предвыборной кампании (хотя, наверное, лучше сказать «крайней», чтобы не напророчить) я начитался всяких агитационных материалов, в которых кандидаты возмущались закрытием в Москве того или иного прославленного оборонного предприятия, занимающего большие площади. Мол, риелторский бизнес душит нашу оборонную науку. На самом деле, конечно, работать эффективно научное предприятие в Москве не может. Судите сами, молодые необразованные люди в Москве не смотрят на предложения работы с зарплатой меньше тридцати тысяч. Хотя, конечно, самые отчаянные соглашаются на пятнадцать, но с гибким графиком, в каком-нибудь фастфуде. А в провинции инженеру работать за пятнадцать тысяч – это счастье. Он ещё своему начальнику несколько тысяч отдаёт. А уж при мысли о зарплате в тридцать тысяч у провинциала расширяются глаза!

Борис БОЯРШИНОВ,
телеведущий

БЫЛ ЛИ ВЫБОР?

МЫСЛИ ПО ПОВОДУ РАССКАЗА А. СОЛЖЕНИЦЫНА «СЛУЧАЙ НА СТАНЦИИ КОЧЕТОВКА»

Эдуард КУШЕЛЕВСКИЙ

Не знаю, как у других, а у меня всегда появляется какое-то, пусть едва уловимое, ощущение собственной причастности к событиям, описываемым в книге, как если бы они происходили вблизи моих родных мест. И сами события от этого кажутся мне более достоверными. Однако и требовательность к достоверности повышается... Я, конечно, не хочу уподобиться соседу, который упрекнул меня, наблюдая, как я пишу этюд: «А вот тот столб ты забыл нарисовать». И всё же, когда я вижу неверное в главном, то промолчать трудно. Вот почему я с большим интересом и с лёгкой настороженностью читал рассказ А. Солженицына «Случай на станции Кочетовка»...

Тем, кто привык к прежнему названию станции в рассказе, хочу заметить, что названа она была Кречетовкой из соображений какой-то странной «конспирации» (ведь Мичу-

ринск оставался Мичуринском, а не городом Н.). Лишь «Роман-газета» в 1998 году решилась «рассекретить» настоящее название станции – Кочетовка. Наша Кочетовка, которую мы постоянно проезжаем, направляясь в сторону Москвы! Она совсем рядом с городом...

Кому-то это может показаться несущественным, но для меня очень важно. Дело в том, что действительные и страшные события, происходившие во время Великой Отечественной войны на этой станции, позволяют мне не согласиться с главной мыслью автора рассказа, с постановкой той проблемы, которая предложена в конце его, точнее, с постановкой её не на том материале. С неё, пожалуй, и следует начать...

«Но никогда потом во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека», – такими словами заканчивает Солженицын свой рассказ, и за ними стоит молчаливое осуждение поступка главного героя Зотова, сдавшего в оперативный пункт НКВД человека, в котором он заподозрил шпиона...

Конечно, общая и волнующая всегда проблема нравственного выбора вроде бы главная в этом рассказе, но цель её постановки откровенно заужена: автор явно хотел показать, будто шпиономания была в те времена столь сильна, что ею заражались даже такие честные и добрые по натуре люди, каким был Зотов. Солженицын навсегда остался бывшим узником концлагерей, впитавшим ясное осознание трагедийности судьбы человека, несправедливо осуждённого, и ужаса доносительства. Иначе чувствовать он не мог... Но ведь Зотов не был доносителем. Просто выполнял свой долг. Он был загружен работой до отупения, заниматься следственным делом у него не было ни времени, ни прав. Это ведь функция НКВД.

Отпустить же человека, вызвавшего подозрение (ведь действительно, какой образованный человек в советской стране мог забыть, что Сталинград – это бывший Царицын?!), он не мог, ибо это стало бы преступлением с его стороны, по крайней мере должностным, на таком важном стратегическом объекте, каким был крупный железнодорожный узел Кочетовка, где шпионы были вовсе не мифическими, а вполне реальными фигурами.

Не думаю, что писателю не было известно, какой страшной бомбардировке станция эта подвергалась именно тогда, когда была забита на всех своих многочисленных путях составами с ранеными, продовольствием и боеприпасами, и что световые сигналы бомбардировщикам подавались с земли «мифическими» шпионами...

Я был мальчишкой тогда, но кое-что видел, а женщины, ездившие разбирать завалы, рассказывали, как из луж разлитой патоки торчали части человеческих тел, как смешано было всё: гильзы снарядов, мешки с зерном, бочки, ящики и трупы... трупы... Их было бы меньше, если б не световые сигналы шпионов, которых вовремя не распознали и не выловили. Такой вот «нравственный выбор»...

Значит ли сказанное выше, что и рассказ в целом мне не понравился? Нет. По-моему, нельзя не оценить мастерства писателя, его умения несколькими штрихами вылепить образ, втянуть читателей в обстановку, дать почувствовать внутреннее состояние героя, способность автора увлечь проблемой, заставить нас задуматься, поспорить с собой...

Очень интересной показалась мне сцена беседы Зотова с Тверитиновым до возникновения подозрения. Солженицын даёт нам почувствовать, как важно, как сладко его героям, измотанным военным временем, хоть на минуту расслабиться: «Вася знал, что не время сейчас болтать, вспоминать, но уж очень был редок случай отвести душу с внимательным интеллигентным человеком».

А Игорь Дементьевич, лицо которого «озарилось предвкушением» удовольствия от папиросы, «блаженно откинулся...». Кажется, расслабился и сам автор, ибо он только в этом эпизоде называет Зотова не по фамилии, не Василием Васильевичем, а просто Васей... Зотов с удовольствием рассказывает Тверитинову его маршрут, сожалеет, что не может его накормить, хлопочет так, будто опекает родного человека. Ясно, что стать снова мирным, чутким, отзывчивым человеком ему просто приятно. Здесь он очень искренен.

Я понимаю, что это у автора ещё и композиционный приём, что по контрасту резче обозначаются острые углы и в последующей сцене, и в развязке, тем не менее поддаюсь очарованию этого момента, ибо здесь – подлинная правда образов. Солженицын психологически точно ведёт героев к финалу и к осознанию чудовищности произошедшего, а читателя заставляет волноваться за Тверитинова и сочувствовать ему. Ну, мол, оговорился, ну забыл по рассеянности прежнее название Сталинграда, однако посмотрите, какая у него удивительная улыбка, как он доверчив, как долго не понимает, что ему готовят, и как потрясён, когда вдруг осознаёт, что произошло... Предощущение трагедии волнует читателя. Оно передаётся сначала во внешнем облике героя:

«Дико выглядела голова Тверитинова в широкой кепке вместе с тревожной тенью своей на стене и на потолке. Перехлестнувшийся шарф удавкой охватывал его шею».

И наконец, «отчаянное лицо Лира в гробовом помещении» и крик: «Что вы делаете!.. Ведь этого не исправить!»

В этом выкрике – главная мысль Солженицына, его боль, его гнев, его обращение к читателю. Можно с ним не согласиться в данном конкретном случае, но в принципе он прав: этого не исправить!

Происходящее в душе Зотова подтверждает мысль автора. Василий ведь добрый и честный человек, застенчивый и чистый по натуре. Он завидует фронтовикам и робеет перед ними, так как стыдится своего положения тылового помощника коменданта. Он просится на фронт и с чистой наивностью верит, что его маленькая жизнь значит лишь, «сколько он может помочь общему делу». А пока Зотов стремится сделать как можно больше полезного на своём месте, помогает другим людям, иногда даже делает то, что «вообще-то не положено», как он сам говорит, беспокоится о том, как накормить голодный конвой, проехавший по дороге одиннадцать дней, ничего не получая из еды по аттестату... И Тверитинову он хочет помочь с великой радостью.

Василий даже как-то удивительно чист для сурового времени: отвергает домогательства Антонины Ивановны (его отталкивает «вид этой откормленной воровской сытости»), держит на расстоянии влюблённую в него Валю... Автор с нежностью говорит о том, что «Полину, ребёнка её и мать он полюбил так, как вне беды люди любить не умеют», но «он не смел пальцем коснуться её белой руки... из-за святого горя, которое соединило их».

Кажется, не может такой человек быть столь непреклонным, жестоким, каким он оказывается в финале. Да ведь и колебался-то он как! Как преодолевал свою доброту! Как он стеснялся сказать Тверитинову об аресте! Ведь так и не смог выговорить, лишь смущённо бормотал: «Не беспокойтесь, не беспокойтесь... Надо будет только выяснить один вопросик...»

И потом «во всю жизнь Зотов не мог забыть этого человека». А ведь «всё сделано было, кажется, так, как надо», – уговаривает он себя.

А Солженицын же утверждает: «Так, да не так». И по-своему прав, ибо погиб человек, скорее всего невинный, хотя на вопрос Зотова следователь цинично отвечает: «У нас брака не бывает».

Вроде бы твёрдо вначале не согласился я с Солженицыным, вроде бы... да что там «вроде бы»: нуждается Зотов в защите: не сексот же он! Но сомнения одолевают: возможно, был другой выход? Ведь ради спасения одного невинного можно делать и невозможное! В этом сила рассказа. И закончен он точно: такой человек, как Зотов, никогда не смог бы забыть этого своего поступка. Но отбросим сомнения... Ведь речь в рассказе Солженицына идёт не об одном примере нравственного выбора, не об одном Зотове, а о заражённости шпиономанией всего общества. А сие неверно! И неверно именно в этом конкретном эпизоде... Часовой, стреляющий в того, кто идёт, не отвечая на требования назвать пароль, не виноват в его смерти... Зотову можно сочувствовать, но не осуждать его. Отпусти он Тверитинова, да окажись тот «с фонариком» – не больше ли терзалась бы совестью душа Василия? Есть над чем поразмыслить. Что же касается сексотов, то я убеждён: их было не больше, чем людей, неспособных на доносы. Народ наш чуток, отзывчив и совестлив!

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 12 (27) декабрь 2018

ДЕКАБРЬСКИЕ ВИДЫ ИЗ ОКНА ОВАЛЬНОГО КАБИНЕТА

Высокий господин в неброском костюме – дорогие и модные вещи всегда выглядят именно так, – сняв с благородно вытянутого лица пенсне, подслеповато вглядывался в размытые сумерки декабрьского дня. Зелёный газон за окном мало напоминал зимние дни 1917 года где-нибудь в Москве или Петрограде. Созерцатель поймал себя на мысли, что даже при любовании видами Вашингтона невольно вспомнил о мятежной России. Холодная, занесённая снегом, дикая и неведомая, которая ещё недавно практически не занимала его умственные усилия. Как вдруг к нынешнему

октябрю эта страна нежданно-негаданно вздумала воспротивиться устоявшимся в мировой практике нормам обустройства общественной жизни. Россия – непонятное для его англосаксонского мироощущения пятно на карте мира, – взбрыкнув диким мустангом, понеслась к пропасти, потянув за собой к губительному краю социальных раздоров другие державы.

Господин помянул нечистого: «Дьявол её побери, эту Россию!» Однако Америка избрала его президентом за способность трезво оценивать мировые угрозы, и стоящий у окна решил: «Именно американцы! К лешему весь прочий мир, я отвечаю только за народ, вверивший мне всю полноту власти и с ней ответственность за судьбу нации!» Тихий щелчок дверного замка отвлёк его внимание от зелени лужайки. На пороге кабинета стояло очаровательное существо, жена господина с лошадиным лицом и дурным зрением, миссис Эдит Голт Вильсон:

– Милый, ты вчера вновь лёг отдыхать слишком поздно.

Высокий складный мужчина стремительно шагнул к женщине в атласном платье, чтобы приложиться к её белой, слегка пухлой ручке.

– Вудро, ты совершеннейшим образом не желаешь думать о своём здоровье!

«Дорогая не столько делает мне выговор, сколько взывает к чувствам разума», – подумалось господину, и его асимметричное лицо преобразила счастливая улыбка. Вудро Вильсон, а хозяином кабинета был именно 28-й президент Североамериканских Соединённых Штатов, покорно склонил голову перед заслуженными упрёками:

– Эдит, детка! Ты же знаешь, что моя жизнь состоит из двух равных половинок: служения нации и своей семье. – Вильсон вновь облобызал запястье Эдит.

– Но… – Домохозяйка собралась и дальше читать нравоучительные лекции своему мужу, имеющему степень пи-эйч-ди – доктора философии. – Доктор Грей Грейсон особо настаивал на соблюдении тобой, милый друг, режима труда и отдыха!

Ph. D. Вильсон спрятался от справедливых упрёков супруги за обворожительной улыбкой:

– Любезный доктор абсолютно прав, и поэтому мы с тобой сегодня за обедом вместе решим, как проведём будущий уик-энд.

Надувшиеся губки жены подсказали «негодному мужу», что та всё ещё сердится. Он предложил:

– Если ты будешь паинькой и, сменив гнев на милость, отправишься решать вопросы меню предстоящего обеда, я обещаю взять тебя в середине марта в Лондон.

Эдит, не веря своим ушам, робко, чтобы, не дай бог, не спугнуть столь замечательную мысль, в кои веки пришедшую на ум её Вудро, переспросила:

– Это официальный визит?

– Нет, дорогая! В эти сроки там будет проходить конференция стран «Согласия», и премьер-министр любезно передал тебе приглашение от имени своей супруги, Мэгги Оуэн Ллойд.

Жена вздохнула:

– Вот что значит английский шарм! Не зря же Дэвид, с его импозантной львиной гривой волос и атласными крыльями «оперного» плаща, приобрёл столько друзей в среде писателей, драматургов и актёров. – Женщина подавила рвущийся на волю вздох. – А к нам, милый, за обеденный стол отчего-то предпочитают садиться всё более политики с их занудными разговорами.

Промолчав, президент поцеловал в лоб ворчащую жену и проводил её до дверей.

Стоило Эдит удалиться, как очередной щелчок дверного замка известил его о следующем посетителе. То был худой и бледный личный секретарь-помощник президента. Ph. D. Вильсон оторвал взгляд от бумаг с синим штемпелем Top Secret под кодовым названием Inquiry и привычно перевернул страницы текстом вниз.

– Что у тебя, Джон?

Молодой человек только начинал свою карьеру в команде хозяина Белого дома на Пенсильвания-авеню и ещё не разучился краснеть. Робея, Джон сообщил:

– Господин президент, в приёмной ожидает аудиенции начальник управления военной торговли мистер Бернард Барух!

Ph. D. Вильсон грустно усмехнулся: «Посланец "жирных котов" будет плакаться о военных грузах, скопившихся во Владивостоке». Вернув лицу строгое выражение, он кивнул:

– Пригласите мистера Баруха! – Клерк не успел удалиться, и патрон попросил: – Да, если вас не затруднит, Джон, разыщите, пожалуйста, полковника. Он едет в Париж, на переговоры, а тезисов наших требований я всё ещё не видел.

Джон поспешил обернуться на голос президента:

– Пригласить мистера Хауса к вам в кабинет?

Ph. D. Вильсон кивнул. «Вычитку меморандума по тайному соглашению с Германией придётся отложить на более позднее время. Когда наступит ночь и меня прекратят теребить по всякому поводу и без оного!»

Мультимиллионер Бернард Барух не был похож на карикатурных капиталистов. Ни брюшка под полосатой жилеткой, ни чёрного цилиндра, и даже толстая «вонючая» сигара не торчала у него из-под щёточки усов. Цепкий взгляд, выдающий напористый пробивной характер, и ладно скроенное природой и родителями, выносливое тело спортсмена-любителя – так выглядел мистер Барух. Раскланявшись с президентом, визитёр замер в ожидании реплики главы государства.

– Что вас привело ко мне в этот слякотный день, мистер Барух?

Опуская протокольные фразы, Барух сразу же перешёл к делу:

– Сэр! Деловые круги одобряют решение правительства оказать помощь всем антибольшевистским силам и объявить большевиков «поставленными вне международных законов бандитами». Сэр, мы ждём от вашей администрации решительных действий!

Ph. D. Вильсон удивлённо вскинул брови. Посетитель пояснил:

– В части отправки экспедиционных войск в приморские области России, господин президент, где произошёл коллапс в транспортировке грузов, перебрасываемых нами на Запад.

– Не совсем ясно, мистер Барух, что вы подразумеваете под словами «отправить экспедиционные войска»?

Бизнесмен смутился. Он знал, что президент не настолько наивен и прекрасно понял, о чём идёт речь.

– Господин президент! Сэр, нам известно ваше отношение к силовым решениям стоящих перед страной политических проблем. – Барух помялся. – Но вы должны помнить ваше же высказывание: «Нация может быть настолько права, что ей надо силой убеждать в своей правоте другие нации!»

– Объективно это верно, мистер Барух, но если есть малейшая возможность...

Миллионер не дал главе государства закончить мысль:

– Безусловно, сэр, мы осознаём, что традиционный американский метод решения задач «чужими руками» в данной ситуации не совсем подходит. Доллар не разрешил противоречий, а мы, сэр, по горло накачали новый русский режим баксами! Остаток займа составил 262 миллиона, но во Владивосток, сэр, уже доставлено материалов, вооружения и прочего снаряжения на огромные деньги...

Ph. D. Вильсон задумался. О состоянии дел на Транссибирской магистрали ему отдельно докладывал Джон Фрэнк Стивенс, назначенный премьером Керенским советником министра путей сообщения. Мечтая о союзе «двух крупнейших демократий мира», он отправил в помощь Временному правительству не только инженера Стивенса, но и опытнейшего политика, бывшего госсекретаря Элиу Рута, с генералом Хью Скоттом и адмиралом Джеймсом Гленноном в придачу.

– Конечно, сэр, в военно-политической области следует действовать сдержанно! – Барух, не догадываясь, что Вильсон, задумавшись, перестал его слушать, продолжал горячо отстаивать идею военной экспансии.

Однако кое-что президент всё-таки услышал. «Вот и старина Тедди, даром что полковник кавалерии, при случае постоянно пеняет мне за нежелание милитаризовать страну.

Видишь ли, они в Республиканской партии считают, что нынешний век не эра совести и справедливости, а эпоха перекраивания карты мира, для чего и нужна сильная армия».

– Высадка во Владивостоке, сэр, поможет организовать сборку доставленных морем паровозов и подвижного состава, а контроль над Сучанским угольным бассейном и Тетюхинскими рудными приисками окупит затраты на посылку войск. – Глаза бизнесмена алчно блеснули. – Господин президент, золото, уголь, нефть – да всё, что душе угодно, можно извлечь из сибирских недр.

– Сколько?

– Что «сколько», господин президент?

Ph. D. Вильсон, то ли от усталости, то ли от обречённого осознания, что именно ему историей уготован тяжкий крест принятия таких судьбоносных решений, сняв пенсне, попытался ладонью стереть с лошадиного лица постную мину.

– Ах вы про траты бюджета на экспедицию! – понял Барух. – Двадцать пять миллионов долларов, сэр.

«У этих лоббистов всегда всё учтено. А может, прав Рузвельт, и моя излишняя интеллигентность в политических решениях может не позволить стране занять ключевую позицию в решении глобальных проблем? Моё отрицательное отношение к участию Америки в войне "великих европейских держав" едва не вычеркнуло нас из числа ведущих мировых игроков», – двадцать восьмой президент лукавил сам перед собой, ведь на последних выборах 1916 года он продолжал позиционировать себя перед населением как поборник нейтралитета и убеждённый пацифист и в результате одержал победу. Правда, с минимальным отрывом голосов выборщиков, но выиграл. В том числе из-за лозунга «Он удержит нас от участия в войне!». Дальше был апрель 1917-го и объявление войны Германии. Вильсон поморщился: «Политика весьма грязная штука!» Подведя черту под самобичеванием, доктор философии всецело обратил мысли к речам посетителя:

– Мистер Барух, подготовьте свои предложения, и я их обязательно рассмотрю, а сейчас прошу меня извинить!

Лоббист попятился к выходу, и Вильсон добавил:

– Э-э... мистер... Если вы хотите, чтобы вашу докладную прочитали, потрудитесь изложить мысли на одной странице!

– Так и поступлю, господин президент, – поблагодарил капиталист, и двери Овального кабинета закрылись.

Глава государства нажал кнопку электрического звонка. На зов явился верный Джон. Ph. D. Вильсон с укором посмотрел в синие глаза молодого человека. Клерк смутился, и его бледные щёки тронул румянец.

– Господин президент, мне пришлось телефонировать в исполнительные департаменты, и лишь несколько минут назад в министерстве обороны отыскались следы вашего советника.

– Замечательно, Джон, это по соседству с Белым домом, и значит, дорогой полковник будет с минуты на минуту. А пока, малыш, соедини меня с госсекретарём.

Через минуту на столе президента звякнул массивный телефонный аппарат.

– Слушаю!

В телефонной трубке задрожал голос малыша Джона:

– Господин президент, сэр Роберт Лансинг у аппарата.

– Роберт, это Вудро, добрый день!

– И вам доброго здравия, господин президент! – В трубке раздался треск помех, но связь, как обычно, была отлажена, голос собеседника оставался чёток, казалось, что он сидит в кресле напротив президента. – Чем могу служить, сэр?

– Роб, что нового из-за рубежа докладывают ваши дипломаты?

– Напряжение в России с каждым днём растёт, господин президент. Если генеральный консул в Москве, мистер Саммерс, после переворота слал панические телеграммы: «Требую что-то предпринять!» – то сейчас Мэддин, явно впав в депрессию, умоляет: «Усиленно рекомендую протестовать против нынешнего режима». – Президент молчал, и государственный секретарь продолжил: – Сэр, все словно сговорились, с генералом Саммерсом... Вице-консул Макгован...

Белая раззолочённая дверь кабинета отворилась, и тщедушная фигура помощника скользнула внутрь. Президент, не отнимая телефонной трубки от уха, осведомился:

– Полковник в приёмной?

Джон кивнул. Отдав отрывистый приказ впустить долгожданного визитёра, глава государства вернулся к телефонному собеседнику:

– К сожалению, Роберт, вынужден прервать наш разговор. Сделайте попытку попасть ко мне на доклад. Хорошего дня, мистер Лансинг! – И президент передал помощнику, занёсшему очередную папку с документами, гудящую отбой трубку телефона: – Джон, опусти на рычажки!

Отставляя кресло, Ph. D. Вильсон протянул руку для приветствия своему ближайшему советнику:

– Полковник!

Эдварда Манделла Хауса в Белом доме прозвали «полковником». Внешне мистер Хаус действительно походил на кавалерийского полковника, прожаренного солнцем в прериях Техаса и пропылённого в пустыне Мохаве. Среднего роста, сухопарый и жилистый, с острым взглядом и ястребиным носом на обтянутом загорелой кожей черепе, «полковник» даже в состоянии покоя излучал энергию кавалерийской атаки: гул земли, стонущей под копытами лошадей, рёв сотен охрипших глоток, сип сигнального рожка и хлопки развевающегося на ветру звёздно-полосатого полотнища.

– Эдвард, дружище, пройдём к тем креслам. – Президент указал соратнику на глубокие кожаные кресла возле низкого столика. – Если желаешь, старый лис, можешь курить!

Но советник и не подумал воспользоваться такой привилегией, помня, что друг Вудро не переносит табачного дыма. Помолчав, Вильсон поинтересовался:

– Чем ты был занят с утра, Эдвард?

Эдвард М. Хаус, удобно откинувшись на подушки кресла, вытягивая худые ноги в остроносых «ковбойских» сапогах, улыбнулся другу:

– Как ты себя чувствуешь сегодня, Вудро? – Президент изобразил некую гримасу, которая могла означать что угодно, и Хаус оставил эту тему. – Заезжал к моим мальчикам в военное министерство, хотел глянуть краем глаза, что они там натворили во главе с Бейкером-младшим.

Вспомнив про секретную работу группы военных Inquiry под руководством министра обороны Ньютона Дила Бейкера-младшего, Вильсон поискал под столешницей кнопку вызова помощника:

– Джон.

Тот возник перед боссом и услышал:

– Подай со стола коричневый конверт... Спасибо, можешь идти и попроси Милли, пускай заварит нам с полковником крепкий чай!

Отпустив помощника, президент извлёк из конверта секретный документ.

– Знаешь, Эдвард, мне не очень понравился сей опус. – И, не позволив Хаусу спросить, чем именно, Вильсон пояснил сам: – Меня, полковник, угнетает одно обстоятельство.

Услышав такое от президента могущественной державы, советник, подобрав вытянутые ноги, напрягся. Вудро продолжал:

– С кем бы и на какую тему мне ни приходилось в последние пару месяцев беседовать, разговор обязательно начинал вращаться вокруг положения в России.

Хаус, ожидая чего-то подобного, внимательно слушал и смотрел на своего облечённого властью друга:

– Могу представить...

– Меня, верный соратник, доводит до кровавого пота вопрос о том, что делать в России, что было бы справедливо и что – возможно. Это дело, как ртуть, ускользает из-под моих пальцев.

– Вудро, нынче неподходящее время, чтобы, сомневаясь в успехе, недооценивать свои... – Хаус показал пальцем на дистанцию между собой и президентом, – наши возможности.

Ph. D. Вильсон устало усмехнулся:

– Извини, старина, что же я намечал обсудить... – Ph. D. Вильсон ничего никогда

не забывал, но потрафить доверенному советнику было делом принципа.

«Полковник» оживился:

– Могу только догадываться, сэр, возможно, что-то связанное с группой министра обороны?

Президент с благодарностью улыбнулся:

– Эдвард, ты, как всегда, кладёшь пули точно в цель! – От этих слов жёсткий ледок в змеином взгляде Хауса стал помягче, дал «слезу». – О меморандуме Inquiry, Эдвард! Вероятно, он предлагает радикальные средства от такого рода потоотделения?

Хаус позволил себе не только рассмеяться, но и поаплодировать «сочному» обороту речи доктора философии:

– Мне попалось на глаза одна статейка в номере The Wall Street Journal, где писака от души лизнул тебе руку: «Его высказывания звучат, словно отлитые из бронзы колокола», конец цитаты! – Под укоряющим взглядом Ph. D. Вильсона льстец стушевался. – Вернёмся к идеям Inquiry! Пойми меня правильно, Вудро, доверить такой важный для будущего нации документ ребятишкам Ньютона, которые не могли создать даже общенациональную систему призыва на военную службу, я не мог!

Президент, поощряя речи Хауса, одобрительно покачивал головой. Тот рассказывал дальше:

– Пришлось подключить к работе своих яйцеголовых, из тех, что разбираются во внешних проблемах.

– Напомни, что за ребята в команде?

– Группа «Исследование» мальша Томаса.

– Мальчишки Ламота, партнёра фирмы Моргана? – Ph. D. Вильсон нахмурился, видимо, посчитав такое решение однобоким.

Хаус, обезоруживая президента, поднял руки вверх:

– Само собой разумеется, Вудро, Томас У. Ламот не единственный свет в нашем окне. К работе по данной тематике уже подключился доверенный помощник госсекретаря Ричард Крейн и эксперт по русским делам Базил Майлз.

– Разумеется, эти ребятишки играют под твоим присмотром?

Хаус плотоядно облизнул тонкие губы:

– А как же, я за ними присматриваю, и они у меня ходят на коротком поводке.

– Ну-ну!

– Я даже беру Тома с собой в Париж... он там между делом должен повстречаться с Уильямом Томпсоном, сворачивающим свою деятельность в Петрограде, и, знаешь, думаю послать эту парочку с тобой в Лондон, вызнать, как лорды реагируют на большевистскую угрозу.

Президент был доволен услышанным: парни из его администрации не сидели сложа руки.

– Полковник, я правильно понял из этих бумаг, что в наших долгосрочных планах значится нацеливание интересов Германии на продвижение на Восток?

– Создадим России постоянную головную боль!

Ph. D. Вильсон продолжал уточнять позицию своего ближайшего окружения по злободневной проблеме:

– Такое решение задачи, по вашему мнению, обеспечивает контроль над Россией?

Советник, прикрыв глаза от удовольствия, кивнул, и президент продолжил:

– В этих целях мы гарантируем Германии в послевоенном мире необходимую дипломатическую и военную помощь, а также финансовые вливания, сырьё и рынки сбыта?

– Вудро, кто, если не ты, лучше всех осознаёт, что остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в нашей действительности, – Эдвард развёл руки на всю дозволенную ему природой ширину, демонстрируя для наглядности этот нонсенс, огромную величину третьеразрядной страны, – будут четыре России? – Теперь перед лицом президента САСШ замаячили длинные пальцы «полковника», обозначавшие вышеназванное число. – Одна – Сибирь, а остальные – поделённая европейская часть страны.

Президент кивнул вошедшей с подносом официантке, указав, чтобы она поставила его на стол. Беря свой стакан с тёмным парящим напитком, он, подцепив вилкой жёлтенькую дольку лимона, погрузил её в кипяток.

– Как проходят твои консультации с фон Бернсторфом?

Хаус потянулся за чаем.

– Иоганн вот-вот вернётся в Берлин из ссылки в Константинополе. Мы прилагаем все усилия...

– Влияния дома Морганов?

– Вудро, ты же знаешь, у графа и без того хватает друзей в Америке, и они считают, его вклад в разработку будущего мирного договора принесёт стране многие блага.

Президент, указывая на советника пальцем, заявил:

– Вот и помогите ему с этим делом. Не забудьте только, что Германия должна оставить оккупированные земли! Это, если мне не изменяет память: Польша, Финляндия, Прибалтика и Украина?

Хаус согласился с полнотой перечня:

– У вас, мой друг, великолепная память! Взамен утерянных завоеваний вы, господин президент, на мирной конференции предложите присоединить к побеждённой Германии Австрию, Судетскую область и район Ратибора в Силезии. Согласно Inquiry, – «полковник» кивнул на документы, на которых стояло блюдце президента, – вы будете рекомендовать союзникам проявить умеренность в своих претензиях к Германии, разрешив ей иметь армию и закупать вооружение.

Ph. D. Вильсон, поставив пустой стакан на блюдце, поднял пару и извлёк из-под неё желтоватые бумаги.

– Непременно! – На его лице отразилась вселенская скорбь. – Знаешь, что мы не учитываем, отвлекаясь на ноющую занозу в виде России?

Хаус насторожился. Ph. D. Вильсон с лёгкостью распознавал подводные камни, сокрытые под треском дипломатических фраз. Президент вздохнул:

– Как бы мы с тобой не оставили нашему последователю головную боль похлеще, чем большевизм! Только её придётся решать уже кровью американских парней. А

Виктор УСОВ

Вадим КУЛИНЧЕНКО

Капитан 1-го ранга, 1936 года рождения, лауреат патриотических конкурсов журналистов, ветеран-подводник, участник боевых действий.

АВТОНОМКА

Автономное плавание, или автономность, корабля – понятие чисто научное, и эти термины определяются как продолжительность непрерывного плавания корабля без пополнения запасов.... Всё сводится к продовольственным и техническим запасам, а о человеке ни слова, хотя он должен быть главным элементом этой автономности.

Немудрено, что человеческий материал, когда о нём забывают, начинает думать за себя сам, и неудивительно, что в начале 60-х годов на флоте вовсю зазвучало слово «автономка», насыщенное совершенно другими смыслами, чем его собратья из энциклопедических словарей. Автономка вобрала в себя задачи боевой службы («БС»), а это как для надводников, так и для подводников сопряжено с большими трудностями. И всё-таки люди в таких походах со стороны системы рассматривались как второстепенный материал.

Были попытки журналистов, писателей, таких, например, как Виктор Устьянцев с его романом «Автономное плавание», обратиться лицом к людям, выходящим в эти плавания: «Человеку, привыкшему жить на берегу, не дано испытать тех ощущений, которые охватывают подводника, когда после долгих дней плавания он вновь видит солнце и небо, весь окружающий мир, даже если мир этот предстанет...» Но... опять всё сводилось к героическому пафосу, и нормальная человеческая жизнь снова оставалась за бортом, а мы были все герои и победители.

Я имею не одну автономку за плечами. В них бывало всякое: и неудачи, и достижения, и разборки, и всё, что бывает на берегу, и то, что ни в какие отчёты никогда не входит. Но меня всегда поражало одно – что после таких плаваний, особенно в консервных банках субмарин, люди становились очень близкими друг другу. В этих бесконечно однообразных днях открывались души и рассказывались истории, которые в других обстоятельствах никогда не услышишь. Некоторые звучали просто как анекдоты. Об одной такой истории я хочу ниже рассказать.

Подводники тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. И даже тяжёлая служба не может отнять у них индивидуальных черт характера. Пусть меня извинит читатель, что не буду называть ни имён, ни фамилий. Я с глубоким уважением отношусь к собратьям по профессии, к их боевым подругам и только хочу подчеркнуть тяжесть не только их физического бытия, но и морального. Эта тема всегда была запретна в нашем чудном государстве…

Когда после 60–70 дней напряжённого похода, обычно ночью, лодка подходит к родному причалу, у всех «женатиков» сердца не выдерживают, и они любыми способами пытаются известить родных о своём благополучном прибытии. Эмоции бывают самые разные – «Распрекрасная ты моя, гони всех, невзирая на поздний час, я спешу к тебе в карете номер 11!» или «Не волнуйся, часа через два буду дома»… Но служба есть служба, и на атомной лодке, даже после того как она хорошо ошвартовалась у пирса, работы – ой сколько! И больше всего её у механической боевой части.

Когда вспоминаю историю, которую хочу рассказать вам, мне всегда представляется кинокомедия «Ирония судьбы, или С лёгким паром!», которая была снята в 1976 году. А то, что произошло в нашем городке-гарнизоне после возвращения одной из подлодок с автономки, было гораздо раньше. И мне кажется, что кто-то из подводников рассказал эту историю режиссёру, и он, усовершенствовав её, поставил фильм, который стал новогодним шедевром на все времена.

Атомоход во втором часу ноябрьской ночи плотно привязался к родному берегу. За плечами остались нелёгкие 80 суток похода. Все до чёртиков соскучились по дому – у кого он был и кто думал его обрести. А это значит, все. Старпом вызвал «автобус», так называлась крытая машина: до городка было добрых 6–7 километров, и зимой так быстро до него ночью не добраться. Но «дед» распоряжался своими офицерами сам, и поэтому большинство было оставлено на расхолаживание реактора.

Были в механической части два старших лейтенанта, один киповец, другой управленец, есть такие профессии на атомоходах. Оба были женаты, оба получили квартиры под номером 17 – это значит однокомнатные на 5-м этаже, в одинаковых, как близнецы, домах. Лейтенанты в то время получали, если везло, только однокомнатные и только на 1-м или 5-м этажах. Дома клепали в городках по одному проекту, и стояли они в ряд среди сопок, как близняшки. Их путали часто даже днём – улиц не было, а номера часто забывали нарисовать, и жильцы держали их только в голове… И ещё была одна особенность – на лодке этих лейтенантов звали свояками, а что это значит – объяснять не надо. Жёны их были родными сёстрами, да к тому же и близнецами, как и всё в нашей истории. Чтобы не путаться во всём похожем, назовём их просто Даша и Маша, а наших свояков Петя и Ваня.

Обычно, когда лодки уходили в автономки, жёны офицеров имели правило уезжать на Большую землю. Там у них были разные задачи, в отличие от одной у их мужей. Но что удивляет – как бы ни были засекречены все даты, касающиеся автономного плавания, или иначе «БС», жёны их знают с поразительной точностью, и, как перелётные птицы, все собираются точно к назначенному времени – одни несколько раньше, другие точно в день прихода субмарины. Все эти подробности станут ясны несколько позже.

В те годы многие военнослужащие и члены их семей предпочитали для связи с Большой землёй авиатранспорт. Летали Ил-14, которые сегодня мало кто помнит, но по надёжности они превосходили все современные типы самолётов вместе взятые. Да к тому же это были универсальные труженики, в арктических

условиях незаменимые. И конечно, 4 часа полёта до Ленинграда (Питера) считались мгновением по сравнению с 48 часами скорого номер 49 (Мурманск – Ленинград). Вот только с аэродрома до нашего гарнизона было добираться очень неудобно, и обычно пассажиры домой попадали ночью, но в ноябре это понятие было уже относительным – ночь была полярной. Ходила даже такая загадка «армянского радио»: «Можно ли за одну ночь полюбить сто раз жену? – Можно! Если эта ночь полярная!»

Даша прилетела в день прихода субмарины и попала в городок к позднему вечеру. Добиралась на попутной. Поэтому сошла несколько раньше главной автобусной остановки, служившей основным ориентиром в распознавании своих домов. Вещей было немного, и она, шустро взбежав на 5-й этаж, без труда попала в квартиру 17. За два месяца можно многое забыть, и она особенно не обратила внимания на мелькнувшую было мысль: «Что-то вроде не так». Надо отметить, что и внутреннее убранство квартир с казённой мебелью, получаемой в КЭЧ (квартирно-эксплуатационная часть) напрокат, – была на Севере тогда такая льгота – делали их до удручения однообразными. Холодильники были огромной роскошью, и все пользовались естественными: под окном ниша на кухне, за окном – мясо в авоське.

Даша, помывшись сама и приготовив для Пети «Титан» (был такой агрегат – производитель горячей воды для ванны, топился деревянными чурками), решила немного отдохнуть, уверенная, что Петя не пройдёт мимо дома. Но, по иронии судьбы, Петю задержал механик, а вовремя, то есть вместе со всеми, отпустил Ваню. Доехав до посёлка на «автобусе» к Дому офицеров, все, как воробьи, прыснули к своим домам-близнецам. Вот тут Ваня точно попал в свою квартиру 17. Предвкушая блаженство близости с Машей, дело молодое, не стал насиловать домашний «Титан» – предварительно отпарился в лодочном душе – и нырнул прямо в кровать. Разбираться было некогда. А когда сели за стол…

Здесь их и застала Маша, нагруженная вещами и еле добравшаяся от Мурманска, куда она ехала из Питера поездом. Пришлось ей рассказать всю правду. Нет, сцен не было, всё было решено мудро, и Маша направилась в квартиру 17 другого дома, чтобы объяснить Пете создавшуюся ситуацию. Она застала квартиру пустой, потому что Петя ещё расхолаживал реактор, как бы вбирая в себя его энергию. После смены решил в шестом часу утра на своих двоих добираться домой. Когда он добрался, то дома его ждал горячий «Титан» и отлично сервированный стол. Он радостно бросился к «Даше» и начал её с таким пылом обнимать-целовать, что она не решилась сказать, что она не Даша, а Маша. Он удивился, что до сих пор не разобрана кровать, и, не слушая её объяснений, дал ей время только на это: «Пока я ополоснусь, чтобы всё было готово!»

И за эти пять минут она решила: «А почему, если получилось у Даши с Ваней, не может получиться у нас с Петей? Потом ему объясню».

Потом был семейный совет, вернее совет двух семей. Всё решили полюбовно. Даша и Маша были очень похожи, и в городке их часто путали, а та ночь показала – в том сочетании, которое подложила им судьба, они подходят друг другу лучше, чем до этого. Решили не поднимать шума, а жить как ни в чём не бывало. Маша с Петей, а Даша с Ваней. Благо у них не было ещё детей, и они только начинали жизнь…

Эту историю я услышал от Вани в одной из автономок, когда он был уже капитаном 3-го ранга и выступал в должности командира первого дивизиона механической боевой части, в заведовании которого находилось всё реакторное хозяйство. Я дал ему слово, что этот разговор останется между нами. Жизнь свояков и их жён-близнецов сложилась удачно, и разбивать её случайным словом, тем более что человек доверился от тоски по далёкому дому, негоже. Но теперь, по прошествии сорока пяти с лишним лет, думаю, что зла своим рассказом никому не причиню.

И всегда, когда смотрю фильм «С лёгким паром…», вспоминаю эту историю и думаю, что всё искусство зиждется на нашей жизни и придумать что-то просто так невозможно. Даже невероятная фантазия потом находит свой аналог в жизни.

В историческом романе-дилогии «Муравьёв» Льва Ильина рассказывается о драматической судьбе дворянской семьи Муравьёвых, прошедшей через суровые испытания двух мировых войн и трагическое гражданское противостояние в России. Писатель охватывает семидесятилетний период в жизни страны, тесно увязывая важные исторические вехи с личными судьбами.

В образе главного героя, офицера-дворянина Андрея Николаевича Муравьёва, показаны лучшие черты русского офицерского корпуса, особенно проявившиеся накануне трагического 1917 года, расколовшего страну. Преданность своему Отечеству, храбрость и военное искусство, бескорыстная и трагическая любовь к дорогим людям, милосердие, роковые жизненные ошибки – всё это сопровождает необычный и сложный жизненный путь скромного офицера. Книга написана на основе действительных исторических событий и реальной жизни главных персонажей произведения.

В октябре 2016 года в Тамбовской областной библиотеке состоялась презентация книги, где она получила лестные отзывы читателей и литературной общественности. Книга размещена в свободном электронном доступе в Российской государственной библиотеке (Москва), написана просто и увлекательно.

Вниманию читателей предлагаются два отрывка из произведения.

МУРАВЬЁВ

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ПЕРВОЙ «УПАВШЕЕ СОСЛОВИЕ»

Лев ИЛЬИН

В первой половине марта 1918 года армия генерала Лавра Корнилова всё бродила по огненному кольцу, опрокидывая большевистские отряды и заслоны, занимая хутора и станицы. Кубанская область в своём большинстве находилась во власти Советов, и местное население настороженно встречало добровольцев. Люди их принимали, давали военным кров и ночлег, но желали, чтобы белая армия уходила от них и больше не беспокоила, потому что на следующий день к ним являлся красноармейский отряд и начинал строгое выяснение всех обстоя-

тельств: «Почему давали приют белогвардейцам? Кто им сочувствовал? Наказать виновных!»

Логика гражданской войны проста и незатейлива: «Кто не с нами, тот против нас!»

Мирное население не знало, как себя вести сегодня, завтра или послезавтра. Красные и белые их наказывали, отбирали имущество, продовольствие, фураж для лошадей. Отнимая результаты крестьянского труда, они считали, что действуют для народного блага. Одни – во имя пролетарской революции, другие – во имя свободной России и призрачного и никому не понятного Учредительного собрания.

14 марта 1918 года в черкесском ауле Шенджий армия наконец-то встретилась с отрядом кубанских казаков под командованием полковника Покровского, самостоятельно сражавшимся с красными частями. Казаки вошли в состав Добровольческой армии. Впоследствии боевой отряд будет преобразован в Кубанскую казачью дивизию генерала Покровского и будет участвовать во многих сражениях Гражданской войны на юге России.

15 марта 1918 года, ночью и утром, шёл сильный проливной дождь. Армия и повозки тащились по непролазной грязи. К полудню густыми хлопьями повалил обильный снегопад, ударил мороз. Одежда и обувь постепенно превращались в застывший лёд. Негде было обогреться и просушиться, но армия медленно двигалась, согреваясь только своим постоянным движением и высоким боевым духом. Примерно в трёх верстах от станицы Новодмитриевской завязалась перестрелка: на другом берегу реки находились крупные силы красных. Мост снесло бурным речным течением, и разведчики долго искали нужное место для брода.

Старый царский генерал Михаил Алексеев бродил в одиночестве по берегу, пытаясь помочь добровольцам найти спасительную переправу. В облике главного царского генерала было что-то мистическое и сумрачное. Шинель и шапка его были покрыты толстым слоем снега. С крючковатой палкой в руке Алексеев ковылял по берегу, переступая с кочки на кочку, не обращая внимания на сильный артиллерийский обстрел.

Наконец-то долгожданный брод был найден, и началась сама переправа, но красная артиллерия открыла ураганный огонь. Взрывы поднимали фонтаны воды и льда, осколки убивали и калечили людей и лошадей, которые опрокидывались в ледяную воду, но переправа упорно продолжалась. Офицерский полк генерала Маркова достиг другого берега первым, ожидая остальные части, а конница Покровского не выступила совместно с армией, как оказалось позднее, ввиду случившейся непогоды. Пошла снежная пурга. В степи ничего не стало видно. Офицеры стали замерзать на открытом месте, и генерал Марков дал команду атаковать станицу одним своим полком, не дожидаясь подхода остальных сил. Своим подчинённым командир сказал следующее:

– Ну вот что! Ждать некого и незачем. Атаковать, сейчас же! Иначе все тут ляжем в поле!..

Полк в снежной пурге стремительно бросился в общую атаку и, ворвавшись в станицу, всю ночь, до самого утра, вёл в ней кровопролитный бой. Невозможно было разобрать, где находятся свои, а где чужие. Казачья станица была занята утром, и в неё переехал штаб Корнилова. Обессиленные добровольцы в ледяной одежде повалились в хатах на отдых, а раненые в лазарете весь день лежали в ледяной воде, припорошённые снегом, и умирали непрерывно. По команде Корнилова их завезли в станицу и стали распределять по домам жителей.

Муравьёв и Соболев разместились в одной из крайних станичных хат. В помещение набилось много офицеров, и в нём невозможно было дышать от влажного смрада шерстяных шинелей, сапог и испарений человеческих тел. Оставив за собой на полу место рядом с Соболевым, Андрей сразу побежал в лазарет проведать Ксению.

Муравьёв нашёл её лежащей в повозке и совсем обессилевшей. Её одежда намокла и застыла колом на морозном ветру, а губы не шевелились. Увидев мужа, она попыталась

подняться и улыбнуться ему, но получилось только жалкое подобие улыбки. Он доложил начальнику лазарета, что забирает жену, закинул винтовку за плечи, взял Ксению на руки и понёс в ближайшую хату, где сильным ударом ноги открыл дверь.

Вся маленькая хата была забита добровольцами, вповалку лежавшими на полу, у стен и в прочих возможных местах. Не обращая ни на кого внимания, Андрей бережно нёс Ксению в комнату хозяина, перешагивая через лежащие везде тела. Хозяйка хаты, пожилая, плотно сбитая казачка, сурово бросила на офицера свой взгляд из-под густых тёмных бровей, но увидев, что худенькая маленькая девушка – сестра милосердия, и узнав, что она его жена, смягчилась и разрешила внести Ксению в хозяйскую комнату.

– Пожалуйста! Прошу вас, примите только отдохнуть и просушиться! – вежливо попросил он казачку, расстёгивая на жене ледяной полушубок, и положил лёгкое, почти воздушное тело Ксении на стоявший у двери старый диван. В комнате было тепло, топилась печь, мерно стучали настенные часы, и две взрослые дочери, сидевшие у стола за поздним ужином, испуганно наблюдали за вошедшим белогвардейским офицером.

Андрей достал из-за пазухи деньги и, отсчитав несколько крупных «николаевских» купюр, положил на стол, попросив хозяйку взять их за её доброту. Увидев «хорошие» деньги, казачка быстрым движением руки смахнула купюры со стола, передала старшей дочери, и все втроём, не мешкая, принялись за дело. Освободили девушку от мокрой одежды и стали энергично растирать окоченевшее от холода тело.

Ксения на их глазах стала согреваться, и блаженная улыбка сразу появилась на её усталом, измученном лице. Муравьёв на мгновение отвлёк хозяйку и на ухо шепнул ей о том самом сокровенном, что они ожидают с женой. Та всплеснула руками и молвила:

– Боже праведный! Куда же в её положении? И в такой-то поход! Совсем молоденькая девочка! Что же это такое?.. – крестилась она и ещё быстрее стала суетиться возле Ксении, надевать сухую хозяйскую одежду, а снятую мокрую развешивать у печи. Тут же появилось горячее молоко и, о чудо... пшеничные пышные оладьи, которые дочери уже доставали из печи. Они источали давно забытый всеми аромат печёного домашнего теста. Всё это подавалось дочками хозяйки для Ксении, и она очень слабо начинала есть. Почти согревшись, она благодарно улыбалась Андрею, хозяйке и её дочерям и наконец-то крепко уснула на широкой кровати, где ей быстро собрали постель заботливые девушки. Блаженная улыбка светилась на её милом очаровательном лице.

– Иди, милый, не волнуйся! Мы хорошо посмотрим. Ты в какой хате теперь? – спрашивала его энергичная казачка, которой понравились интеллигентная вежливость и щедрость Муравьёва.

– В четвёртой от края, напротив высоких тополей!

– Ну хорошо, иди! Мы всё высушим и обогреем! – выпроваживала женщина теперь офицера из дома.

Андрей покинул их, а когда пришёл в свою хату, то Соболев уже спал мёртвым сном, прикрывая руками его никем не занятое место. Он снял мокрую одежду и сапоги, повесил всё сушиться у печи и лёг на пол рядом, убрав в сторону руки друга, занявшего для него место. Муравьёв сразу уснул глубоким и болезненным сном.

Андрей спал недолго и проснулся от душившего его резкого кашля. Старая фронтовая рана простреленного лёгкого опять начинала ныть тупой и мучительной болью. Сильное переохлаждение, высокое напряжение физических и моральных сил надрывали его раненое лёгкое. Он сел на полу и попытался немного откашляться, но это не получалось. В правой стороне груди появилась теперь уже острая пронизывающая боль, невозможно стало дышать. Муравьёв медленно встал и накинул на плечи ещё не высохший офицерский полушубок, а затем вышел из хаты в глубокие тёмные сени.

После смрада и духоты хаты хрустально чистый воздух вскружил и опьянил голову, стало свежо и легко, и офицер осторожно

присел на какой-то непонятный квадратный предмет, стоявший в коридоре, которым оказался старый деревянный ящик. Так он сидел вначале несколько минут, затем полчаса, и знакомый ледяной холод стал вновь пробирать и крепко захватывать в свои объятия его измученное тело.

«Однако необходимо хотя бы немного поспать», – подумал он и опять вошёл в хату. Устало лёг на старое место и снова провалился в тяжёлый и нездоровый сон.

17 марта 1918 года в занятую станицу на главное совещание по вопросу соединения армий приехали представители бывшей Кубанской Рады. Штаб генерала Корнилова и представители кубанской власти и правительства вели спор о подчинённости и едином руководстве армией. В конце совещания и долгих нудных споров Корнилов резко вспылил и, стукнув по столу пальцем с перстнем, ярко блеснувшим гранями крупного рубинового камня, что всегда случалось, когда генерал выражал твёрдую волю, громко сказал:

– Единое руководство и единая армия!.. А вы не смеете уклоняться от работы на армию!..

Все подчинились его властной силе и оформили соответствующий протокол совещания. Общая численность армии возросла до шести тысяч человек, но главное – появилась активная боевая конница в лице бригады генерала Эрдели и полковника Покровского.

Совещанием был выработан план предстоящего взятия Екатеринодара. Для этого Корнилов планировал разбить красные отряды южнее города, обеспечить возможность переправы армии и, увеличив запас боеприпасов за счёт большевистских складов, внезапным ударом занять станицу Елисаветинскую, находившуюся в восемнадцати верстах от Екатеринодара, где имелась паромная переправа. Затем переправиться через реку Кубань и стремительно атаковать город.

К 25 марта 1918 года в ходе ожесточённых боёв все ближайшие станицы были взяты, добровольцы подошли к переправе. В течение трёх суток на другой берег были переправлены около девяти тысяч человек из состава армии и обоза, до четырёх тысяч лошадей и до шестисот повозок, орудий, зарядных ящиков. В армии и обозе царило бодрое настроение, все жили надеждой на взятие главного города, ибо в этом видели конец своим мучениям и решающий перелом в противостоянии с большевиками.

Ксения оправилась от прошедшей сильной простуды и, занимаясь в лазарете привычным медицинским делом, внимательно прислушивалась к сведениям об участии офицеров полка Маркова, где были её муж и его фронтовой друг Соболев, в начинающемся сражении за Екатеринодар.

Муравьёв чувствовал себя плохо по причине обострившегося старого ранения лёгкого, ничего не говорил об этом жене и только ценой огромных усилий настраивал себя на предстоящее жестокое сражение за город, после взятия которого все они надеялись на долгожданный и пленительный отдых.

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ ВТОРОЙ «ДОРОГА ЧЕСТИ»

Почти в тот же ноябрьский день 1945 года Муравьёв был помещён в тесную одиночную камеру городской тюрьмы, а затем доставлен к следователю НКВД по Ростовской области и сразу допрошен по делу.

Андрей Николаевич догадывался о причине его ареста органами НКВД и понимал, что основанием для этого могло быть прежнее участие в Гражданской войне 1918 года на стороне Добровольческой армии генералов Лавра Корнилова и Антона Деникина. Совершенно неясным для него было лишь одно обстоятельство: как об этом стало известно соответствующим органам, и он терялся в самых разных догадках по этому поводу.

Он сразу отверг мысль о том, что причиной могли стать сведения, полученные от его старого друга генерала Александра Федина

или молодого фронтового друга полковника Станислава Королькова, с которыми после войны Муравьёв не вёл переписки и не знал места их службы. Он был совершенно уверен, что они никогда не смогли бы проговориться о нём, а уж тем более донести на него. Таким мужчинам, как они, это было совершенно не свойственно, и он доверял им обоим как самому себе. Оставалось что-то другое, о чём он не знал и не догадывался.

В следственном кабинете его встретил молодой следователь НКВД, который курил папиросу и, как ему показалось вначале, слегка насмешливо посматривал на него. Но это было только первым его впечатлением. На узких плечах офицера были погоны капитана, а измождённое лицо было жёлтым и болезненным. При первом взгляде на него могло показаться, что он тяжело болеет либо вечно страдает от холода и голода, – таким нетипичным было его худое, слабое и угловатое телосложение, лишённое необходимой мужской статности.

– Проходите, Андрей Николаевич! Присаживайтесь, пожалуйста, вот сюда! Я следователь Буров Семён Оскарович, назначен вести ваше дело, – вежливым и тонким, почти детским голосом пригласил он арестованного к допросу, лёгким жестом руки указывая на прибитый к полу деревянный табурет.

– Курите? Прошу вас, не стесняйтесь. – И с этими словами Семён Оскарович быстрым движением гибкой ладони придвинул в его сторону, на край стола, пачку папирос, однако при этом выразительно посмотрел на него внимательным и испытывающим взглядом.

– Благодарю! Курил когда-то давно, а теперь мне табак уже совсем не товарищ, – настороженно ответил ему в свою очередь Муравьёв, также пристально наблюдая за следователем.

– Ну и хорошо! Это очень хорошо, Андрей Николаевич. Ну а теперь расскажите мне, пожалуйста, всё о своём участии в контрреволюционной деятельности и начните с белогвардейского похода на Екатеринодар в марте 1918 года. И пожалуйста, Андрей Николаевич, подробнее! Торопиться нам некуда, вы ведь хорошо понимаете, насколько это важно для вас? – задал он сразу же свой первый и главный вопрос.

Муравьёв при этом почему-то вспомнил о своём однокашнике князе Василии Разумовском, но затем эта мысль из его сознания исчезла, и он очень выдержанно ответил следователю:

– Извольте! Расскажу всё, что случилось со мной в то трагическое время Гражданской войны в России.

Он подробно начал рассказывать следователю обо всём, как бы освобождаясь от тех тяжких пут далёкого прошлого, что вытягивали в напряжённую струну все его нервы, не давая спокойно дышать и видеть в полной радости окружающий мир. Он ничего не утаивал в своих показаниях и рассказывал всё предельно откровенно, но только о себе одном. Его рассказ не касался участия в том походе жены Ксении, жизни и судьбы его матери и сестры. Ничего не говорил он и о своей жизни за границей и созданной там новой семье с французской женщиной.

Капитан Буров подробно и медленно писал протокол. Скрипучее перо его ручки волнистыми зигзагами двигалось по шершавой плотной серой бумаге бланка следственного документа, закрепляя его правдивые и очень откровенные показания.

Прошло больше трёх часов допроса, он близился уже к своему завершению, когда следователь Буров задал Муравьёву наконец-то свой последний вопрос:

– Мне многое понятно из вашего рассказа, но объясните, почему вы сразу же не рассказали всего этого в особом отделе дивизии, когда в декабре 1941 года добровольно сдались в плен её красноармейцам?

Андрей Николаевич задумчиво нахмурил лоб, и глубокие складки морщин извилистыми, причудливыми линиями всплыли на его мужественном и приятном лице.

– Потому что расскажи я тогда всё это, не пришлось бы мне сегодня сидеть на этом допросе и отвечать на ваши вопросы. Вы же знаете, как относились к таким лицам в первые месяцы и годы войны! Почти всегда

следовали передача дела в военный трибунал, а затем расстрел или дальний лагерь, а мне необходимо было свои долги родине срочно отдать и за неё, истерзанную и поруганную, сразу же вступиться! Теперь я удовлетворён, что не зря из дальней страны в Россию возвращался. В нашей общей победе над врагом есть и моя маленькая доля участия, и моего родного сына, погибшего в небе Германии!

Здесь он запнулся, комок застрял в горле, а в глазах появились чуть заметные скупые слёзы, и он замолчал. Следователь Буров, тактично сделав необходимую паузу, задумчиво сказал ему:

– Обо всём этом я хорошо знаю, Андрей Николаевич! О том, что вы, не уронив своей чести, геройски воевали с немцами на нескольких фронтах и награждены многими орденами и медалями. Дослужились за годы войны до звания советского подполковника, командовали пехотным полком, и немцам от вас здорово досталось на фронте. Были тяжело ранены под Курском, долго лечились в госпиталях. Что погибший ваш сын, военный лётчик Уваров Андрей Андреевич, стал настоящим героем!.. Всё это я знаю! Но искренность и честность! Как быть с ними? Скажите, пожалуйста, не для протокола.

Следователь Буров отложил в сторону ручку, не намереваясь теперь записывать возможный ответ подследственного.

Андрей Николаевич посмотрел ему прямо в глаза и, заметив в них какие-то явные искорки сострадания и участия к нему, решительно сказал:

– Это тот случай, когда промолчать – лучшее благо, чем сказать об этом!

Семён Оскарович ничего не ответил на это Муравьёву, лишь с каким-то сожалением и заметной тревогой посмотрел на своего подследственного.

Допрос был закончен. Следователь стал собирать в свой портфель следственные документы, когда Муравьёв, напряжённо размышляя, решился на отчаянный поступок.

– Семён Оскарович! – взволнованно обратился он.

– Слушаю вас, Андрей Николаевич! – ответил тот.

Собрав все свои нервы в тугой комок, стараясь быть предельно спокойным и собранным, Муравьёв сказал:

– Ксения Васильевна тяжело душевно больна после гибели на фронте нашего сына. После моего ареста из-за вынужденного одиночества она сразу погибнет. Вы же сами понимаете, чем грозит подобная тяжкая болезнь. Сотрудники госпиталя, где она работает, готовы помочь ей, но нужно дать им понять, что в этом случае они не пострадают за подобную помощь члену семьи белогвардейца. Хочу, чтобы моя жена осталась жива, пусть хотя бы и в психиатрической больнице у себя в городе, но не в тюрьме или дальнем лагере...

Глаза его опять стали влажными. Он замолчал и с робкой надеждой ожидал ответа следователя.

Оба они хорошо понимали, что находящуюся на психиатрическом лечении женщину не станут привлекать к уголовной ответственности как родственницу осуждённого по политической статье.

Следователь Буров ничего не отвечал, будто хорошо обдумывая всё это. Снял с вешалки шинель и фуражку, стал медленно одеваться, затем взял в руку свой портфель и нажал кнопку вызова конвоира.

За те несколько секунд, пока конвоир шёл к ним и они находились в коридоре одни, он успел тихо шепнуть Муравьёву несколько очень важных слов:

– Князь Разумовский определил вас сюда ради своего благополучия, но он его не получил. Вас вскоре отправят в Москву, на Лубянку, следствие продолжит контрразведка СМЕРШ, а вашей жене я постараюсь помочь, чем смогу... Извините, но больше с вами мы никогда не увидимся...

Подошёл тюремный конвоир, и они расстались навсегда.

АЛЕКСАНДРЪ
литературно-исторический журнал № 12 (27) декабрь 2018

ЗВЕЗДА УПАЛА – ЗАГАДАЙ ЖЕЛАНЬЕ

Марина ШЕРЕМЕТА

Я любила подходить в зале к окну и, слегка отодвинув штору, любоваться звёздами. Она и сейчас на том же месте – самая яркая и любимая звезда моего детства. (Я крепко зажмурю глаза и, как в детстве, загадаю желание.) В углу комнаты стояла пушистая пахучая ёлка, под которой рождались самые невероятные истории большой выдумщицы – моей старшей сестры, которые я с удовольствием слушала, уплетая снятую с колючих иголок огромную мармеладину. Но в этот вечер было как-то особенно грустно, потому что утром умчит её поезд.

– Сейчас я исполню твоё желание – я уже зажгла огни на ёлке, – и мы тихо посидим и поговорим, – донёсся до меня голос сестрички.

– А помнишь, у нас в саду был шалаш и мы прятались там от дождя?..

– А я каталась на качелях, верёвка перетёрлась, и я угодила в крапиву...

– А ещё мы с бабушкой отогревали замёрзших в зимние холода воробьёв...

– Отец катал нас на санках, мы весело смеялись и кричали: «Но, залётная!» – и он ускорял бег...

– А помнишь, Лёшка поставил мне подножку и я упала в снег лицом?.. А потом мы отомстили: засыпали мальчишкам каток золой из печи...

– А помнишь...

...Эти четыре минуты стоянки поезда растянулись в целую вечность. Она стояла в тамбуре и не спешила заходить в вагон. Глаза заволакивала пелена, я старалась отвести взгляд. А она всё смотрела и смотрела на перрон, на котором сиротливо и как-то потерянно стояли мы с мамой. Раздался гудок, застучали колёса – поезд тронулся, словно лопнула струна, натянутая в сердце, предательски покатились слёзы – уезжала сестра, забирая с собой часть моей души. С каждым разом встречи становятся всё душевнее, расставания – труднее и разлуки – нестерпимей. Мы тихо побрели на автобусную остановку, автобус будто нас и ждал, там оставались два свободных места. Я старалась ни о чём не думать и разглядывала узоры на оконном стекле. Мама повернула голову и увидела то же самое – искусно прорисованные заснеженные деревья, падающие звёзды и ангела, мчавшегося в санях с ёлкой в руках. У него за спиной были крылья... Он мчался в Старый Новый год...

Марина ШЕРЕМЕТА

Дом на улице Рябиковской, в котором и происходили новогодние чудеса. Фото Виктора Береснева

ЗИМНЯЯ СКАЗКА ПО-КАМЧАТСКИ

С Дальнего Востока стартует Новый год, выходит на финишную прямую в столице нашей Родины и через несколько дней плавно переходит, согласно доброй русской традиции, в Старый Новый год, который вновь собирает за праздничным столом любимых домочадцев и гостей.

ГДЕ-ТО НА БЕЛОМ СВЕТЕ...

За окном третьи сутки завывает метель, и снега намело до самой форточки на нашем мысе Санникова – одной из оконечностей Петропавловска-Камчатского, дальневосточного рубежа нашей Родины. Из маленького окошка в мир видны гирлянды разноцветных огней стоящих на рейде судов в одной из красивейших в мире Авачинской бухте. А вокруг всё белым-бело. Непогода упаковала всё видимое под снежным панцирем. Лишь по ту сторону бухты потряхивает седой головой Вилючинский вулкан, окружённый грядой белоснежных сопок.

Дверь одноэтажного дома из подменного фонда, квартиру в котором выдали нам как молодым специалистам, открывалась почему-то наружу. Маленькой Лене приходится выкатываться через форточку, чтобы детской лопаткой немного отскрести снег от двери, и тогда в работу вступали уже более

мощные орудия труда по ликвидации последствий снежных завалов. А для детей радость – можно бегать по крышам гаражей, по ним как раз проходит тропинка, протоптанная жителями, и нырнуть в тоннель к почтовому ящику, расположенному на детской площадке, за корреспонденцией. А ещё на кусочке картона с ветерком прокатиться по лестнице (их в городе хоть отбавляй, ведь он стоит на сопках), превратившейся в горку, – ступенек-то совсем не видно. Вот она – настоящая зимняя сказка.

– Мам, а Надя валенок в снегу потеряла, мы всё в округе прочесали – не нашли, – грустно докладывает ситуацию на снежном фронте старшая сестра Лена.

В руке за спиной у неё трофей – пакет с ярко-оранжевыми мандаринами: ходили дворовой командой на пирс за списанными на судне ароматными фруктами. На обратном пути вступили в неравный бой с мальчишками, используя трофей в качестве гранаты, и, убегая, понесли потери в обмундировании в виде валенка. Куртки, шапки, лицо – всё было в оранжевых пятнах и разводах.

– Ну что теперь поделаешь? По весне всплывёт...

СКАЗОЧНЫЕ ГОСТИ

В канун Нового года – долгожданное затишье. Россыпи звёзд и полнеющий серп луны. Над стройбатом, что рядом с нами, опять зависли звёздные треугольники, а потом, сделав несколько виражей, удалились за сопку – местные жители утверждают, что за военными объектами наблюдают пришельцы из космоса. А может, они просто хотят встретить Новый год по-камчатски, ведь сюда он приходит на девять часов раньше, чем в столицу нашей Родины?

В углу детской комнаты – украшенная в соответствии с фантазиями маленьких сестричек небольшая ель. И чего только на ней нет – от кусочков ваты и бумажных снежинок до гирлянд из конфетных фантиков! Разноцветные огоньки сквозь искусственную хвою игриво подмигивают блестящим голубым, в жёлтых звёздах шарам. Зазвенел серебряный колокольчик – кошка Жанка задела его хвостом, знакомясь с новым объектом в квартире. Из духовки раздаются вкусные ароматы запекающейся перуанской упитанной курицы (наши куры в то время были костлявыми и синими).

А вот и первый звонок. Наверное, гости. Через порог вваливается и еле протискивается в дверь Белый Снеговик с огромными ватными боками, заявивший, что ему скучно одному стоять на улице. Он подарил детям книжки-раскраски, и все дружно взялись за карандаши. Через какое-то время по лицу Снеговика побежали капельки воды. Испугавшись, что он может растаять, сестрички решили поделиться с ним припасённым к праздничному столу мороженым.

Ещё звонок. Как его не узнать – он такой, как в книжках: в красной шубе, с кудрявой белой бородой и добрыми глазами, чем-то похожий на Вовкиного папу. Вытянувшись в струночку и не сводя глаз с колоритного дедушки, сестрички по очереди тарабанят выученные заранее стихи. Он объявляет, что принёс посылку от Тищенко, и вытаскивает из увесистого мешка маленького пупса и набор фломастеров в прозрачных праздничных пакетах.

– Дедушка, а куда ты дальше пойдёшь? – робко интересуются дети. – Передай, пожалуйста, посылку Помазным – двух сказочных резиновых гномиков.

Не успели они отдышаться, как появился ещё один Дед Мороз. Сестрички уже осмелели, притащили из детской комнаты игрушечное пианино и, барабаня по клавишам, под импровизированную мелодию исполнили разученную в детском саду песню «В лесу родилась ёлочка». Дедушка довольно ухмылялся в пушистые усы, а потом вынул из мешка... огромную тихоокеанскую селёдку. Он рассказал, что путь его был очень длинным и сложным. Добирался до города через Тихий океан и, пролетая на санях над рыболовецкими судами, остановился у них передохнуть и встретил папу девочек, который передал им гостинец...

ТОРТ ДЛЯ ДЕДА МОРОЗА

– Мам, а к нам ещё дед Мороз придёт? – ныряя под тёплое одеяло, выпытывают дети.

– Думаю, что придёт.

– А как же Дед Мороз в дом попадёт? Ведь дверь же закрыта.

– А ты подойди к окошку, подставь ладошку, почувствуешь, как из щели веет холодом, – вот так и проходит в дом Мороз.

– А какой он – другой Дед Мороз, который проникает в дом через любые щели, и когда он успевает всем детям разнести подарки? – Очень интересовали сестричек эти вопросы.

– Он же сказочный и любит делать сюрпризы, а приходит тогда, когда детки крепко-крепко спят.

– А вдруг он кушать захочет? Давай ему под ёлочкой оставим чашку чая и кусочек праздничного торта...

Сестрички договорились караулить Деда Мороза по очереди. Огоньки на ёлке не отключали, чтобы было лучше видно. Пока одна спит, другая прислушивается к каждому шороху. Но в конце концов сон всё-таки побеждает, и под утро, продирая заспанные глаза, быстро бегут к ёлке в ожидании чего-то необычного. Ну надо же – от торта остались крошки и чай выпит! А рядом стоят красивые сапожки – голубые и жёлтые – как раз под цвет курточек! И сапожки впору. Нацепив их, счастливые детки в пижамах прибежали хвастаться подарками.

Откуда только Дед Мороз узнал, что Надя потеряла валенок в снегу, а Лене очень хотелось новые сапожки, так и остаётся загадкой...

ПУСТЬ ОНИ ТОЖЕ ПОРАДУЮТСЯ, ИЛИ ТАЙНА ЗА АЖУРНЫМИ ВОРОТАМИ

Необычайно красивое, сверкающее куполами и выделяющееся в архитектурном облике города строение чем-то притягивало маленького сынишку.

Ему казалось, что за створками ажурных ворот прячется тайна.

Наши прогулки часто совершались мимо городской доминанты – храма в честь пророка Илии. Это было начало 2000-х годов. Но как сложно было тогда переступить порог в неизвестность...

Под куполом необъятного неба развешаны сверкающие звёздные ожерелья. Искусный художник Мороз лёгкими мазками белого инея разрисовал ветви деревьев и провода, выткал на оконном стекле причудливые узоры. Уличные фонари таинственно отражали свет далёких звёзд. Мороз покалывал щёки, пощипывал нос и напористо пытался забраться за ворот пальто. Ночную тишину нарушал скрип каблучков и хруст снега под ногами. Пришли долгожданные крещенские холода. Праздник Крещения Господня. Малышу очень хотелось прикоснуться к тайне за ажурными воротами – попасть на вечернюю праздничную службу. Но мы тогда не сориентировались во времени. В храме уже было пусто, но ещё витал лёгкий аромат ладана, догорали свечи – зримые следы недавнего богослужения. Осмотревшись по сторонам, сын загрустил. «Мам, праздник-то какой! А у некоторых икон совсем пустые подсвечники. А можно?... – пытливо взглянул на меня малыш. – Пусть они тоже порадуются». Бюджет нашей семьи в то время был более чем скромным, и приходилось на всём экономить. Но настолько было красивым желание сына, что я с ним согласилась. Малыш с радостью ставил свечи во все имеющиеся в храме подсвечники, лики святых озарялись светом. Огненные языки пламени яркими искорками заблестели в глазах счастливого ребёнка...

НАУКА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ

СОЛНЕЧНЫЙ И НЕОБЫЧНО ЖАРКИЙ ОСЕННИЙ ДЕНЬ 12 ОКТЯБРЯ БЫЛ НАСЫЩЕН СОБЫТИЯМИ ДЛЯ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «АЛЕКСАНДРЪ» АНАТОЛИЯ ТРУБЫ.

Утром в рамках 20-й Российской агропромышленной выставки «Золотая осень» на территории ВДНХ проходила церемония награждения учёных-аграриев за научные достижения в сфере аграрных наук. Директор ФГБНУ «Всероссийский селекционно-технологический институт садоводства и питомниководства», академик РАН Иван Куликов и главный научный сотрудник ФНЦ ВНИИЭСХ – филиала ВНИОПТУСХ Анатолий Труба были награждены золотой медалью и дипломом первой степени «За издание серии монографий по разработке инновационных форм хозяйствования в сфере АПК». Всего на суд жюри было представлено три монографии вышеупомянутых авторов: «Бизнес-инкубатор – инновационная форма хозяйствования в сфере услуг», «Оптимизация условий кредитования предприятий сферы услуг», «Современные модели процессов конкуренции предприятий сферы услуг». Научные труды получили высшую оценку.

А уже днём Анатолий Труба принял участие в посадке плодовых и садовых деревьев в Звёздном городке. Всего было высажено 60 деревьев. Эта акция является продолжением проекта «Сад мира – Благодатное кольцо», и кроме главного редактора журнала «Александръ» в данном мероприятии приняли участие руководитель проекта Владимир Березовский, протоиерей о. Павел (Медведев), селекционер Геннадий Щербенев, школьники и жители Звёздного городка. Дендрарий около храма пополнился шестью новыми видами деревьев.